

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 3 (9)

Academic Journal

Series:
Philosophy. Social Studies. Art Studies

Moscow
2017

ВЕСТНИК РГГУ
№ 3 (9)

Научный журнал

Серия
«Философия. Социология. Искусствоведение»

Москва
2017

УДК 101(05)+316(05)+7.01(05)

ББК 87я5+60.5я5+85я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмэр (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шапклина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Редакционная коллегия серии

Е.Н. Ивахненко, гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Д. Губин, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), Ж.Т. Тощенко, зам. гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Л.Н. Вдовиченко, д-р социол. н., проф. (РГГУ), В.А. Колотаев, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.И. Резниченко, д-р филос. н., проф. (РГГУ), О.В. Китайцева, отв. секретарь, канд. социол. н. (РГГУ), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), Н.М. Великая, д-р полит. н., проф. (РГГУ), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), В.Д. Губин, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), С.А. Коначева, д-р филос. н., доц. (РГГУ), Л.Ю. Лиманская, д-р искусствоведения, проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), А.В. Марков, д-р филол. н., доц. (РГГУ), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония)

Ответственные за выпуск: Резниченко А.И., д-р филос. н., проф., Колосова Е.А., к. социол. н., доц., Шевченко И.О., к. ист. н., доц., Кученкова А.В., к. социол. н., доц., Марков А.В., д-р филол. н., доц.

ISSN 2073-6401

© Российский государственный гуманитарный университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

М.И. Переславцев

Место и роль деизма в процессе европейской секуляризации
в интерпретации Чарльза Тейлора 9

И.В. Белая

О развитии женского монашества в даосской школе Цюаньчжэнь
в эпохи Цзинь и Юань. Ч. 2: Во-Лэ Шоу-Цзянь 16

Современная социология: теория и методология

М.Б. Буланова

Теоретико-методологические подходы
к изучению образовательного капитала интеллигенции 24

Социология жизни

Н.В. Романовский

Как строят современные социологические теории 30

Г.А. Цветкова

Трансформация жизненного мира пенсионеров России 37

О.В. Китайцева

Социальное положение российских пенсионеров
как фактор удовлетворенности жизнью 50

М.С. Цапко

Качество жизни российского пенсионера 60

Е.А. Ирсетская

Пенсионер в ближнем кругу общения:
смыслы, взаимодействия, трансферты 72

А.В. Луговая

Гендерные особенности жизни на пенсии 81

И.В. Воробьева

Политическое участие жителей российского села 88

Искусствоведение

<i>В.Д. Черный</i> «Этикет» в древнерусском искусстве как изобразительная система	98
<i>С.Г. Зюзева</i> Стилистические и технологические новации в художественном оформлении иконных окладов как отражение международных связей русской культуры XVI в.	106
<i>Р.Р. Мусина</i> Пластические серии Виктора Неплюева (Опыт приобщения к традиционному искусству)	119
<i>К.К. Огиев</i> Прокатные судьбы отечественных фильмов	125
<i>И.Ю. Перфильева</i> Ювелирные украшения в семиотическом поле советского кинематографа второй половины 1930-х гг.	134
Abstracts	145
Сведения об авторах	151

CONTENTS

Philosophy

- M. Pereslavitsev*
The place and the role of deism in the process of European secularisation
in Charles Taylor's interpretation 9
- I. Belaya*
On the development of the female sisterhood at Daoist school Quanzhen
during the Jin and Yuan dynasties. P. II. Wole Shoujian 16

Contemporary sociology. Theory and methodology

- M. Bulanova*
Theoretical and methodological approaches to the study
of intelligentsia educational capital 24

Sociology of Life

- N. Romanovskij*
How are sociological theories construed today 30
- G. Tsvetkova*
Transformation of the life world of pensioners in Russia 37
- O. Kitaitseva*
The social status of Russian pensioners as the life satisfaction factor 50
- M. Tsapko*
Quality of life of the Russian pensioners 60
- E. Irsetskaya*
The pensioner in the near circle of contacts.
Meanings, interactions, transfers 72
- A. Lugovaya*
Gender peculiarities of life in retirement 81
- I. Vorobyova*
Political participation of the Russian villagers 88

Art studies

<i>V. Chernyj</i> “Etiquette” in Old Russian Art as an artistic system	98
<i>S. Zyuzeva</i> Stylistic and technological innovations in the artistic design of iconic settings as a reflection of international contacts in Russian culture of the 16th century	106
<i>R. Musina</i> Plastic series by Viktor Neplyuev (Experience of familiarizing with traditional art)	119
<i>K. Ogn'ov</i> Distribution fates of Russian movies	125
<i>I. Perfilieva</i> Jewelry in the semiotic field of the Soviet cinema in the second half of the 1930s.	134
Abstracts	145
General data about the authors	153

Место и роль деизма в процессе европейской секуляризации в интерпретации Чарльза Тейлора

Статья посвящена книге «Секулярный век» Чарльза Тейлора, не так давно вышедшей на русском языке, и конкретно тому, какую роль в процессе перехода от религиозного общества Тейлор отводит деизму – характерному для эпохи Просвещения мировоззрению многих мыслителей. В статье делается акцент не только на возникновении деизма, но и на его влиянии на формирование современного общества во многих странах и на той роли, которая в них отводилась религии.

Ключевые слова: Просвещение, секуляризация, деизм, Тейлор, христианство.

Недавно на русском языке вышел труд канадского философа Чарльза Тейлора «Секулярный век»¹. В данной книге автор рассматривает широчайший спектр проблем, связанных с религией, секуляризацией и тем, как понимать последнюю. Один из ключевых вопросов звучит следующим образом: как неверие, невозможное в 1500 г., стало возможным или даже желаемым в году 2000-м?

Тейлор считает деизм не просто разновидностью мировоззрения, присущего эпохе, но результатом тех перемен, что произошли в Европе с XV по XVIII в. Этот процесс он именует реформой, что уже отсылает к понятию Реформации; однако реформа, с точки зрения Тейлора, все же не сводится к ней одной. Она – более общий процесс, связанный с желанием элит повысить уровень религиозной практики населения в целом (Тейлор часто обращается к примеру Латеранского собора 1215 г., который обязывал ежегодно исповедоваться каждого верующего²), давший начало зарождению западноевропейской идентичности в том виде, в каком мы понимаем ее сегодня. Это неразрывно связано с переключением акцента

с внешних проявлений веры на внутренний мир человека, на его душу; происходит расколдовывание мира (борьба с элементами народной религии, магией, обрядами), и все чаще встает вопрос о том, как можно сделать богоугодной жизнь обычного человека в миру. Такой характер задач был актуален в равной мере в католических и в протестантских странах и достиг своего завершения в теориях общественного договора. Последние, что примечательно, по-прежнему несли на себе печать теологии, как это следует из Гоббса: «Естественное право, при помощи которого Бог царствует над людьми и наказывает тех, кто нарушает Его законы, должно быть произведено не из факта сотворения людей Богом... а из Его непреодолимого могущества»³. С другой стороны, характерные особенности религий находились в подчиненном положении по отношению к естественному закону в таких теориях⁴. И все же в XVI–XVII веках появление новых форм в политике, реализация планов по коренному преобразованию общества, что впоследствии было названо «цивилизацией» – все это было неразрывно связано с религиозными импульсами (Тридцатилетняя война, Английская революция) и полностью оставалось в рамках религиозной грамматики. В XVIII в. ситуация начала стремительно меняться.

Тейлор не случайно называет деизм «поворотным пунктом». В чем характерная специфика деистического мировоззрения как такового? Бог по-прежнему мыслится как Создатель всего сущего, устроивший мир по своему благому и разумному плану. Но расколдование привело к тому, что характерный для более ранних эпох взгляд на мир (в том числе на общество) как на иерархию существ отступил, и его место заняла безличная Вселенная, управляемая законами причинно-следственной связи, постигая которые мы постигаем замысел Бога. Также важной чертой деизма является убежденность в том, что Бог создал такой мир исключительно ради нашего процветания. Все эти моменты сужают горизонт Божественного провидения – оно теперь может быть познано и рационально понято, – а также приводят к угасанию значения благодати, тайны и к исключению чуда: зачем всемогущему, всеблагому автору замысла Вселенной вмешиваться в свое творение, нарушая свои законы⁵?

Такой идеал рациональности и сдержанности, по мысли Тейлора, был вдохновлен неостоицизмом, в особенности Юстом Липсием, еще в XVI в. Именно такая этика, востребованная как католиками, так и протестантами, провозглашала идеал целостного, активного индивида-деятеля, обладающего самоконтролем, а главное – полагающегося на бесконечную волю Бога; любовь такого индивида к Богу состояла в активной деятельности по улучшению

самого себя и выполнению собственного долга⁶. Однако тогда это носило характер личной этики человека, и вполне серьезные религиозные практики, в том числе личного характера, могли ее вдохновлять или просто соседствовать с нею; иными словами, она воспринималась как инструмент. Теперь же она воспринимается как должное, причем настолько, что затрагивает само видение Бога: слабеет акцент на Христе как на Боге, ведь упрощенная вера требует меньшей догматической нагрузки, а сама идея вочеловечения Бога является примером вмешательства в порядок вещей, не говоря уже о слишком эмоциональном для такого мировоззрения образе, каким является Христос. Как такой поворот стал возможен?

Тейлор отсылает читателя к XVII в., когда шла дискуссия между янсенистами и благочестивыми гуманистами. Первые критиковали последних за то, что те считали возможным теозис (обожение) человека, исходя из его собственных душевных импульсов, данных по природе. Такая мысль казалась янсенистам плодом гордыни и самонадеянности, а наша природа – слишком далекой от Бога, а значит, их духовность в свою очередь «делала особый упор на внешнем поведении, моральном и обрядовом <...> янсенисты придавали огромное значение церковной молитве <...> отстаивали чрезвычайно суровые нормы этического поведения»⁷. Но если расцвет движения янсенистов совпал с периодом усиления благочестивых практик, то когда эта волна пошла на спад, выяснилось, что в их интерпретации требования религии сводятся в основном к морали и правильному поведению. Таким образом, сжатие религии до морализма происходит в результате деятельности не благочестивых гуманистов вроде Эразма, но их противников, разновидностью которых были янсенисты (с еще большей силой эти тезисы отстаивали протестанты). В этом и проявляется парадокс исторического процесса, сопровождающий секуляризацию на ключевых моментах: простым историям вычитания Тейлор противопоставляет своего рода «историческую диалектику», когда развитие секулярной мысли осуществляется посредством чередования периодов расцвета с периодами упадка.

Итак, результатом утверждения пропасти между Богом и сущностью человека стала морализация религии, переплетенная с представлениями об общественном порядке, о благе и процветании. Теперь преданность Богу заключается в поддержании морального порядка, служении государству, участии в обмене благами, что помогает увеличивать благосостояние общества (подобно тому, как в сфере природы исследование позволяет постичь ее законы и заставить работать на нас), обеспечивать безопасность и процветание. Примечательно, что такое видение изначально отстаивали

отнюдь не гуманисты или вольнодумцы вроде Вольтера или Дидро, но люди, относящиеся к руководству Церкви – англиканская церковь даже считала, что рациональная вера способна подорвать авторитет ее противников: папистов и пуритан. Тейлор приводит примеры Тиндала, гугенотов Жана Леклерка и Жака Бернара, аббата Сен-Пьера – все эти представители духовенства отстаивали первенство добродетельной жизни как основы веры в Бога. Аббат Рейналь писал: «Именно этой власти, и только ей одной надлежит исследовать догматы и церковное устройство каждой религии <...> дабы удостовериться, что они не противны здравому смыслу и не подвергают общественный мир опасности смут и беспорядков»⁸. Схожего мнения придерживался Гельвеций:

Бог сказал человеку: я создал тебя <...> я наделил тебя разумом; я хотел, чтобы твой разум <...> заботился о твоём пропитании <...> научил тебя всем наукам <...> чтобы, совершенствуя этот разум, ты достиг знания моих требований, т.е. своих обязанностей по отношению к обществу, способов поддержать в нем порядок⁹.

Неостоическая этика, усиленная духовным климатом деизма, привела к утверждению позиции отстраненного, беспристрастного наблюдателя как важной черты современного Я: теперь образованная публика и вовсе начинает спорить касательно религии и ее разновидностей, ставить под вопрос ее истинность, что было невозможно еще два с половиной столетия тому назад. Но это не значит, что интеллектуальная элита стала сплошь воинствующе-атеистической:

...Юм и Гиббон, по видимому, исходили из того, что просвещенность и благовоспитанность навсегда останутся достоянием элиты... Для этих же последних [народных масс – *прим. автора*] малая толика суеверия может даже оказаться полезной, удовлетворяя религиозные потребности народа и не подстрекая его к бунту¹⁰.

Однако бесспорным становится утверждение свободы совести, пример чему – возмущение образованной публики по случаю отмены Людовиком XIV Нантского эдикта, вызвавшего массовое бегство гугенотов из Франции. Можно сказать, что здесь рождается характерное для современной культуры разделение морали и религии, причем если первая часто по-прежнему связана с Богом, то последняя – также с культом, ритуалом и догматикой, а выбор того, какой религии следовать, становится частным делом каждого человека. Отсюда двоякая причина для осуждения фанатиков

и энтузиастов, настаивавших на том, что они слышат Божий голос, в отличие от остальных людей, и тем самым получают свободу действий: так, с одной стороны, они оскорбляют Бога своим аморальным поведением, а с другой – создают опасность для общественного и правового порядка. Суеверие, ранее считавшееся клеймом «магии», все чаще ассоциируется с религией, вероисповеданием, и даже Богом.

Однако у Тейлора роль деизма не ограничивается тем, что он подготавливает почву для неверия, опустошая содержание религии. Помимо истории мысли, становление секуляризации происходило в истории обществ разных стран, и здесь уже сложно говорить о едином направлении и поступательном движении: даже беглый взгляд на истории Франции, Великобритании и США показывает, насколько они разные: столь резкие всплески атеизма, характерные для революционно-республиканской Франции, в англоязычном мире не имели места. Кроме того, независимо от хода истории, в большинстве стран в течение всего Нового времени происходило чередование периодов роста и упадка религиозной практики. Чтобы объяснить столь сложные феномены, Тейлор вводит идеальные типы, помогающие описать религиозную ситуацию в том или ином обществе в разные периоды.

Типов всего три: Старый режим (*Ancien Régime*), Эпоха Мобилизации и Эпоха Подлинности. Поскольку они касаются в первую очередь отношения религии и общества, то Тейлор называет их «дюркгеймовскими типами», в честь одного из основателей социологии Эмиля Дюркгейма, подробно описавшего данную связь. Старый режим – палеодюркгеймовский тип – имеет следующие черты: ощущение заколдованного мира, основание всего сущего в более высоком понятии времени, вечности, «общества» как такового нет, но существуют сословия, страты и касты, а общественное устройство основывается либо полностью в божественной воле, либо на законе, установленном в стародавние времена. Эпоха Подлинности – постдюркгеймовский тип – соответствует современной ситуации, когда политическая и национальная идентичность человека больше не привязаны к религии, а общество, состоящее из таких индивидов, уже никак не привязано к божественному началу, и в нем уже широко распространено неверие¹¹. Последний нас в данном случае не интересует: гораздо важнее то, как осуществляется переход от Старого Режима к Эпохе Мобилизации (неодюркгеймовский тип). Последняя, как предыдущий тип – старый режим – также характеризуется верой в Бога, но при этом существенной чертой в ее случае оказывается общество равных индивидов, которые взаимодействуют здесь и сейчас с целью

реализации и поддержания правопорядка, безопасности и процветания. Начинается эта эпоха с того, что Тейлор назвал реформой: «Народ убеждают, принуждают, силой заталкивают в новые формы общества, церкви, объединения»¹². Однако в дальнейшем эта новая вовлеченность все больше приводит к тому, что в религии общество (каждый индивид) черпает силы для повседневных практик, что в сумме приводит к достижению как личных, так и коллективных целей.

Это видно на примере англоязычного мира и особенно США, где объединяющая формула «нация под Богом» привела к появлению деноминаций – религиозных объединений, не претендующих на всеобщность, как Церковь, и на узкий масштаб, как секта; это позволяет им не конкурировать и не подрывать позиции друг друга, но признавать различия и сотрудничать в единстве. Сначала деноминации были протестантскими церквями, но впоследствии в такое взаимодействие включились католики, «а совсем недавно они опять расширились и включают также мусульман и других»¹³. По словам Тейлора, вся история США до нашего времени по сути представляет собой такой проект, где свободные индивиды строят общество, основанное на безопасности, целью которого является процветание и защита прав человека, и религия способствует этому двояко: она мотивирует индивидов и в то же время является частным делом каждого. Но это американский вариант. Схожая синергия в Великобритании была подорвана в начале XX века в ходе Первой мировой войны, когда британский патриотизм, частью которого была приверженность одной из протестантских Церквей, по сути стал движущей причиной для травмы значительной части британского общества¹⁴. Еще сложнее дела обстояли во Франции, где после падения Наполеона наступила эпоха Реставрации и Католическая Церковь энергично взялась за восстановление утраченных позиций. Но в XIX веке общество не могло быть таким, каким оно было веком ранее, и Церковь была вынуждена разрушать формы традиционных для крестьянства форм религии, привязанной к месту. Само собой, это вызывало отторжение у мирян. Чтобы одержать верх в борьбе, Церковь стремится «обеспечить свое присутствие <...> среди студентов, профессионалов, рабочих <...> были основаны католические политические партии». Таким образом, принадлежность к Католической Церкви стала политическим фактором, итогом чего явилась деятельность ультраправых движений вроде «Французского действия» Шарля Морраса и прочная ассоциация Церкви с «реакцией», «мракобесием» и т. п. Совсем иной роль католицизма оказалась в Польше и Ирландии: здесь религиозная принадлежность помогала в формировании диаспоры

и борьбе за независимость, что скорее способствовало росту практики, нежели отвращению людей от веры.

Таким образом, Тейлор показывает, как комплекс веры, морали и политической ориентации, сочетаемый в рамках одного индивида, позволяет сформировать и должным образом сориентировать то или иное общество, которое часто ощущает себя как нацию; кроме того, данный анализ показывает, как идеи, бывшие достоянием узкого круга интеллектуалов, могут оказаться ключевыми для всего общества в следующем столетии. При этом видно, насколько важна деятельность макросоциальных групп, и это говорит в пользу того, что такие составляющие деизма, как ставка на активную деятельность сообщества индивидов и уважение к свободе совести, оказали огромное влияние на формирование форм мобилизации. Касательно США можно даже утверждать, что здесь состоялось практическое воплощение концепции «естественной религии», если под последней понимать тезис «нация под Богом» и мессианский характер государства, а также сопутствующий ему принцип «веруй как тебе угодно – главное веруй», позволяющий найти общее основание представителям всех конфессий. Этот и другие примеры работы данного «идеального типа» могут помочь установить причины роста или падения религиозной практики в разных странах в ходе исторического процесса, а также лучше понять место религии в современном мире.

Примечания

¹ Тейлор Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017. XIV.

² Там же. С. 52, 84, 89.

³ Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1991. С. 278.

⁴ Там же. С. 138.

⁵ Тейлор Ч. Указ. соч. С. 288.

⁶ Там же. С. 153–158.

⁷ Там же. С. 293.

⁸ Там же. С. 309.

⁹ Гельвеций К. О человеке // Гельвеций К. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1974. С. 46.

¹⁰ Тейлор Ч. Указ. соч. С. 309.

¹¹ Там же. С. 553–555, 601–604.

¹² Там же. С. 553.

¹³ Там же. С. 563.

¹⁴ Там же. С. 509.

О развитии женского монашества
в даосской школе Цюаньчжэнь
в эпохи Цзинь и Юань.
Ч. 2: Во-Лэ Шоу-Цзянь

Статья посвящена изучению становления женской монашеской традиции в даосской школе Целостности и совершенства (Цюаньчжэнь) в эпохи Цзинь (1115–1234) и Юань (1271–1368). В основу исследования была положена стела с эпитафией даосской монахини, которая внесла весомый вклад в развитие этого религиозного движения. На примере жизнеописания Во-Лэ Шоу-Цзянь (1182–1251) рассматриваются важные аспекты женского подвижничества, а также приводятся сведения об истории возникновения первых женских обителей даосской школы Цюаньчжэнь в Китае XII–XIII вв.

Ключевые слова: Китай, даосизм, школа Целостности и совершенства, даосские монахини, учение Цюаньчжэнь, нью гуань, Во-Лэ Шоу-Цзянь.

В 1167 г. в г. Нинхай (совр. Мупин, пров. Шаньдун) возникла новая даосская школа, которая получила название «Целостности и совершенства» (Цюаньчжэнь 全真). Ее основателем был Ван Чун-ян 王重陽 (1113–1170) – даосский отшельник с гор Чжуннаньшань 終南山 (пров. Шэньси) по имени Ван Чжэ 王嘉, по прозвищу Чун-ян-цзы 重陽子 (Мудрец Двойного ян). Согласно традиции, Ван Чун-ян получил даосское учение от Люй Дунбиня и его наставника Чжун-ли Цюаня. После этой встречи он отказался от жизни богатого аристократа, оставил жену и детей и стал даосом. Развитие этой школы из небольшого религиозного сообщества в широкомасштабное религиозное движение, которое является на сегодняшний день главной даосской школой материкового Китая, происходит уже после смерти Ван Чун-яна. По окончании трехлетнего траура его ученики, почитаемые традицией как Семь совершенных людей (*Ци чжэнь жэнь* 七真人)¹, разошлись по различным провинциям Китая проповедовать новое учение. Вскоре вокруг них стал собираться круг последователей, начали

образовываться коммуны и небольшие религиозные сообщества. Наставники Цюаньчжэнь активно проповедовали свое учение среди женщин, о чем свидетельствует более сотни поэм, которые они посвятили «отшельницам» (*сань жэнь* 散人), «сестрам» (гу 姑) и «монахиням» (*той гуань* 女冠) своей школы. Несмотря на внушительное количество поэм, нам практически ничего не известно об этих последовательницах учения Целостности и совершенства, так как в них упоминаются только имена и прозвища даосок, которым были адресованы наставления первых патриархов².

Информация о подвижницах этой школы, за исключением Сунь Бу-эр 孫不二 (1119–1183), отсутствует и в официальных жизнеописаниях праведников Цюаньчжэнь из «Даосского канона» (*Дао цзан* 道藏). Единственным источником, по которому мы можем судить о примерном количестве и соотношении женских и мужских обителей, являются записи на мемориальных стелах, установленных в монастырях школы Цюаньчжэнь в период ее максимального расцвета – в эпоху Юань. На обратной стороне стелы «Записи о дворце Предтечи совершенномудрых заново отреставрированного в Великую [эпоху] Юань почтенного монастыря Лоугуань» (*Да юань чун сю гу Лоугуань Цзуншиэнгун цзи* 大元重修古樓觀宗聖宮記)³, установленной в горах Чжуннаньшань в 1263 г., озаглавленной «Имена настоятелей дворцов и монастырей, учеников Совершенного человека Тун-чэня» (*Тун-чэнь чжэнь-жэнь мэнь ся гун гуань ган шоу мин ши* 同塵真人門下宮觀綱首名氏), зафиксированы названия некоторых женских обителей, которые располагались на территории пров. Шэньси и Хэбэй, а также имена и фамилии настоятельниц монастырей и выдающихся монахинь школы Цюаньчжэнь. В количественном соотношении храмов, куда входили как большие монастыри – «дворцы» *гун* 宮, монастыри поменьше – *гуань* 觀 и скиты – «хижины» *ань* 庵 и «пещеры» *дун* 洞, из 187 даосских обителей, перечисленных на стеле, 97 населялись и управлялись женщинами⁴. На «Стеле об учениках Совершенного человека Ци-юаня» (*Ци-юань чжэнь-жэнь мэнь чжун бэй* 棲元真人門眾碑) (ок. 1278 г.) также указываются названия 50 мужских и 55 женских монастырей, находившихся в пров. Шаньси и Хэнань⁵. Что касается общего числа даосок школы Целостности и совершенства, то, согласно статистике, приведенной зарубежными исследователями, к концу XIII в. среди 20 000 зарегистрированных священнослужителей было около 7 000 женщин⁶.

Все это свидетельствует о том, что, в отличие от традиционно китайского общества⁷, в школе Цюаньчжэнь женщины играли важную роль – от настоятельниц монастырей до основательниц собственных субнаправлений. Согласно правилам этой школы,

даосские подвижники должны были жить отдельно от мужчин, так как это учение проповедовало безбрачие и отказ от семьи для духовного совершенствования, что обусловило впоследствии появление специфически женских монастырей. Семейные ценности традиционного китайского общества заменялись идеалом «немирской семьи», которую даосы школы Цюаньчжэнь обретали в стенах монастырских обителей. Существенный вклад в становление женской монастырской традиции внесла даоска чжурчжэньского происхождения Во-Лэ Шоу-Цзянь 韓勒守堅 (1182–1251)⁸.

О подвижнице по имени Во-Лэ Шоу-Цзянь сохранились сведения на стеле «Записи основных деяний Совершенной, [постигшей] сокровенность чистоты и нефритового совершенства, из монастыря Лунъянгуань» (*Лунъянгуань юй-чжэнь цин-мяо чжэнь-жэнь бэнь-син цзи* 龍陽觀玉真清妙真人本行記)⁹. В них говорится, что Во-Лэ Шоу-Цзянь 韓勒守堅 (1182–1251) была родом из Шанцзина 上京 округа Гайчжоу 盖州 (совр. пров. Хэйлунцзян 黑龍江). В эру *Да-дин* (1161–1189) ее отец был назначен управляющим округа Бэньчжоу. Уже с младенчества Во-Лэ восхищалась «сокровенным ветром»¹⁰, каждый день декламировала даосские гимны. Отец с матерью удивленно говорили: «Наверно, в нашем роду когда-то были даосы». Однажды она встретила даоску по имени Цзягу 夾谷 из монастыря Великой чистоты (Тайцингуань 太清觀¹¹) и, отнеся поклоны, попросилась к ней в обучение. В 7 г. эры Мин-чан (1196 г.), когда Во-Лэ Шоу-Цзянь исполнилось 15 лет, она успешно сдала экзамен на знание даосских книг-основ и была пожалована пурпурным одеянием (*цзы* и 紫衣)¹² даосской священнослужительницы [см. ДЦЦШЛ, с. 542].

В жизнеописании не указано, какие именно тексты изучила Во-Лэ Шоу-Цзянь для того, чтобы получить посвящение в даосы, однако к этому времени важность изучения канонов уже была прописана в увещаниях первых патриархов – Ван Чун-яна в «Пятнадцати суждениях Чун-яна об установлении учения» (*Чун-ян ли цзяо ши у лунь* 重陽立教十五論)¹³ и в «Десяти увещаниях» (*Ши цюань* 十勸) Лю Чан-шэна¹⁴. Лю Чан-шэн также был автором комментариев к «Книге-основе Желтого дворика» (*Хуан тин цзин* 黃庭經)¹⁵ и «Книге-основе о единении сокрытого» (*Инь фу цзин* 陰符經)¹⁶. Другой ученик Ван Чун-яна, Лю Тун-вэй 劉通微 (?–1196), написал комментарий к «Книге-основе о Чистоте и покое» (*Цин цзин цзин* 清靜經)¹⁷. Второй патриарх школы Ма Дань-ян также советовал ученикам прочесть *Дао Дэ цзин* 道德經 и *Инь фу цзин*, чтобы совершенствоваться в даосском учении¹⁸. Известно, что среди сочинений, которые в школе Цюаньчжэнь считали важными для изучения, были не только даосские каноны, но и конфуциан-

ские уложения наряду с буддийскими сутрами. Вань-янь Шоу 完顏璫 (1172–1232) отмечал, что Ван Чун-ян «советовал людям декламировать *Дао Дэ цзин*, “Книгу-основу о Чистоте и покое”, “Сутру сердца праджня-парамиты” (санскр. Праджняпарамита хридая сутра, кит. *Бо-жэ синь цзин* 般若心經), а также “Канон Сыновней почтительности” (*Сяо цзин* 孝經)»¹⁹. Лю Цзу-цянью 劉祖謙 (1219–1296) указывал, что каждый последователь Ван Чун-яня был «обязан сначала прочесть “Канон Сыновней почтительности” и *Дао Дэ цзин*»²⁰.

После того как в 1224 г. Цю Чан-чунь вернулся из ставки Чингисхана в Яньбэй 燕北 (совр. Пекин), Во-Лэ Шоу-Цзянь стала его ученицей и узнала у него о даосских методах (*дао фа* 道法). Некоторое время Во-лэ помогала Цю Чан-чуню проводить даосские службы, а затем проповедовала учение Цюаньчжэнь в Яньбэе, Юньчжоу (город и уезд Датун, пров. Шаньси) и Шочжоу (сев.-зап. пров. Шаньси). Один из знатных сановников высоко ценил ее и оказал помощь в строительстве обители Благовещих облаков (Цинъюньгуань 慶雲觀), а также отправил к ней в ученики детей родовитой знати и детей простых слуг. Во время ее наместничества в монастырь поступило более десятка женщин, среди которых была Чжан Цзин-чунь 張淨淳. В 1238 г. ее покровитель был отправлен в Циньшу 秦蜀 (совр. Сиань) поддерживать порядок в Гуаньчжуне (пров. Шэньси). Шоу-Цзянь направилась вслед за ним и поселилась в старой кумирне Истинно-воинствующего (Чжэнь-у мяо 真武廟)²¹, которая после этого была перестроена в монастырь Лунъянгуань 龍陽觀. Местная знать относилась к Во-Лэ Шоу-Цзянь с глубоким почтением, и многие из них отдавали своих детей и внуков к ней в обучение. В 1241 г. по настоянию Инь Чжи-пина 尹志平²² она поселилась в горах Чжуннаньшань. Там ей было поручено управлять монастырем Продления жизни (Яньшэнгуань 延生觀), где некогда нашла приют танская принцесса Юй-чжэнь 玉真²³. По приглашению Во-Лэ даосские монахини, проживавшие в пров. Шэньси, выполняли в этом монастыре все необходимое для проведения служб и занимались самосовершенствованием. Вскоре за заслуги и высокие моральные качества Во-Лэ Шоу-Цзянь было пожаловано прозвище «Совершенная, [постигшая] сокровенность чистоты и нефритового совершенства» (Юй-чжэнь цин-мяо чжэнь-жэнь 玉真清妙真人). Во-Лэ скончалась в 24 день 7 лунного месяца в возрасте 70 лет. Во 2 г. эры Чжун-тун (1260–1264) под циклическими знаками *синь-ю* (1261 г.) деяния ее жизни были описаны по просьбе ее учениц – даосских монахинь Лю Цзин-юань 劉淨元 и Ли Шоу-чжэнь 李守真 и увековечены на стеле, которую установили ее последователи Ду Шоу-хэ 杜守和, Чжан Дао-синь 張道信,

Ян Гуй-тун 杨贵童, Хэ Чунь-тун 何春童, Чжао Цинь-тун 赵琴童, Хэ Син-тун 何兴童, Чжао Цзин-нин 赵净宁 и Фэн Цзин-чан 冯净常 [см. ДЦЦШЛ, с. 542].

Увеличение числа даосских монахинь, а также активность и род деятельности первых наставниц были напрямую связаны с развитием школы Целостности и совершенства, которая из маленьких религиозных сообществ превращалась в широкомасштабное религиозное движение. Ко времени посвящения в даоски Во-Лэ Шоу-Цзянь появляются первые женские обители, а у школы Цюаньчжэнь – покровители из высшего чиновничества. Сообщается, что Во-Лэ Шоу-Цзянь не только участвовала в распространении учения в различных областях Китая, но и управляла религиозными общинами, где под ее руководством прошли обучение свыше десяти даосок. Все это свидетельствует о том, что женщины играли важную роль в распространении учения Цюаньчжэнь уже на самых ранних его этапах, способствуя становлению женской монашеской традиции этой школы.

Примечания

¹ «Семь совершенных людей» (Ци чжэнь жэнь 七真人) – Ма Юй 馬鈺, дао хао Дань-ян 丹陽 (Киноварный свет) (1123–1184); Тань Чу-дуань 譚處端, дао хао Чан-чжэнь 長真 (Вечное совершенство) (1123–1185); Цю Чу-цзи 丘處機, дао хао Чан-чунь 長春 (Вечная весна) (1148–1227); Лю Чу-сюань 劉處玄, дао хао Чан-шэн 長生 (Вечная жизнь) (1147–1203); Ван Чу-и 王處一, цзы Юй-ян 玉陽 (Нефритовый свет) (1142–1217), Хао Да-гун 郝大通, дао хао Гуан-нин 廣寧 (Беспредельное спокойствие) (1140–1213); Сунь Бу-эр 孫不二, дао хао Цин-цзин 清靜 (Чистота и покой) (1119–1183).

² С переводом некоторых поэм, которые первые патриархи этой школы посвящали своим ученицам, можно познакомиться в дисс. иссл. Лю Ян «Образ женщин-даосок в танской и сунской поэзии» (*Liu Yang. Imagery of Female Daoists in Tang and Song Poetry. Ph.D. Dissertation. The University of British Columbia. Vancouver, 2011. P. 270–283*).

³ См.: («Записи о дворце Предтечи совершенномудрых, заново отреставрированном в великую [эпоху] Юань почтенного монастыря Лоугуань» (*Да юань чун сю гу Лоугуань Цзуншиэнгун цзи 大元重修古樓觀宗聖宮記*) // Даосские надписи на бронзовых сосудах и каменных стелах (*Дао цзя цзинь ши лэо 道家金石略* (далее – ДЦЦШЛ)) / Сост. Чэнь Юань 陳垣, Чэнь Чжи-чао 陳智超, Цзэн Цин-ин 曾慶瑛. *Вэньу чубаньшэ 文物出版社, 1988. С. 549–552*).

⁴ См.: («Имена настоятелей дворцов и монастырей, учеников Совершенного человека Тун-чэня» (Тун-чэнь чжэнь-жэнь мэнь ся гун гуань ган шоу мин ши 同塵真人門下宮觀綱首名氏) [Электронный ресурс] // Ресурс материалов по даос-

- ским стелам с эпитафиями (Даоцзяо бэньвэнь цзыляо ку [道教碑文資料庫](http://www.daobei.info/%E5%A4%A7%E5%85%83%E9%87%8D%E4%BF%AE%E5%8F%A4%E6%A8%93%E8%A7%80%E5%AE%97%E8%81%96%E5%AE%AE%E8%A8%98/)) URL: <http://www.daobei.info/%E5%A4%A7%E5%85%83%E9%87%8D%E4%BF%AE%E5%8F%A4%E6%A8%93%E8%A7%80%E5%AE%97%E8%81%96%E5%AE%AE%E8%A8%98/> (дата обращения: 1.02.2017)).
- ⁵ См.: («Стела об учениках Совершенного человека Ци-юаня» (*Ци-юань чжэнь-жэнь мэнь чжун бэй* 樓元真人門眾碑) // Новое издание надписей на каменных стелах школы Цюаньчжэнь эпох Цзинь и Юань (*Цзинь Юань Цюаньчжэнь цзяо ши кэ синь бянь* 金元全真教石刻新編) / Сост. Ван Цзун-юй 王宗昱. Пекин: Пекин дасюэ чубаньшэ 北京:北京大学出版社, 2005. С. 172–175). Несмотря на то что на этих стелах указано примерно одинаковое количество мужских и женских обителей, это вовсе не означает, что количество священнослужителей школы Цюаньчжэнь мужского и женского пола в этих монастырях было равным, так как мы не знаем число послушниц, проживавших в каждом из монастырей.
- ⁶ См.: (*Eskildsen S. The Teachings and Practices of the Early Quanzhen Taoist Masters. SUNY press, 2004. P. 17*).
- ⁷ О положении женщин в традиционном китайском обществе заинтересованный читатель может прочесть в монографии Ю.С. Мыльниковой (*Мыльникова Ю.С. Правовое положение женщин в истории средневекового Китая (VII–XIII века)*. СПб.: НП-ПРИНТ, 2014).
- ⁸ Краткие сведения о Во-лэ Шоу-цзянь приводят исследовательницы Ду Мэй-чжу (*Du Mei-zhu. Extraordinary women daoists in China: past and present. Master of Arts, University of Georgia, Athens, Georgia, 2006. P. 39–43. (chif: Carolyn Jones Medine)*) и Чао Шинь-и (*Chao Shin-yi. Good Career Moves: Life Stories of Daoist Nuns of the Twelfth and Thirteenth Centuries. Daoist Abbesses in North China during the Jin and Yuan Dynasties (1115–1341) // Nan Nü: Men, Women and Gender in China. 2008. № 10. P. 121–151; Chao Shin-yi. Forming Women's Genealogy: Daoist Monastic Women in Mongolian China // Journal of Chinese Ritual Theatre and Folklore (Min-su chü-i). 2010. № 168. P. 157–190*).
- ⁹ Ли Цзинь 李晋. «Записи основных деяний Совершенной, [постигшей] сокровенность чистоты и нефритового совершенства, из монастыря Луньянгуань» (*Луньянгуань юй-чжэнь цин-мяо чжэнь-жэнь бэнь-син цзи* 龍陽觀玉真清妙真人本行記) (1261 г.) // *道家金石略* (далее – ДЦЦШЛ) / Сост. Чэнь Юань 陳垣, Чэнь Чжи-чао 陳智超, Цзэн Цин-ин 曾慶瑛. Вэньу чубаньшэ 文物出版社, 1988. С. 541–542.
- ¹⁰ Сокровенный ветер (*сюань фэн* 玄風) – одно из обозначений даосизма во время эпох Цзинь и Юань.
- ¹¹ На стеле не указывается расположение этой обители, как и не уточняется, к какой даосской школе относился этот монастырь. Возможно, имеется в виду монастырь Великой чистоты (Тайцингуань 太清觀) – обитель школы Цюаньчжэнь, основанная в 1177 г. учеником Ма Дань-яна Цяо Цянь-дао 喬潛道 в Хуашань 華山 (пров. Шэньси) см.: (*Marsonne P. Daoism under the Jurchen Jin Dynasty // Modern Chinese Religion Vol. I–II Song–Liao–Jin–Yuan (960–1368 AD) / Ed. by J. Lagerwey, P. Marsonne. Leiden; Boston: Brill, 2015. Vol. II. P. 1124*).
- ¹² Согласно монастырскому уставу, пурпурное платье имели право носить только те даосы, которые прошли все ступени посвящения. Подробно о традиционных одеяниях даосских священнослужителей школы Цюаньчжэнь можно прочесть в

- разделе «Одежда и регалии даосов»: (Филонов С.В. Введение в даологию. Благовещенск: Изд. АмГУ, 2010. С. 124–130).
- ¹³ См.: («Пятнадцать суждений Чун-яна об установлении учения» (*Чун-ян ли цзяо ши у лунь 重陽立教十五論*) // Китайский Даосский канон (*Чжун хуа Дао цзан 中華道藏* (далее – ЧХДЦ)): В 48 т. Пекин: Хуася чубаньшэ. 北京: 华夏出版社 2004. Т. 26. С. 271).
- ¹⁴ См.: («Собрание поэтических произведений “Радость Небожителей-сяней”» (*Сянь лэ цзи 仙樂集*) [ЧХДЦ. Т. 26. С. 570]), пер. см.: (Белая И.В. Нормативные правила даосской школы Совершенной истины XII–XIV вв. // В поисках «китайского чуда»: Сб. статей, посвященный 80-летию Ю.В. Чудодеева. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. С. 346–347) (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 5).
- ¹⁵ См.: («Комментарий к “Нефритовой книге-основе Желтого дворика и внутренних лучезарностей”» (*Хуан тин нэй цзин юй цзин чжу 黃庭內景玉經註*) [ЧХДЦ. Т. 23. С. 64–68]).
- ¹⁶ См.: («Комментарий к “Книге-основе Желтого императора о Единении сокрытого”» (*Хуан-ди инь фу цзин чжу 黃帝陰符經註*) [ЧХДЦ. Т. 15. С. 813–819]), пер. (Acker P. Liu Chuxuan (1147–1203) and his Commentary on the Daoist Scripture Huandi yinfu jing. Wiesbaden, 2006).
- ¹⁷ См.: («Комментарий-славословие к “Книге-основе о Постоянной чистоте и покое, рассказанной Высочайшим Старым владыкой”» (*Тай шан Лао-цзюнь шо чан цин цзин цзин сун чжу 太上老君說常清靜經頌註*) [ЧХДЦ. Т. 6. С. 47–50]).
- ¹⁸ См.: («Собрание поэтических произведений “Вместилище Сокровенного [из скита] Золота и нефрита”» (*Дун сюань цзинь юй цзи 洞玄金玉集*) [ЧХДЦ. Т. 26. С. 432]). О роли *Дао дэ цзина* и *Инь-фу цзина* в учении Цюаньчжэнь см. исследование автора этих строк: (Белая И.В. Образы «Инь фу цзина» в даосском учении Цюаньчжэнь // Общество и государство в Китае: XLII научная конференция: Часть 1. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 354–365) (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 6).
- ¹⁹ *Вань-янь Шоу 完顏璫*. «Стела основателю учения Совершенному человеку [по прозвищу] Мудрец Двойного ян, чудесному небожителю с гор Чжуннаньшань» (Чжуннаньшань шэнь сянь Чун-ян-цзы чжэнь-жэнь цзяо цзу бэй 終南山神仙重陽子真人教祖碑) (1275 г.) [ДЦЦШЛ. С. 452].
- ²⁰ *Лю Цзу-цянь 劉祖謙*. «Записи о деяниях небожителя-сяня, патриарха Чун-яна с гор Чжуннаньшань» (*Чжуннаньшань Чун-ян цзу ши сянь цзи цзи 終南山重陽祖師仙跡記*) (1232 г.) [ДЦЦШЛ. С. 460].
- ²¹ Истинно-воинствующий (Чжэнь-у 真武) – почитается в кит. мифологии и даосизме как астральное божество созвездия Большой Медведицы и Полярной звезды. Чжэнь-у считается борцом со злыми духами и покровителем воинских искусств. Также его нарекают владыкой Севера и правителем воды, так как в его функции входит управление семью созвездиями северного небесного сектора. Изначально это божество называли Сюань-у 玄武 (Темная воинственность) (до запрещения в X в. употреблять входивший в имя императора иероглиф *сюань*) – где иероглиф *сюань* 玄 означал цвет ночного неба, а иероглиф *у* 武 символизировал черепаху, панцирь которой обвивала змея. Храмы в честь Чжэнь-у были широко распространены по территории Китая. О Чжэнь-у см. энциклопедическую

справку (*Рифтин Б.Л.* «Сюань-у» // *Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 6 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. 2. Мифология. Религия. М.: Вост. лит., 2007. С. 588–589*). О почитании Чжэнь-у школой Цюаньчжэнь см. (*Филонов С.В.* Указ. соч. С. 109–112).

²² Инь Чжи-пин 尹志平 (1169–1251) – шестой патриарх школы Цюаньчжэнь (1228–1237), носивший даосское прозвище Чистая гармония (Цин-хэ 清和). В 14 лет стал учеником Ма Дань-яна. В 19 лет он поступил в монастырь Лин-сийгуань под начало Лю Чан-шэна, обучался практике предсказания по «Книге Перемен» (*И цзин* 易經) у Хао Гуан-нина, неоднократно беседовал о Дао с Ван Юй-яном и получал от него изустные наставления. Инь Чжи-пин сопровождал Цю Чан-чуня с 17 учениками в ставку Чингисхана. После смерти Цю Чан-чуня возглавил школу. Свои воспоминания о первых патриархах школы Цюаньчжэнь он изложил в сочинении «Юй-лу о том, как Совершенный человек Цин-хэ путешествовал на север» (*Цин-хэ чжэнь-жэнь бэй ю юй лу* 清和真人北游語錄) (1237 г.) [ЧХДЦ. Т. 26. С. 725–752]. Подробно об Инь Чжи-пине см. («Внутреннее жизнеописание небожителей и совершенных Патриаршего двора в горах Чжуннань-шань» (*Чжуннаньшань цзу тин сянь чжэнь нэй чжуань* 終南山祖庭仙真內傳) [ЧХДЦ. Т. 47. С. 95–97]).

²³ Принцесса Юй-чжэнь (Юй-чжэнь гун-чжу 玉真公主) – девятая дочь танского императора Жуй-цзуна (правл. 710–713). Для нее был построен монастырь в Фусине (Чанъань), где она вела скромную жизнь даосской монахини. Согласно К. Деспе, ее авторству принадлежат два сочинения, посвященные созерцательным методам по традиции даосской школы Высшей чистоты (Шанцин 上清) – «Высший метод визуализации Пяти повелителей из нефритовых дворцов» (*Цюн гун у ди нэй сы шан фа* 瓊宮五帝內思上法) и «Высший метод визуализации [дежурных нефритовых дев из группы] шести цзя [из управы] Лин-фэй для коммуникации с духами-божествами [своего тела]» (*Лин-фэй лю-цзя нэй сы тун лин шан фа* 靈飛六甲內思通靈上法) (Despeux K. *Women in Daoism // Daoism Handbook / Ed. by L. Kohn. Leiden: Brill, 2000. P. 388, 396*).

Современная социология: теория и методология

М.Б. Буланова

Теоретико-методологические подходы к изучению образовательного капитала интеллигенции

Процесс модернизации современного образования сопровождается происходящим в научном сообществе переосмыслением его роли и функций. Речь идет о трансформации понимания образования как фактора социализации личности, способа передачи знаний и приобщения к культурному опыту, к представлению о нем как ресурсе/капитале или инвестиции в будущий социально-профессиональный статус индивида. В статье анализируются основные теоретико-методологические подходы к изучению феномена образовательного капитала применительно к особой социальной группе – интеллигенции.

Ключевые слова: образование, реформирование образования, образовательный капитал, интеллигенция.

Новые тенденции в образовании

Процессы модернизации и глобализации, начавшиеся несколько десятилетий назад в мировом сообществе, затронули и процесс образования. Болонская декларация, поддержанная рядом европейских государств, не без сложностей и противоречий, привела к формированию единого образовательного пространства, в которое включена и Россия. Ситуация, сложившаяся в российском образовании за последние 20 лет, свидетельствует о тенденции изменения его функций и роли в том же направлении, в котором развиваются ведущие западные страны.

В первую очередь следует подчеркнуть, что российское образование стало массовым не столько за счет сегмента среднего общего

и профессионального образования, сколько за счет высшего (вузовского и поствузовского). В стране наблюдается постоянный рост спроса и предложения на рынке образовательных услуг. Об этом свидетельствует ежегодно сохраняющийся высокий конкурс в вузы, который практически не уменьшается, несмотря на сокращение числа бюджетных мест и учебных заведений¹. Повышение проходного балла ЕГЭ на ряд востребованных специальностей, практикуемое вузами, не уменьшает желание обучаться модным профессиям. Растет процент платных студентов в общем числе обучающихся в вузах. Родители готовы заплатить за обучение ребенка в вузе, ограничив расходы на повседневные нужды семьи. Все больше родителей считают, что, вкладывая средства в образование ребенка, они по сути обеспечивают не только его, но и свое будущее.

Во-вторых, массовый характер образования (в том числе высшего) способствовал изменению вектора социальной стратификации. Если П. Сорокин считал, что образование личности является «социальным лифтом», позволяющим ей достигнуть высших социальных позиций (вертикальная мобильность), и включал образование в число основных параметров социальной стратификации, то в современном обществе ситуация изменилась. Проведенные исследования жизненного мира россиян 2014 г.² позволяют, в частности, утверждать, что социальное положение и престиж человека в нашем обществе определяются такими обстоятельствами, как: деньги, власть, связи с нужными людьми. Образование же входит в разряд личных качеств, влияющих на продвижение по «социальной лестнице» в последнюю очередь. Таким образом, образование вообще (и высшее образование, в частности) из статусной характеристики интеллектуальной элиты превратилось в социокультурную норму общества, соответствовать которой должен каждый человек. Поэтому для востребованности по профессии надо быть лучшим среди равных.

В-третьих, наличие высшего образования как социокультурной характеристики личности стало повсеместным требованием на рынке труда, что косвенно привело к ориентации большей части выпускников не столько на конкретную профессию, сколько на определенный сегмент рынка труда. Данные статистики и проводимых социологических исследований зафиксировали постоянную величину, сохраняющуюся последние 10 лет, – треть выпускников, устроившихся по окончании вуза на работу по полученной специальности. Кроме того, произошла некоторая девальвация конкретных умений и навыков специалиста и возросло символическое значение вузовского диплома. Отсюда появилась устойчивая ниша

на «теневом рынке», связанная с продажей дипломов. Для работодателя (при формальном наличии диплома) гораздо важнее стали общекультурные компетенции личности, связанные, например, с умением работать в коллективе, и способность обучаться чему-то новому.

Итак, потеря значения вертикальной стратификации позволила укрепить механизм горизонтальной стратификации, что, в частности, привело к соревнованию между вузами (или факультетами внутри вузов) в стремлении дать личности то качественное образование, которое позволит ей занять требуемые позиции в социальной иерархии.

К истории понятия «образовательный капитал»

Первыми на изменение роли и функций образования в современном мире отреагировали экономисты. Теоретики неоклассической направления (Теодор Шульц и Гэри Беккер) в экономической науке впервые определили образование как инвестиции индивида в будущий доход. Ими был введен термин «человеческий капитал», понимаемый как запас знаний, навыков и способностей, имеющихся у каждого человека и использующихся в производственных и потребительских целях.

Т. Шульц³ и Г. Беккер⁴ (лауреаты Нобелевской премии по экономике 1979 и 1992 гг.) расчетным путем впервые показали преимущества людей со специальным образованием перед людьми с общим средним образованием в части доходов и подняли затраты на образование на уровень производительных инвестиций, а само образование на уровень важнейшего фактора экономического развития. Ученые предложили специальные методики расчета человеческого капитала.

Социологи подхватили идею «человеческого капитала» в нематериальном ее понимании, освободив от экономического шлейфа (Джеймс Коулман и Пьер Бурдье).

Дж. Коулман ввел понятие «социальный капитал» как особую характеристику взаимодействия индивидов, облегчающую их деятельность, а также изучил влияние социального капитала на формирование человеческого капитала последующих поколений.

Так, ученый отмечал: «Происхождение же социального капитала связано с изменениями в отношениях среди индивидов и облегчает их деятельность. Если физический капитал полностью осязаем, будучи воплощенным в очевидных материальных формах,

то человеческий капитал чувствуется слабее. Он проявляется в навыках и знаниях, приобретенных индивидом. Социальный же капитал еще менее осязаем, поскольку он существует только во взаимоотношениях индивидов. Так же, как физический и человеческий капиталы, социальный капитал облегчает производственную деятельность. Например, группа, внутри которой существует полная надежность и абсолютное доверие, способна совершить много больше по сравнению с группой, не обладающей данными качествами»⁵.

П. Бурдьё выделил три основных вида капитала, характерные для современного общества: экономический, культурный и социальный капитал, однако не исключал и другие его виды (например, символический капитал, властный капитал).

Экономический капитал лежит в основе всех других видов капитала, которые по сути являются его скрытыми формами, с другой стороны, никогда не сводятся к нему целиком и полностью, становясь наиболее эффективными при условии сокрытия факта их зависимости от него. С образованием, по мнению исследователя, связан культурный капитал. Более того, основная функция сферы образования – воспроизводство культурного капитала: «При наличии академической квалификации, сертификата о культурной компетенции, наделяющего своего владельца конвенциональной, непреходящей и юридически гарантированной ценностью по отношению к культуре, возникает социальное таинство, которое порождает форму культурного капитала, относительно независимую от своего владельца и даже от самого культурного капитала, которым он распоряжается в данный момент времени»⁶.

Особенно ценной является идея П. Бурдьё о взаимной конвертации разных видов капитала, которые именно в сфере образования тесно связаны и легко конвертируются один в другой: «Наделяя культурный капитал, которым обладает тот или иной агент, институциональным признанием, академическая квалификация также делает возможной сравнение квалификации его владельцев и даже их замены (последовательно замещая одного владельца другим). Более того, она позволяет установить пропорции обмена между культурным и экономическим капиталами посредством гарантирования денежной стоимости данного академического капитала». И далее: «Объем социального капитала, коим располагает данный агент, зависит от размера сети связей, которые он может эффективно мобилизовать, и от объема капитала (экономического, культурного или символического), которым, в свою очередь, обладает каждый из тех, кто с ним связан. Это означает, что, хотя социальный капитал относительно несводим к экономическому и культурному

капиталам того или иного конкретного агента или даже группы связанных с ним агентов, он никогда не остается полностью независимым от этих форм капитала»⁷.

Тематика социального и культурного капитала в соотношении с проблематикой образования косвенно разрабатывается и в отечественной науке: при изучении образования как адаптационного ресурса учащихся и их семей в новой образовательной или экономической ситуации (Г.А. Чередниченко⁸, Д.Л. Константиновский); при исследовании процессов воспроизводства культурного и образовательного ресурсов в условиях трансформации общества и формировании образовательной траектории молодежи (Д.М. Логинов⁹, Ф.Э. Шереги¹⁰); при исследовании процессов воспроизводства образованных групп населения (Ю.А. Зеликова, М.Л. Максимова¹¹).

Однако недостаточная разработанность понятия «образовательный капитал» в современной науке, ставит задачу его уточнения. Используя методологию П. Бурдьё, в качестве первоначального варианта общего определения можно предложить следующее: «Совокупность экономических, культурных, социальных и символических ресурсов, являющихся основой формирования образовательных стратегий определенных групп населения».

Понятие «образовательный капитал интеллигенции»

Понятие образовательного капитала можно применить к различным социальным группам общества, в том числе к интеллигенции. Тогда рабочее определение будет следующим: «Совокупность экономических, культурных, социальных и символических ресурсов, являющихся основой формирования образовательных стратегий интеллигенции».

В плане изучения образовательного капитала интеллигенции обозначим несколько направлений, представляющихся автору перспективными с точки зрения дальнейшего эмпирического исследования:

– в качестве индикаторов выявления каждого из имеющихся ресурсов можно предложить, например: уровень дохода семьи как критерий оценки экономического ресурса; уровень образования родителей и тип учебного заведения, в котором индивид получил среднее образование, как критерий оценки культурного ресурса; место жительства семьи респондента как критерий оценки социального ресурса; мотив получения данного вида

- и формы образования (в том числе высшего); мотив продолжения образования в других видах и формах;
- совокупность имеющихся ресурсов может дать представление как о реальных образовательных возможностях индивида в рамках той или иной группы (в нашем случае – интеллигенции), так и о конкретном объеме его образовательного капитала;
 - после оценки имеющихся ресурсов образовательная стратегия может быть выстроена как определенный компромисс между статусными притязаниями и реальными возможностями индивида, зависящими от объема его образовательного капитала.

Таким образом, если понятие образовательного капитала отражает реальный процесс изменения роли и функций образования в современных условиях, то понятие образовательного капитала интеллигенции может быть оптимально использовано для эмпирического исследования жизненного мира этой социальной группы.

Примечания

-
- ¹ *Константиновский Д.Л., Попова М.С.* Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. 2015. № 11
 - ² *Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2000-х гг.): Научное издание / Под ред. Ж.Т. Тощенко.* ЦСП и М., 2016. С. 274–275.
 - ³ *Schultz T.* Investment in Human Capital. N. Y., 1971.
 - ⁴ *Becker G.S.* Human Capital. N. Y.: Columbia University Press, 1964.
 - ⁵ *Коулмэн Д.* Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность.* 2001. № 3. С. 121–139.
 - ⁶ *Бурдые П.* Формы капитала // *Экономическая социология. Электронный журнал.* 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
 - ⁷ Там же.
 - ⁸ *Чередниченко Г.А.* Образовательные и профессиональные траектории молодежи: исследовательские концепты // *Социологический журнал.* 2013. № 3.
 - ⁹ *Логинов Д.М.* Поствузовское образование как инструмент развития человеческого потенциала: возможности и ограничения // *Журнал институциональных исследований.* 2012. Т. 4. № 1. С. 89–101.
 - ¹⁰ *Ключарев Г.А., Шереги Ф.А., Чурсина А.В.* Об эффективности непрерывного образования в наукоемких производствах // *Вестник Института социологии.* 2016. № 19. С. 75–93.
 - ¹¹ *Максимова М.Л.* Ресурсный подход в исследовании системы образования // *Перспективы: Сб. научных статей. Вып. 6.* Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2007. С. 100–109.

Как строят современные социологические теории

В статье рассмотрены публикации отечественных социологов, выдвигающие теоретические положения, важные для развития нашей науки. Помимо опровержения недавних заявлений об отсутствии в стране теоретической социологии они позволяют сформулировать – в первом приближении и с рядом оговорок – некий перечень шагов в выстраивании социологом теоретического конструкта. Обозначены шесть шагов на этом пути: 1. Накопление эмпирического материала, 2. Проникновение в положения классиков по данной проблеме; 3. Использование достижений в исследовании данного объекта смежных дисциплин; 4. Применение новых, обновленных методик и техник; 5. Выход на уровень моделирования – создания идеального типа – будущего; 6. Введение в теоретизирование категорий темпоральности, времени, достижений исторической социологии.

Ключевые слова: российская социология, построение теорий, социологические теории, последовательность в теоретизировании.

Данные заметки о современной теоретической социологии в России кому-то напомнят времена, когда громко звучал вопрос об отсутствии в России теоретической социологии вообще, даже о невозможности ее создания. В последние годы мы видим рост числа значимых публикаций по тематике социологических теорий. Возможно, наша социология накапливает предпосылки активного теоретизирования – то есть осмысливания с точки зрения теории разрабатываемых учеными проблем. Пока не приходится говорить о готовом результате в виде школы, тем более о признанной социологической теории (независимо от смысла, вкладываемого в термин *теория*¹), фиксируем лишь процесс на этом направлении.

Жанр этих заметок – репортаж со страниц журнала «Социологические исследования» с целью заинтересовать коллег конкретными шагами, которые в сумме помогут современной российской

социологии освоить практические техники, приемы развития теории (теоретизирования), в идеале – создать крупные общесоциологические теории. В стиле репортажа освещается серия публикаций, преимущественно в «Социологических исследованиях»², и книг последних месяцев таких авторов, как В.А. Артемов³, Ю.Г. Волков⁴, И.Ф. Девятко⁵, П.И. Смирнов⁶, П.С. Сорокин⁷, Ж.Т. Тощенко⁸, И. Шубрт⁹, В.В. Щербина¹⁰, В.Н. Ярская¹¹ и др. По содержанию, целям, квалификации эти работы – часть дискурса мировой социологии по теоретической проблематике. Имя чешского ученого И. Шубрта, наряду с фамилиями русских специалистов, подкрепляет такой вывод.

Извлеченные из этих трудов данные отражают нацеленность коллег на постановку и решение теоретических проблем разных уровней и масштабов. Усилия ученых могут быть нацелены на развитие общесоциологических теорий (теория социального действия у И.Ф. Девятко и И. Шубрта); социологической феноменологии (Ж.Т. Тощенко); теоретических новаций в специальных отраслях социологического знания (диагноз и прогноз в социологии управления Ю.Г. Волкова, теория организаций В.В. Щербины); теоретического переосмысления современных возможностей позитивизма (П.И. Смирнов); социально-нравственных целей усилий социологов (П.С. Сорокин), разработки темпорального, временного среза изучаемых социологией явлений и процессов (В.А. Артемов, И. Шубрт, В.Н. Ярская). Впрочем, следует сделать важное замечание: разработка частных, специальных вопросов социологической теории в рассматриваемых случаях потенциально важна и для развития теорий общесоциологических. Целый ряд примеров современных социологических концепций построен на российском опыте теоретизирования последних лет, относящегося к теориям общесоциологическим и теориям в специальных дисциплинах нашей науки. Не хотелось бы касаться теорий социальных или близких к ним, которые также не избежали внимания со стороны российских ученых (Д.В. Иванов, С.А. Кравченко и др.). Они, подобно У. Беку, Дж. Урри, М. Шеллеру и другим социальным мыслителям нашего времени, выдвигают оригинальные взгляды на современный глобальный социум, активно обсуждают новые социальные явления, углубляя понимание перемен содержания и ритмики современной социальной жизни населения нашей планеты.

Следует кратко показать содержание поисков ученых, их нацеленность на чрезвычайно важные, магистральные для развития социологии проблемы ее теории. И.Ф. Девятко ставит на обсуждение и исследует один из разделов фундаментальной для социологической теории проблемы социального действия – в части

управляющих этим действием социальных норм, нормативного обыденного знания, обыденных социальных диспозиций (замечу: определяющих наверняка немалую – для современной социологии встает вопрос измерения: какую? – долю наших поступков). В перспективе возможен выход на путь к новой теории социального действия и *когнитивно фундированной социальной теории*. Ж.Т. Тощенко ставит вопрос о центральном значении для социологии понятия *жизненный мир*, о смыслах как его ключевой сущностной характеристике¹². Тем самым в повестку дня современной социологии вновь поставлен вопрос о единице социального – мельчайшей, неделимой, или монадоподобной.

Для отечественной теоретической социологии, для популяризации теоретизирования, чтобы все больше социологов могли формулировать такие положения или – по меньшей мере – быть компетентными в этой сфере, важно знать соответствующие методы, приемы, предпосылки. Какие шаги делают коллеги-социологи, выдвигая новые теоретические положения, конструкты? Вспоминаются приведенные в литературе пять приемов теоретических поисков (теоретизирования): 1) информирование о новых теоретических находках; 2) тестирование, проверка вновь сформулированных теоретических положений; 3) уточнение таких положений; 4) построение, выстраивание новых конструктов, связей, процессов и т. д.¹³ – гипотетико-дедуктивные работы, проверяющие то, что прежде не анализировалось и не исследовалось; 5) расширение установленных правил, моделей, закономерностей на новые сферы социальной действительности.

Обсуждаемый ниже комплекс работ позволяет предметнее представить читателю то, что образует теоретизирование (построение теоретических конструктов), дополнить приведенные выше пять позиций, показать исследовательские приемы и методы, применявшиеся в рассматриваемых работах с целью получения нового теоретического знания. Пока существует шесть шагов в искомом направлении.

1. Эмпирическая база теоретизирования – это база данных двоякого плана: теоретические положения по рассматриваемой теме и базы данных об исследуемой конкретным ученым сфере социального (время, организации, действие, жизнь и т. д.). Отраден факт, что старшее поколение отечественных социологов освободилось от ограничений ушедших времен, когда социолог не должен был ставить теоретические вопросы, давно решенные классиками марксистского обществоведения. Накопив за многие годы эмпирических, прикладных изысканий огромные базы данных, В.А. Артемьев, Ж.Т. Тощенко, В.В. Щербина¹⁴, В.Н. Ярская и др. (опустим

отрасли социологического знания, многие годы труда в которых принесли им известность и славу) на современном витке своей биографии заявляют о себе и как о теоретиках, мастерски строящих новые работы на многолетнем опыте исследования и на осмыслении данных о современных проблемах социального бытия, функционирования общества. Кстати, данное обстоятельство подчеркивает качественную специфику социологии как науки – ее опору на эмпирические данные от сбора до теоретического оформления.

2. Четко фиксируется стремление опираться на глубокое освоение социологической классики, ее анализ, обнаружение нуждающихся в уточнении и дополнении положений в свете современного знания. В рассмотренных случаях роль отправных точек сыграли положения М. Вебера, Т. Парсонса, Дж. Александера, Дж. Коулмена, З. Фрейда, относящиеся к социальному действию; Э. Дюркгейма (проблематика социальной интеграции, солидарности), Р. Мертона, А. Шюца (жизненный мир), Н. Элиаса и Ч. Тилли (область исторической социологии).

Классики социологии оставили потомкам выверенные опорные точки для теоретических усилий. От достижений классиков социологии выстраивают свои исследовательские усилия И.Ф. Девятко, И. Шубрт – к постижению загадок поведения, действия людей – за пределами рационализма (или иррациональности). Здесь же исходный пункт движения теоретической мысли В.Н. Ярской – от инклюзии инвалидов к преодолению «дистанциации» индивидов и к большей социальной сплоченности, к дюркгеймианской солидарности, интеграции общества благодаря, в частности, сетевой коммуникации. В. Артемов, И. Шубрт, В. Ярская на базе идей Н. Элиаса и Ч. Тилли прокладывают новые подходы к темпоральным факторам современной жизни. Ж. Тощенко обогащает, углубляет, делает многоцветными представления социологов о жизненном мире людей, опираясь на феноменологов и «культуросоциологию» Дж. Александера с ее акцентами на смыслы жизни.

3. Многообразие жизни человека и общества постоянно сталкивает социолога с проблемой междисциплинарных исследований. Обсуждаемые в данных заметках труды эту грань современной социологии отражают в полной мере – порой поражая воображение. И.Ф. Девятко ведет поиски в структурах и паттернах человеческого сознания (вслед за Фрейдом) на материале норм морали, права; рассматривает междисциплинарный контекст новых подходов к анализу этих норм, обосновывает невозможность концептуальной редукции норм к конвенциям и правилам, опираясь на эмпирические данные о формировании, структурах и детерминантах обыденных теорий и суждений, повседневных представлений и практик¹⁵.

Некоторые ученые называют открытие зеркальных нейронов главным событием в нейробиологии конца XX в. Под сомнение поставлены многие социологические аксиомы (культурная intersubjectivity и др.). Зеркальные нейроны головного мозга возбуждаются и при выполнении определенного действия, и при наблюдении за выполнением этого действия другим (-и). Они заполняют разрыв между «я» и другими, обеспечивая «симуляцию» чужих действий. Это, а также другие открытия в нейробиологии (роль гормона окситоцина) овладевают умами ряда социологов, заговоривших о грядущей эре нейросоциологии.

4. Рост оснащенности социологической науки компьютерными технологиями создали импульс к разработке и применению в исследовательской практике новых методик, новых методологий, становясь источником развития нашей науки. Создаются новые поисковые методы измерения явлений и процессов социальной реальности, которые социологи ранее частично упускали из виду. Обращает на себя внимание потенциально массовый, даже лавинообразный – в перспективе – поток доступных социологу данных. Дж. Урри и его коллега М. Шеллер¹⁶, изучая проявления мобильности, демонстрируют факт появления мобильной (движущаяся во времени и пространстве) методологии. О методологии визуальной писал, в частности, П. Штомпка. Своя методология у социологов, работающих в рамках сетевых теорий; Сэвидж и Берроуз усмотрели теоретический потенциал использования «больших данных». Все чаще говорится о теоретических последствиях методологических, даже методических новинок. С этим не спорят. Перед социологами распахнут простор новых «полей» эмпирии; в перспективе могут быть обновлены представления о генезисе форм социального; возможно, надвигается парадигмальный сдвиг в терминах Т. Куна («Структура научных революций»).

5. Современная социология в России, которую представляет российское общество, выделяется в современном мире интересом к проблематике будущего, его моделированию, прогнозированию, сценарным версиям и т. п. Статьи Ю.Г. Волкова, которые обсуждаются в этой статье – верхушка айсберга. Ситуация неоднозначна; Волков констатирует дефицит внимания к данному аспекту социального управления. Думается, что возникает этот дефицит вследствие сумятицы умов в наших «элитах»: крах в начале советского проекта, потом – надежд на демократию, затем обанкротились рыночный фундаментализм и «Вашингтонский консенсус» и т. д. Однако сам Ю.Г. Волков и другие российские социологи научный поиск на этом направлении не прекращают. И вот факт, говорящий о значимости усилий наших ученых. Журнал

ассоциации социологов США обращается к русскому автору за разъяснением, благодаря каким ценностям и ориентациям отечественная социология живет и развивается уже полтора ста лет.

6. Конечно, в теоретизировании, как в развитии всей социологии, немало узких мест. Одно из них особо выражено во многих текстах, обсуждаемых в этой статье, сконцентрированных на социальном времени, на месте и роли этой категории в социологии. На этом фоне очевиден критический дефицит опоры российской социологии на историческое знание. Отечественная историческая социология, как раздел социологии, топчется на месте. Это скорее препятствие для развития аналитической и конструктивистской составляющих социологии. В канун 100-летия революции 1917 г. мы не видим в России связь истории с современностью. Историю толкуют вкось и вкривь, засоряя эфиры многоголосьем и погоней за сенсациями, скандалами. Понять суть процессов конца XX и начала XXI в., тем более перспективы на дальнейшее, без понимания событий 1914–1920 гг. едва ли возможно. Как заглянуть в будущее, в конец начавшегося века, не опираясь на знание века XX? Может быть, 100-летие революции позволит сделать некоторые операционные выводы. Например, недопустимость губительных экспериментов со страной и ее народом; недопустимость руководствоваться сомнительными идеями, например мировой революции, убеждениями в истинности, скажем, «Вашингтонского консенсуса» или собственной непогрешимости.

Перелом вполне возможен. Социологам России необходимо сопровождать статьи и вообще научные публикации, квалификационные работы по социологии теоретической и методологической составляющей. Конечно, эти наблюдения выведены из анализа небольшого количества публикаций последнего времени. Но опыт накапливается, и рассмотрение его на таком материале, включая мировую социологию, может дать значимые для отечественной социологии результаты.

Примечания

¹ *Абед Г.* Значение слова «теория» в социологии // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 23–28.

² В первых номерах 2017 г. журнал «Социологические исследования» публикует теоретические статьи П.И. Смирнова и П.С. Сорокина, исходные варианты которых увидели свет в зарубежных изданиях.

- ³ *Артемов В.А.* Эскиз социологической концепции социального времени // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 3–9.
- ⁴ *Волков Ю.Г.* Социологический диагноз как аналитический конструкт // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 98–106; *Волков Ю.Г.* Сценарное мышление в социологической диагностике // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 13–20.
- ⁵ *Девятко И.Ф.* Социальные нормы: от попыток определения к новым типам теоретических вопросов и теорий нормативного // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 30–40.
- ⁶ *Смирнов П.И.* Не вернуться ли к позитивизму? Polemическая реплика на статью И. Селеньи «Тройной кризис в американской социологии» [Электронный ресурс] // Global Dialogue. URL: <http://isa-global-dialogue.net/returning-to-positivism-a-polemical-response-to-ivan-szelenyis-article-triple-crisis-of-us-sociology/> (дата обращения: 01.10.2015).
- ⁷ *Sorokin P.S.* The Russian Sociological Tradition from the XIXth Century Until the Present: Key Features and Possible Value for Current Discussions // American Sociologist. 2015. Vol. 46. № 3. P. 341–355.
- ⁸ *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
- ⁹ *Шубрт И.* Концепция социального времени в социологии – перспективный подход или теоретический тупик? // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 3–11; *Он же.* Общество индивидов в фигуративной социологии Н. Элиаса // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 139–148; *Он же.* Идея времени как социальной категории Э. Дюркгейма: взгляд на одну теоретическую задачу // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 98–106.
- ¹⁰ *Щербина В.В.* Популяционно-селекционная модель организационного развития: содержание, сфера и перспективы применения (статья 1) // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 78–86; *Она же.* Популяционно-селекционная модель организационного развития: содержание, сфера и перспективы применения (статья 2) // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 100–108.
- ¹¹ *Ярская В.Н.* Калейдоскоп времени. Следы биографии. М.: ООО «Вариант», 2015.
- ¹² *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. С. 153–181.
- ¹³ *Colquitt J.A., Zapata-Phelan C.P.* Trends in theory building and theory testing: a five-decade study of the Academy of Management Journal // Academy of Management Journal. 2007. Vol. 50. № 6. P. 1281–1303.
- ¹⁴ Его переход от эмпирики к теоретическому осмыслению социологии организаций в советские времена, когда о социологической теории говорить и думать было не принято, чрезвычайно показателен.
- ¹⁵ Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации / Под ред. И.Ф. Девятко, Р.Н.Абрамова, И.В.Катерного. М.: Прогресс-Традиция, 2015.
- ¹⁶ *Шеллер М.* Новая парадигма мобильностей в современной социологии // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 3–11.

Трансформация жизненного мира пенсионеров России

Пенсионеры России в последней четверти века были и остаются одной из уязвимых и многочисленных социальных групп. В условиях рынка трансформируется их сознание, ценности и ориентации. Наряду с этим жизненный опыт пенсионеров сохраняет свою востребованность и значимость. Отсюда потребность в комплексном осмыслении базовых характеристик, отражающих реалии их постсоветской жизни, что и осуществляется в данной статье.

Ключевые слова: пенсионеры, возрастные группы, сознание и поведение, трудовые ресурсы, занятость, органы власти.

Термин «пенсионеры» трактуется учеными и специалистами неоднозначно. Всемирная организация здравоохранения выделяет следующие возрастные группы: 1) 60–74 лет – пожилые люди; 2) 75 лет и старше – старые люди; 3) 90 лет и старше – долгожители. В целом учитываются два показателя: возрастная граница и количественный состав старшего поколения в общей численности населения. Началом демографической старости общества считается момент достижения совокупностью лиц «60 лет и старше» 12% от общей численности населения. Этот подход нами взят за основу. В соответствии с современной международной классификацией будем называть пожилыми лиц в возрасте 60 лет и старше.

В России трансформация возрастной структуры началась в 1959 г., когда доля молодежи стала сокращаться, а лиц пожилого возраста – увеличиваться. С 1959 по 2002 г. количество пожилых в России выросло более чем в 2,5 раза. Данная тенденция наблюдалась и в течение последних двадцати пяти лет. С 1989 по 2015 г. численность пожилых россиян увеличилась на 4,5% от общей численности населения в возрасте старше 60 лет (рис. 1.).

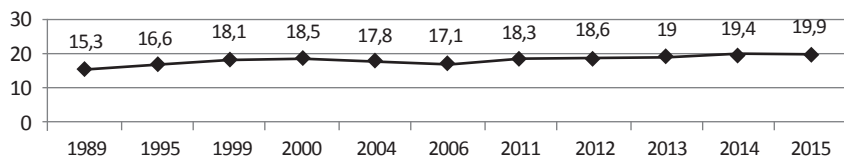

Рис. 1. Динамика демографического старения в России
(в % от общей численности россиян в возрасте старше 60 лет)

Источник: данные Росстата, 2013, 2016 гг.¹

В среднем ежегодно количество пожилых росло на 0,4%. Если в 2014 г. их общая численность увеличилась к предыдущему году на 0,4%, то в 2015 г. на 0,5% (к итогу года).

На протяжении четверти века увеличение численности пожилых россиян наблюдалось во всех соответствующих возрастных группах (табл.1). Увеличилась группа «самого мудрого возраста» (старше 70 лет) по сравнению с группой «первичной старости» (60–64 года). Разрыв между ними достиг 4,1 раза.

Таблица 1

Распределение пожилых россиян
по возрастным группам, тыс. чел.

Года	Возрастные группы, года			
	60–64	65–69	70 и свыше	Всего
1989	8360 (37,2%)	4510 (20,0%)	9646 (42,8%)	22516
2015	9260 (31,9%)	6428 (22,1%)	13377 (46,0%)	29065
	+900	+1918	+3731	+6549

Источник: данные Росстата, 2004, 2015 гг.²

Результаты сравнительного анализа статданных (1989 и 2015 гг.) позволили выявить и другие особенности процессов: 1) группа россиян в возрасте 60–64 лет при росте количества на 900 чел. сократилась на 5,3% годовых: 1989 г. – 37,2% и 2015 г. – 31,9%; 2) группа в возрасте 65–69 лет увеличилась на 1918 тыс. чел.

(прирост 2,1% годовых); 3) группа лиц 70 лет и старше – на 3731 тыс. чел. (прирост 3,2%). При общем росте численности пожилых лиц происходили внутригрупповые изменения. Хотя в целом рейтинг групп не изменился: его возглавляют «самые мудрые» пожилые, замыкают – пожилые из числа «молодых».

Наиболее массовыми по численности являются пожилые люди «самого мудрого возраста» (свыше 70 лет). Одной из причин этому служит то, что за исследуемый период во всех возрастных группах пожилого возраста снизился средний уровень смертности: 55–59 лет – на 1,0; 60–64 лет – 2,3; 65–69 лет – 5,4; 70 лет и старше – 9,3 (табл. 2).

Таблица 2

Возрастные коэффициенты смертности
(умершие на 1 тыс. соответствующей возрастной группы)

Года	Возраст пенсионеров			
	55–59	60–64	65–69	70 лет и старше
1990	8,6	13,5	22,0	77,9
2000	11,4	15,8	25,6	79,9
2005	11,7	16,4	23,6	78,1
2010	9,1	13,1	20,1	69,8
2011	8,4	12,4	18,5	65,5
2012	8,0	11,8	17,2	66,4
2013	7,7	11,4	16,6	67,0
2014	7,6	11,2	16,6	68,6

Источник: данные Росстата³.

В целом изменения возрастной структуры носили нелинейный характер. Динамика отмеченного выше показателя среди пожилых людей дифференцирована в разных возрастных группах, по времени, в гендерном аспекте.

Характерным для россиян всех пожилых возрастов стали гендерные диспропорции, проявляющиеся в перевесе женщин: чем старше возраст, тем существеннее разрыв в соотношении полового состава пожилого населения. Хотя в отдельные годы, к примеру в 2006 г. смертность женщин в возрасте 80 лет и старше была выше мужской соответствующего возраста.

Соотношение пожилых россиян и пенсионеров. Учитывая все категории пенсионеров, в 1993 г. их было 23,7% (35,3 млн), число пожилых – 15,3 млн чел. В 2015 г. общая численность пенсионеров достигла 43 797 тыс. чел., число пожилых – 29 065 тыс. чел. Следовательно, количество пенсионеров в 2015 г. было в 1,5 раза выше, чем количество пожилых (в 1993 году – 2,3 раза).

Рассмотрим территориальное размещение пенсионеров (лиц старше трудоспособного возраста) на уровне федеральных округов и регионов России. Учитывая трехуровневую территориальную структуру страны (федеральные округа, субъекты Российской Федерации и местный уровень), обратимся к каждому из них отдельно. Динамика пространственной характеристики пенсионеров на уровне федеральных округов указывает на высокий уровень их дифференциации (табл. 3).

Таблица 3

Численность пенсионеров
по федеральным округам России
(количество пенсионеров
в % от общей численности населения)

Наименование федеральных округов	1990	2000	2005	2010	2015	Начало 2016	1990 в % к началу 2016
Российская Федерация	19,0	20,4	20,5	22,3	24,0	24,6	+5,6
Северо-Кавказский	15,9	15,5	14,5	15,1	16,5	17,0	+1,1
Дальневосточный	10,9	13,4	16,3	19,2	21,1	21,6	+10,7
Уральский	16,5	18,0	18,2	20,4	22,1	22,6	+6,1
Сибирский	16,2	17,8	18,4	20,4	22,4	22,9	+6,7
Приволжский	19,4	20,7	20,8	22,6	24,7	25,2	+5,8
Южный	20,7	22,1	22,1	23,6	25,2	25,7	+5,0
Северо-Западный	18,6	20,8	21,4	23,6	25,3	25,8	+7,2
Центральный	22,9	23,6	23,4	24,8	26,4	26,8	+3,9
Крымский	–	–	–	–	27,1	27,3	–

Источник: данные Росстата, 2016 г.⁴

Дифференцированность округов по уровню старения подтверждают следующие цифры: в 1990 г. численность пенсионеров выше показателей общероссийского уровня была в трех округах, в 2000, 2005 и 2010 гг. – в четырех, в 2015, 2016 гг. – в пяти.

За 25-летний период изменилась иерархия «пожилых» федеральных округов: изначально ее возглавлял Дальневосточный округ (10,9%), в 2016 г. – Северо-Кавказский (17%), а замыкали: в 1990 г. – Центральный (22,9%), в 2016 г. – Крымский (27,3%). Округа, расположенные на территории европейской части России, более стареющие, чем округа, включающие территории Кавказа, Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Неравномерно размещены стареющие на региональном уровне. В 1990 г. на первом уровне кратности старения (количества пенсионеров до 12%) находилось 10 субъектов России. В 2016 г. к ним относилось только три: Сибирский округ – Республика Тыва (10,9%); Северо-Кавказский округ – Республика Ингушетия (11,3%) и Чеченская Республика (9,6%).

За исследуемый период постарели и федеральные города. Столицы переступили порог двукратного старения (свыше 24% пожилых людей). Если в начале 90-х годов XX в. более молодым был Санкт-Петербург, то в настоящее время – Москва (с 20,9% до 26,4% и с 21,6% до 25,8%). Самый старый – Севастополь (общее количество пожилых людей 27,2%)⁵.

Не менее важной особенностью пространственного старения является и многократное отличие численности пенсионеров на локальном уровне (табл.4).

На протяжении четверти века наблюдался дифференцированный рост численности пенсионеров: в городе – в 1,4 раза, в селе – в 1,1 раза. Если в 1990 г. соответствующее отличие населенных пунктов составляло 2,2 раза, то в 2016 году – 2,8 раза, т. е. дисбаланс увеличился на 0,6 раза.

На локальном уровне женщины по всем группам пожилого возраста и по всем населенным пунктам разного типа значительно превышали и превышают долю мужчин. По данным (ЖНП-2015)⁷, в селах проживало 19,1% пенсионеров.

В сельской местности центральных районов наиболее высока доля людей пожилого возраста по сравнению с территориями Сибири и Дальнего Востока. Более выражено гендерное смещение в сторону женщин в возрасте до 60 лет в сельских населенных пунктах, в более пожилом возрасте – в городах.

Таблица 4

Соотношение численности городских
и сельских пенсионеров России (в тыс. чел.)

	Возрастные группы							
	55–59		60–64		65–69		70 лет и старше	
	(число женщин на 1000 мужчин соответствующей возрастной группы)							
	1990 г.							
Все население	1254		1487		2278		3122	
Городское	1294		1473		2275		2968	
Сельское	1170		1517		2284		3471	
	2015 г.							
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Все население	4774	6099	3814	5446	2479	3949	3890	9487
Городское	3344	4520	2737	4108	1845	3051	2785	6876
Сельское	1430	1579	1077	1338	634	898	1105	2611

Источник: данные Росстата, 1990, 2015 гг.⁶

Трудовые ресурсы пенсионеров

Вовлеченность в экономику пожилых россиян является социально острой проблемой. Согласно данным экспертов аналитического центра при Правительстве России, на 01.01.2016 продолжали работать 15,2 млн пенсионеров. Иные данные представляет Росстат: за последние десять лет ежегодный прирост работающих пенсионеров в среднем составил 1,3% (рис. 2). В 2005 г. работающих пенсионеров было 22,4%, в 2014-м – 34,9%, на 01.01.2016 – 35,0%.

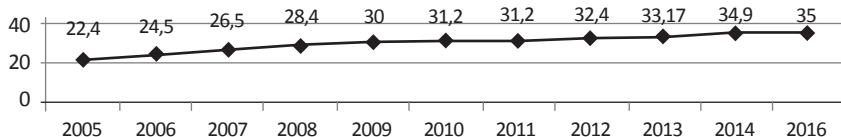

Рис. 2. Динамика удельного веса работающих пенсионеров (в % от общей численности пенсионеров, состоящих на учете ПФ РФ)

Источник: данные Росстата, 2005–2016 гг.⁸

Если за первые пять лет первого десятилетия текущего века увеличение численности работающих пенсионеров произошло на 2,3% к итогу года, то за первые четыре года второго десятилетия – на 0,7%, т. е. в более чем три раза сократился приток пенсионеров в экономику.

Что касается включения в рабочую силу пенсионеров разных возрастных групп, то налицо их дифференцированность⁹. В 1994 г. перевес был в сторону молодых пенсионеров (55–59 лет – 7,5% против россиян в возрасте 60–72 – 3,6%), в 2000 г. приоритетное место занимала более старшая группа (60–72 года). В 2005 г. соотношение снова изменилось в сторону молодых пенсионеров. Если обратить внимание на количественные данные, то и здесь видны изменения: в 1994 г. разница между возрастными группами достигала 3,9%, в 2014 г. – 4,2% к итогу года.

С точки зрения гендерного среза преимущественное положение на протяжении последних десяти лет остается за мужчинами (перевес более чем в два миллиона человек). В среднем ежегодное численное превосходство работающих пенсионеров мужчин по отношению к женщинам достигало почти 350 тыс. чел. Наибольший их перевес наблюдался в 2010 г. (на 443 тыс.). В результате общее количество работающих пенсионеров ежегодно составляло почти десять миллионов: от 3,8 до 5,1 млн – мужчин; от 3,4 до 4,8 млн – женщин. В целом занятость мужчин пенсионеров с 2005 по 2014 г. увеличилась на 1321 тыс. чел.

Есть ли стремление к трудовой деятельности у пенсионеров? 20,0% пенсионеров, по данным (ЖНП-2015), заявили, что они продолжают работать. Почти четверть пенсионеров согласились бы работать, если бы им поступило такое предложение. Несколько большие цифры, но в этой же динамике получены ВЦИОМ (2015 г.)¹⁰. На вопрос: «Собираетесь ли Вы работать после выхода на пенсию?» 37% ответили однозначно: «Да, буду». В 1990 г. работать на пенсии собирались лишь 15% россиян, увеличение

планирующих однозначно продолжать трудовую деятельность произошло более чем в два раза. Еще 37% полагали, что допускают выход на работу после выхода на пенсию, но их решение будет зависеть от определенных обстоятельств (в 1990 г. – 54%).

По данным выборочного обследования Росстата¹¹ рабочей силы, в 2015 г. в качестве безработных было зарегистрировано в возрасте 55–59 лет 6,4% (к итогу года), в возрасте 60–72 года – 2,8%. Если в первой возрастной группе преимущество было за женщинами (7,7% и 4,9%), то во второй приоритет изменен: 3,0% – женщин и 2,5% – мужчин.

Желание пенсионеров продолжить работу поддерживается **большинством россиян (65%)**¹². По их мнению, пожилые россияне исполняют трудовые обязанности не хуже или даже лучше **сорокалетних**. Треть полагает, что трудящиеся с большим стажем (достигшие пенсионного возраста) добросовестны и 35% – более внимательны и усидчивы, чем коллеги в возрасте 40 лет. Причем современные россияне придерживаются этой позиции чаще, чем опрошенные четверть века назад (в 1990 г. соответствующие ответы дали 23% и в 2016 году 18%).

Как же заняты различные возрастные группы пенсионеров в экономике? Где и на каких условиях трудятся пенсионеры? Наибольший вес занятых исследуемых россиян приходится на первые четыре года после выхода на пенсию¹³. В последующий период трудовой деятельности (от 5 лет до 9 лет) происходит резкое снижение (в два раза) работающих как в группе пенсионеров по старости, так и в группе «досрочного выхода на пенсию». Трудового стажа 15 лет и более (после выхода на пенсию) достигают немногие: среди пенсионеров по возрасту – 0,6%; среди пенсионеров «досрочников» – 0,3%, т. е. выявлен более продолжительный период работы у пенсионеров, вышедших по старости, чем у тех, кто работал во вредных условиях. Что, вероятно, можно объяснить их состоянием здоровья или более благополучным финансовым положением из-за более высокого уровня пенсии.

Отмечается устойчивый рост численности работающих пенсионеров и в различных типах населенных пунктов. В городской местности вследствие развитости рынка труда пенсионеры работают все больше. По оценкам исследователей¹⁴, городские пенсионеры предпочитают работу в трудовых коллективах (11,6% против 3,3% в селе). Большинство сельских пенсионеров заняты в личном подсобном хозяйстве (село – 32,9%, город – 7,9%).

Работающие пенсионеры, как и другие возрастные группы россиян (занятые в экономике), работают по найму и не по найму. По

данным Росстата¹⁵, официально трудоустроено 81,7% пожилых людей в возрасте 60–72 лет. При возможности они еще устраиваются на дополнительную работу.

Согласно результатам опроса ФОМ (2015 г.)¹⁶, пенсионеры преимущественно работают на государственных предприятиях (60,0%), в частном секторе – 37,0%. Они чаще являются штатными работниками предприятий по сравнению с молодежью (77% и 67% соответственно). В этом плане выделяются представители административно-управленческого персонала, руководители среднего и высшего звена, труд которых является по содержанию высококвалифицированным.

Что касается видов экономической деятельности, то занятость пенсионеров в субъектах России различается в силу территориальной специфики. К примеру¹⁷, в республике Башкортостан пенсионеры (в возрасте 60–72 лет) работают в сельскохозяйственном производстве и в обрабатывающих отраслях экономики. Педагогические и научные кадры здесь по-прежнему формируются за счет старшего поколения. В возрасте старше трудоспособного находится каждый четвертый работник вуза и ссуза (в 2014 г. 28,2 и 22,6% соответственно); каждый десятый школьный учитель (12,2%). Руководство вузов на одну треть состоит из пенсионеров (34,7%). Растет удельный вес представителей старших возрастов среди исследователей.

Трудовая активность пенсионеров в большинстве случаев объясняется недостаточным объемом пенсионных выплат. Причем за последние 25 лет согласных с данным мнением стало в 1,5 раза больше (с 49% в 1990 г. до 75% в 2015 г.), среди респондентов старше 60 лет – 73%¹⁸. Хотя есть и другие суждения. Главные мотивы к продолжительности работы связаны скорее с вопросами самоуважения и идентичности. Разрешением этой полемики могут служить ответы на вопрос: «Как живут пенсионеры после выхода на пенсию?»

Согласно результатам опроса (ЖНП-2015), жизнь каждого второго пенсионера становится хуже. Наихудшее положение у живущих на Дальнем Востоке (60%), Северном Кавказе, в Сибири и на Урале (52–55%), на значительной части субъектов РФ лица старшего возраста имеют материальные проблемы.

Основные источники доходов современных пенсионеров

Анализ и обобщение данных (ЖНП-2015) позволили выделить два вида ресурсов у пенсионеров: собственные и дополнительные. Собственные источники – получение пенсии (98,0%), заработной платы на основной работе (12%), процент доходов от банковских вкладов (1,0%). Дополнительные – доход в виде материальной помощи со стороны родственников (19,0%) и друзей (4,0%). Отсюда можно сделать вывод: пенсионеры склонны самостоятельно решать материальные проблемы. В структуре их доходов преимущественное положение занимают собственные доходы. Они используют разные способы пополнения материальной базы. Но фактически – это «активная» форма бедности, предполагающая желание субъектов преодолеть состояние бедности, стремление к материальной самостоятельности.

В рамках данного вывода интересны результаты ФОМ о том, что движет россиянами, которые выбирают работу. Оказывается, такие факторы, как независимость, одобрение окружающих и возможность учиться, не слишком их интересуют. В то же время независимость проявляется у пенсионеров и в факторе, отражающем особенности их проживания: свыше 70% живут независимо, что в 2,6 раза выше по сравнению с теми пенсионерами, которые живут с родными и близкими.

Но решает ли экономические проблемы пенсионеров работа? Уровень заработной платы устраивает лишь четверть пенсионеров. Пенсионеры единогласно заявляют, что их заработная плата не выше заработной платы по региону: 56% полагают, что их уровень оплаты труда ниже среднего по региону, 28% – такой же, как в регионе. И действительно, уровень заработной платы работающих пенсионеров в среднем на треть меньше (по сравнению с другими возрастными группами). Материальным вознаграждением не довольны почти 70% работающих пенсионеров.

Размер пенсий мужчин выше уровня пенсий женщин в силу дифференциации у них заработной платы. Но за последние более чем десять лет разница между средними размерами пенсий женщин и мужчин постепенно сокращается: 2001 г. – 89,7%; 2012 г. – 95%; 2014 г. – 94,6%. Ибо заработная плата мужчин пенсионного и предпенсионного возраста уменьшилась на 6,6% (2011–2014 гг.).

В целом бедность пожилых россиян объективно воспринимается подавляющим большинством россиян (ВЦИОМ-2015). Как 25 лет назад, так и в настоящее время им представляется справедливым выплачивать работающим пенсионерам пенсию и оклад

в полном размере (81% в 2015 г. и 86% в 1990 г.). Но государственные органы власти думают по-другому. Ибо отменена индексация пенсий у работающих пенсионеров (в среднем на 500 руб.). И как результат, многие бросили работу или ушли в тень. Они не верят власти. Этому поспособствовала и «заморозка» пенсионных выплат, которую в четвертый раз перенесли на 2017 г.

Условия жизни заставляют пенсионеров быть практичными. Среди них в два раза больше тех, у которых не бывает случаев, когда им не хватает зарплаты до очередной ее выплаты. В качестве причин недостаточно высоких заработков они чаще всего называют низкую стоимость труда: «нежелание начальства расставаться с деньгами», «дешево оценивается труд», «кризис» и пр.¹⁹

При этом работодатели часто утаивают реальный размер выплат заработной платы, чтобы уйти от налогов, – соответственно отчисления в пенсионный фонд сокращаются. По данным Пенсионного фонда России, более чем за двадцать миллионов работников работодатели не платят страховые взносы. По данным официальной статистики, с каждым годом разрыв между заработной платой и пенсией увеличивается: в 2000 г. средний размер назначенных пенсий составлял 31,2% от средней начисленной зарплаты, в 2005 г. – 27,6%. В 2014 г. уровень средней пенсии отставал от уровня средней заработной платы в 3 раза. Кроме того, индексация пенсий не соответствовала росту цен.

Сохраняется и несогласованность политики занятости, направленной на работников старшего возраста. Повсеместно наблюдается дискриминация по отношению к пенсионерам, но мер по ее преодолению практически не принимается.

Могут ли пожилые россияне отстаивать свои права? Однозначного ответа нет. Налицо противоречивость их правового сознания (ЖНП-2015). Ибо, заявляя о злободневности проблем пенсионного обеспечения (85%), они считают, что их права соблюдаются (свыше 60%). В то же время большинство из них недовольны уровнем пенсионного обеспечения, состоянием производственного сектора экономики и, соответственно, деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления. В 2014 г. к посланию Президента РФ Федеральному собранию проявили интерес более трети россиян (35%). Среди недостатков послания ими отмечено то, что в первую очередь прозвучали неполно или не прозвучали совсем вопросы пенсионной реформы (12%)²⁰. Это же выявлено и в оценках соответствующего послания 2016 г.

Результаты всероссийских опросов свидетельствуют о безразличии и пассивности, присутствующих у населения вследствие недостаточного доверия к законодательству, связанному

с пенсионным обеспечением. Положение усугубляет и то, что большинство россиян недовольны деятельностью органов власти. Отсюда уровень доверия и надежд на перемены, включая реформу пенсионной системы, был и остается низким, поэтому необходима разработка, принятие и реализация государственных мер, обеспечивающих востребованность пенсионеров на рынке труда. Это задача государственной безопасности, которая пока не до конца осознана.

За последнюю четверть века изменились направления изысканий в отношении пожилых людей в трудовой сфере. Это обусловлено причинами, предопределившими сокращение трудовых ресурсов. Ранее, к примеру, в ленинградском объединении «Светлана» (1985 г.) использование труда пенсионеров социологи изучали в рамках комплектования кадров и уровня их текучести. Уже в тот период снижались жесткие требования к возрастному составу работающих²¹. В настоящее время ученые стремятся осмыслить вовлечение и использование пенсионеров в экономику в широком ракурсе: как основных субъектов труда наравне с другими возрастными группами работающих.

Примечания

¹ Россия в цифрах 2013. Краткий статистический сборник. М., 2013. С. 31, 40; Россия в цифрах 2016. Краткий статистический сборник. М., 2016.

² Россия в цифрах 2004. М., 2004. С. 69; Российский статистический ежегодник. М., 2015.

³ Российский статистический ежегодник. М., 2015. С. 92.

⁴ Россия в цифрах 2016. Краткий статистический сборник. М., 2016.

⁵ Российский статистический ежегодник. М., 2015. С. 151.

⁶ Российский статистический ежегодник. М., 2001. С. 89; Российский статистический ежегодник. М., 2015.

⁷ «Жизнь на пенсии» (ЖНП-2015) – всероссийский опрос проведен в 2015 г. (рук. Ж.Т. Тощенко). Опрошено 900 человек в 18 субъектах России. Выборка репрезентативна по возрасту, полу, образованию, семейному положению, месту жительства.

⁸ Россия в цифрах 2016. Краткий статистический сборник. М., 2016.

⁹ Россия в цифрах 1993. Краткий статистический сборник. М., 1993. С. 54; Российский статистический ежегодник. М., 2015. С. 74.

¹⁰ Выход на пенсию – не повод бросать работу? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2978 от 19.11.2015. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115470> (дата обращения: 23.11.16).

¹¹ Россия в цифрах 2016. Краткий статистический сборник. М., 2016. С. 88.

- ¹² Выход на пенсию – не повод бросать работу? // Там же.
- ¹³ Пенсионер по занятости [Электронный ресурс] // Росстат. Комплексное наблюдение условий жизни населения в 2014 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ14/survey0/dataSet/dataFiles/dataFile0/var466.html (дата обращения: 01.12.16).
- ¹⁴ Труд, занятость и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в республике Башкортостан / Под общ. ред. Р.М. Валиахметова, Г.Р. Баймурзиновой, Н.М. Лавренко. Уфа: Восточная печать, 2015. С. 165.
- ¹⁵ Российский статистический ежегодник. М., 2012. С. 108.
- ¹⁶ «Россияне рассказывают о своей работе» – всероссийский опрос ФОМ, проведенный 22 сентября 2015 г. в 53 субъектах РФ, 104 населенных пунктах, 1200 респондентов. Интервью по месту жительства. В 1990 г. массовый опрос проходил по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения от 16 лет, объем выборки – 1135 чел. [Электронный ресурс] // ФОМ. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/12417> (дата обращения: 10.11.16).
- ¹⁷ Наука и информационные технологии в Республике Башкортостан: Сб. ст. Уфа: Башкортостанстат, 2015. С. 14.
- ¹⁸ Выход на пенсию – не повод бросать работу? // Там же.
- ¹⁹ «Удовлетворенность работой» – всероссийский опрос «ФОМнибус» проведен 27 марта 2016 г. среди граждан России от 18 лет и старше, среди работающих только по найму, в 53 субъектах РФ, 104 населенных пунктах, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства [Электронный ресурс] // ФОМ. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/12588> (дата обращения: 10.11.16).
- ²⁰ Интерес к посланию президента Федеральному Собранию 2015: Пресс-выпуск № 2996 от 11.12.15 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115508> (дата обращения: 15.11.16).
- ²¹ Тягушев А.Ф., Федотова А.П. Социологическая служба. СПб.: Лениздат, 1985. С. 80.

Социальное положение российских пенсионеров как фактор удовлетворенности жизнью

Пенсионеры в современной России сталкиваются со многими вызовами, которые не позволяют охарактеризовать их социальное положение как благоприятное. Однако анализ их удовлетворенности жизнью не позволяет выявить существенные отличия от россиян в целом. Тяжелое материальное положение, связанное с кризисными сценариями в экономике, не сильно отражается на удовлетворенности жизнью как пенсионеров, так и тех, кто еще работает. И те, и другие как бы не замечают кризиса, а сосредотачиваются на других позитивных аспектах социальной реальности.

Ключевые слова: российские пенсионеры, социальное положение, удовлетворенность жизнью.

Несмотря на то что каждому поколению приходится переживать те или иные формы общественных преобразований, ведущих к модификации жизни определенных слоев общества, поколение российских пожилых людей в период рыночных реформ 1990-х гг. столкнулось с кардинальными изменениями, которые существенно усложнили условия их жизни, что повлекло за собой многие проблемы, которые снизили качество их жизни на фоне низкого размера пенсий. В основу социальной политики были внедрены рыночные принципы функционирования, в современной России человеческие отношения стали измеряться категориями «полезности», что позволяет государству постепенно, последовательно снимать с себя ответственность за социальное обеспечение и защиту населения и переводить свои важнейшие функции в государственные услуги.

По сути, у государства нет социальной политики, направленной на обеспечение высокого качества жизни старшего поколения. Принимаются отдельные меры по обеспечению весьма скромных

материальных потребностей пожилых, однако не продуманы возможности для удовлетворения их духовных, культурных и социальных потребностей. Все больше пенсионеров вынуждены работать, чтобы поддерживать приемлемый уровень материального благополучия.

В настоящее время Пенсионный фонд РФ несостоятелен в обеспечении достойной старости, а доходы пенсионеров все больше и больше отличаются от трудовых доходов непенсионеров. Если в 2000 г. средний размер назначенных месячных пенсий составлял 31,2% от средней начисленной заработной платы, то в 2005 г. – уже только 27,6%. В реальном выражении средний размер пенсий в декабре 2014 г. снизился на 2,6% к декабрю 2013 г., а в сентябре 2015 г. еще на 4,0% по отношению к сентябрю 2014 г.¹

В целом за 2014 г. средняя пенсия составила 10,8 тыс. рублей в месяц, и в номинальном выражении это на 8,8% выше, чем в 2013 году, но в реальном выражении рост в среднем за год составил 0,9%. По данным за сентябрь 2015 г., средний размер назначенной ежемесячной пенсии в России увеличился в номинальном выражении на 11,1% по сравнению с сентябрем 2014 года и составил 12 106 руб.² Хотя последние годы были приняты меры по повышению пенсий, это не меняет общую тенденцию. Все больше пенсионеров вынуждены работать, чтобы поддерживать для себя приемлемый уровень материального благополучия. Произошли изменения в общественном договоре между работающими и пенсионерами с точки зрения регулирования размера материального и других видов обеспечения людей в те периоды, пока люди работают и платят взносы, и в те периоды, когда они получают пенсии.

В сегодняшней ситуации российские пенсионеры – это одна из наиболее уязвимых групп российского общества. По всем позициям люди старшего возраста традиционно оказываются внизу любой шкалы по своим настроениям, оценкам материального положения и др. Среди более молодых групп населения тоже есть люди в тяжелом материальном положении, но если говорить о возрастных когортах, то люди старшего, пенсионного возраста в материальном отношении хуже всего обеспечены³.

Социально-демографический портрет пожилого россиянина описала на заседании президиума Госсовета РФ в 2010 г. Т. Голикова. По ее словам, большая часть российских пожилых людей страдает 5–7 хроническими заболеваниями одновременно, 50% пожилых людей испытывают затруднения при ходьбе и подъеме по лестнице, 31% испытывает затруднения при самообслуживании, 8% вовсе не выходят из своих квартир, и 5% не покидают постели. Большинство (74%) пожилых людей употребляют лекарственные

средства и 2–3 раза в месяц нуждаются в вызове скорой медицинской помощи, мужчины в среднем переживают пенсионный возраст лишь на три года⁴.

В России последние восемь лет растет смертность пенсионеров. Наиболее значительный вклад в общую смертность в РФ приходится именно на лиц пожилого возраста: в 2006 г. он составил 67,3%, в 2011 г. – 71,4%, а в 2014 г. – уже 73,2%⁵. В качестве причин смертности у пожилых людей лидируют внешние причины, болезни системы кровообращения, злокачественные новообразования.

Наступление пожилого возраста является для человека источником социального риска. Проблемы пожилых людей имеют объективные основания, носят долговременный характер и требуют постоянного внимания, изыскания дополнительных материальных и других ресурсов. Необходимость рассмотрения удовлетворенности жизнью пожилых россиян актуализируется на фоне развивающегося социально-культурного и экономического кризиса общества. В последние десятилетия пенсионеры становятся важнейшим элементом социальной структуры российского общества, а их поведение, социальные установки и социальное самочувствие оказывают существенное влияние на все социальные, экономические, политические процессы в обществе, на жизнедеятельность общества в целом.

Если говорить в целом, в какой мере российских пенсионеров устраивает или не устраивает жизнь, которую они ведут, то, как и в начале 1990-х гг., в 2014 г. положительные оценки преобладают над отрицательными (см. табл. 1). Однако значение индекса удовлетворенности жизнью существенно выше до начала периода реформирования российской экономики. Сравнение индекса удовлетворенности для пенсионеров и россиян в целом выявляет различие только порядка 5 пунктов. Это с учетом социальной характеристики, которая была дана российским пенсионерам выше.

Рассматривая региональный аспект, можно сказать, что во всех регионах страны в среднем 49% и более пенсионеров отмечают, что жизнь стала хуже после выхода на пенсию (по данным исследования «Жизнь на пенсии»⁹ – далее ЖНП-2015). Основными причинами ухудшения пенсионеры считают маленькую пенсию (58%), ухудшение здоровья (28%), в меньшей степени скуку (9%).

Несмотря на то что пенсионеры осознают, что жить на маленькую пенсию трудно и здоровье «уже не то», всегда остаются позитивные стороны жизни на пенсии, такие как: возможность уделить время себе, своему здоровью (24%); обрести спокойствие, уйти от стрессов, ответственности (23%); уделить больше внимания семье, близким (22%); заняться любимым делом (11%) (ЖНП-2015).

Об этом говорят респонденты, считающие, что жизнь улучшилась после выхода на пенсию.

Таблица 1

Оценка удовлетворенности жизнью
(в % от опрошенных)

Варианты ответа	все россияне 2015*	пенсионеры 2014**	пенсионеры 90–91гг.***
Вполне устраивает, по большей части устраивает	48	35	59
Отчасти устраивает, отчасти нет	29	41	30
Совершенно не устраивает, по большей части не устраивает	21	25	10
Затрудняюсь ответить	2	–	1
Индекс	56	51	78

Источник: *ВЦИОМ–2015⁶; **«Жизненный мир Россиян» (далее – ЖМ-2014)⁷; ***Всесоюзное исследование проблем образа жизни, 1990–1998.

В большей степени изменения после ухода на пенсию чувствуют люди со средним доходом. Для тех, у кого доход высокий, комментариев не требуется, а вот люди с доходом ниже среднего и низким вообще затрудняются дать оценку своей жизни после выхода на пенсию или говорят об ухудшении. В их жизни нет ухудшения, потому что как было плохо, так и осталось (см. табл. 2).

Таблица 2

Оценка жизни после выхода на пенсию
в зависимости от оценки дохода пенсионеров
(в % от опрошенных)

Варианты ответов	Доход респондентов			
	выше среднего	средний	ниже среднего	низкий
лучше	31	23	4	5
осталась прежней	41	36	13	7
хуже	24	36	20	23
затрудняюсь ответить	3	4	63	65

Источник: ЖНП-2015.

При анализе установок пенсионеров нельзя сбрасывать со счетов поселенческий фактор распределения этой социальной группы. Из общей численности мужчин и женщин, вышедших на пенсию по возрасту (8,6 млн чел. и 22,1 млн чел. соответственно) в сельской местности проживает 3 млн мужчин и 14,2 млн женщин. Таким образом, 64% пенсионеров в России сегодня проживают на селе¹⁰, что накладывает на них все те трудности, с которыми сталкивается аграрная сфера хозяйства России.

Если говорить о характеристиках пенсионеров, теснее всего связанных с оценкой удовлетворенности жизнью, то на основании сделанных расчетов можно сказать, что связь статистически значима ($p < 0,05$ по критерию хи-квадрат) только с семейным бюджетом и семейным положением респондентов (см. табл. 3).

Таблица 3

Влияние семейного бюджета и семейного положения
на удовлетворенность жизни пенсионеров
(в % от опрошенных)

Вы удовлетворены своей жизнью?		Удовле- творены	Не удовле- творены	Бывает по- разному
Семейное положение	С партнером	42,2	18	39,8
	Без партнера	29,6	32	38,4
Семейный бюджет	Живут в достатке, могут себе позволить покупку холодильника, музыкального центра., но не более	48,9	10,6	40,4
	Хватает в основном на еду и одежду, в остальном приходится экономить	40	20,5	39,5
	Еле сводят концы с концами, живут от зарплаты до зарплаты (бедно)	19,7	42,6	37,7
	Живут в нищете	16,7	33,3	50

Источник: ЖМ-2014.

При оценке своего материального положения люди пенсионного возраста, как правило, не видят его в позитивном свете. Большинство будущих пенсионеров рассчитывает на дополнительные источники дохода. Планируют продолжать работу по профессии

после выхода на пенсию 51%, искать другую работу по силам (36%), 14% опрошенных надеются на помощь детей, а 11% – на доходы супруга. На дополнительную пенсию рассчитывают 4% наших сограждан¹¹.

Пенсия, которая начисляется государством, недостаточна для обеспечения материального благополучия пожилых людей. Так считает подавляющее большинство россиян. На вопрос о том, «что, на ваш взгляд, следовало бы сделать органам государственной власти для повышения социальной защищенности пожилых граждан? Какие меры вы посоветовали бы принять в первую очередь?» – 34% россиян предлагают повысить пенсию, пособия пожилым, материальный уровень их жизни – это самый популярный ответ на поставленный вопрос. Второй рецепт, по мнению 10% россиян, – это обеспечить пожилым людям бесплатное, качественное медицинское обслуживание, предоставить им бесплатные, льготные лекарства. Кроме того, по 8% опрошенных поддерживают предоставление льгот и большей заботы старикам¹².

Как и в начале 1990-х гг., пенсионеры при оценке своего материального положения склоняются к негативным оценкам либо средне-нейтральным (см. табл. 4).

Таблица 4

Оценка пенсионерами своего
материального положения в 1991 г., 2015 г.
(в % от опрошенных)

Как Вы оцениваете свой доход?	2015	1991	Удовлетворены ли вы вашей материальной обеспеченностью
высокий	0	2	полностью
выше среднего	3	3	вполне удовлетворен
средний	48	45	в основном удовлетворен
ниже среднего	20	33	в основном не удовлетворен
низкий	28	17	совсем не удовлетворен

Источник: *ЖНП-2015; **Всесоюзное исследование проблем образа жизни, 1990–1991.

Семейный бюджет более чем 65% пенсионеров позволяет им не голодать, но в остальном приходится экономить. Если сравнить намерения тех, кто еще не вышел на пенсию, по повышению своего материального дохода с теми, кто уже столкнулся с этими

проблемами, то большинству пенсионеров приходится жить только на пенсию, об этом говорят 62% пенсионеров при ответе на вопрос: «Из каких источников складываются ваши доходы?». Дети помогают 12% респондентов, подработка, совместительство добавляют еще 5%, а 8% имеют постоянную работу и стабильную заработную плату, 8% обеспечивают себя дополнительно продуктами питания (дача, огород, подсобное хозяйство), 2% имеют материальную помощь от родственников и друзей и только 1% пенсионеров в качестве источников дохода указывают проценты от банковских вкладов (сбережений), акций (ЖНП-2015).

Среди будущих пенсионеров в Москве надеются продолжать работать по профессии 36%, на возможность найти другую работу по силам рассчитывают 27%, на помощь детей – 19%. Примечательно, что почти треть опрошенных в столице (29%) указали в качестве дополнительного источника дохода сбережения (для сравнения, среди всех россиян рассчитывают на сбережения только 8%)¹³.

Положение осложняется тем, что в российской экономике основная часть рабочих мест предназначена для людей молодых и сильных и не обязательно высококвалифицированных. Достаточно мало рабочих мест, на которых могут работать люди, имеющие большой опыт. Для людей старшего возраста не так много подходящих рабочих мест в российской экономике¹⁴.

Несмотря на объективные данные, свидетельствующие о плохом материальном положении пожилых людей, результаты мониторинга социальных настроений демонстрируют существенное снижение драматизма в оценках респондентами экономической ситуации. Население «чувствует кризис все больше, а видит – все меньше». Несмотря на низкое материальное благополучие, в старших возрастных группах респондентов достаточно высок уровень оптимизма, они как будто не замечают существенного ухудшения экономической ситуации. А в группах с высоким уровнем образования доля тех, кто замечает существенные негативные изменения в экономике, сократилась с 37% в марте до 25,6% в апреле. При этом оценки личного «кризисного» опыта находятся в явном противоречии с социальным настроением, которое демонстрируют респонденты, хотя доля тех, кто почувствовал на себе кризисные явления в экономике, увеличивается¹⁵.

Жители небольших городов воспринимают экономическую ситуацию еще более позитивно: доля тех, кто сообщает о значительных ухудшениях, сократилась почти на 10%. В то же время в таких типах поселений выросла доля респондентов, рассматривающих события в экономике как полномасштабный экономический кризис¹⁶. Получается, что экономическая ситуация в городах

и регионах в большей мере зависит не от общих тенденций, а от территориальных особенностей и способностей местных властей, которые локальными методами пытаются компенсировать удары кризиса.

При сравнении ожиданий работающего населения до выхода на пенсию и реальных практик пенсионеров наблюдаются большие различия. Значительно меньшей доле пенсионеров удастся найти дополнительные источники дохода, чем это видится людям трудоспособного возраста, в том числе меньше пенсионеров работает, меньшему числу оказывают помощь дети, крайне низка доля тех, кто использует свои финансовые сбережения и получает доходы от НПФ. Основным источником материального благополучия для большинства российских пенсионеров остается пенсия.

Для пенсионеров ощущение удовлетворенности своей жизнью не ассоциируется с материальным фактором, хотя от него зависит, но весьма слабо. Тяжелое материальное положение, связанное с кризисными сценариями в экономике, не сильно отражается на показателе удовлетворенности жизнью как пенсионеров, так и работающих. И те, и другие как бы не замечают кризис, а сосредотачиваются на других позитивных аспектах социальной реальности.

Несмотря на все проблемы, выпавшие на долю россиян, уровень показателя счастья, по данным холдинга Ромир, растет. К концу 2014 г. российский индекс счастья составил 59 п.п. против 24 п.п. в 2013 г. Увеличение доли счастливых людей произошло за счет уменьшения числа людей, которые не относили себя ни к счастливым, ни к несчастным, однако сократилось число несчастных людей на 8%, всего 2% россиян назвали себя несчастными в конце¹⁷ 2014 г. Казалось бы, экономический кризис, нестабильность рубля, продовольственные санкции, Россия начала входить в реальный кризис. С другой стороны: победы на Олимпийских играх, присоединение Крыма, общий подъем патриотизма. У людей появилась надежда на что-то хорошее и готовность сплотиться вокруг общих целей. Возможно, с позитивными событиями, произошедшими в стране, связано улучшение социального настроения россиян.

Российские пенсионеры – это одна из наиболее уязвимых групп российского общества. Эта ситуация не сегодняшнего дня, она сложилась уже давно, с момента начала российских экономических рыночных реформ.

Анализ объективного материального положения пенсионеров затруднен. Его можно проводить лишь по размерам пенсий и пособий и по самооценке людьми своего материального положения без учета других источников дохода. На сегодняшний день пенсия

является главным источником дохода для молодых и старых пенсионеров РФ.

Чаще всего снижение удовлетворенности жизнью у пенсионеров происходит не по причине низкого уровня материальной обеспеченности или низкого уровня пенсии самого пенсионера, а в связи с недостаточным семейным бюджетом.

Существенное влияние на удовлетворенность жизнью пенсионеров оказывает их семейное положение. Удовлетворенность жизнью пожилых людей растет при наличии супруга. Возможно, это связано с тем, что хороший эмоциональный фон у пожилых людей формируется в том случае, если есть близкие люди, которые могут в трудную минуту поддержать, оказать помощь.

Примечания

- ¹ Даничев А. Голикова «нарисовала» социальный портрет пожилого россиянина [Электронный ресурс] // РИА Новости. 25.10.10. URL: <http://ria.ru/society/20101025/289139303.html#ixzz3rAUrJgRJ> (дата обращения: 01.12.2016).
- ² Там же.
- ³ Красильникова М. Материальное положение и социальные проблемы российских пенсионеров [Электронный ресурс] // Радио свобода. Радиопрограмма 29.05.11. (Беседовала Боде В.). URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24195752.html> (дата обращения: 01.12.2016).
- ⁴ Даничев А. Указ. соч.
- ⁵ Минздрав РФ сообщил о росте смертности среди пенсионеров [Электронный ресурс] // Интерфакс: Аналитический портал. 12.08.2015. URL: <http://www.interfax.ru/russia/459641> (дата обращения: 01.12.2016).
- ⁶ Социальное самочувствие россиян: провожая 2015-й: Пресс-выпуск № 3006 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 23.12.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115525> (дата обращения: 01.12.2016).
- ⁷ Всероссийский социологический опрос «Жизненный мир россиян» (ЖМ-2014) в рамках проекта «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2010-е годы)». Проведен 25–30 октября 2014 г. Опрошено 1750 человек в 18 регионах страны.
- ⁸ Всесоюзное исследование проблем образа жизни-III. Анкетный опрос взрослого населения СССР, опрошено 783 чел. Сроки полевых работ: 01.11.1990–31.01.1991. Рук. иссл.: А.А. Возьмитель, И.Т. Левыкин (ИС АН СССР).
- ⁹ Всероссийский опрос «Жизнь на пенсии» (ЖНП-2015) в рамках проекта «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2010-е годы)». Сентябрь 2015 г. Всего опрошено 900 человек в 18 регионах страны с учетом репрезентативной выборки по возрасту, полу, образованию, семейному положению, месту жительства.

- ¹⁰ Даничев А. Указ. соч.
- ¹¹ Будущая пенсия: хватит ли на жизнь? [Электронный ресурс] // НАФИ: аналитический центр. 8.10.2013. URL: <http://nacfin.ru/budushhaya-pensiya-xvatit-li-na-zhizn/> (дата обращения: 01.12.2016).
- ¹² «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 18 мая 2014. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Стат. погрешность не превышает 3,6%.
- ¹³ Будущая пенсия: хватит ли на жизнь? [Электронный ресурс] // НАФИ: аналитический центр...
- ¹⁴ Красильникова М. Указ. соч.
- ¹⁵ Аврамова Е.М., Логинов Д.М. Социальное самочувствие: население чувствует кризис все больше, а видит – все меньше // Экономическое развитие России. 2015. Т. 22. № 6. С. 79–82.
- ¹⁶ Социальное измерение кризиса: мониторинг ИНСАП РАНХиГС, 2015 г. Полевые исследования выполнены Левада-центром. Выборка 1600 респондентов репрезентативна для России.
- ¹⁷ Глобальный индекс счастья в 2015 году [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. 24.02.2015. URL: <http://gtmarket.ru/news/2015/02/24/7108> (дата обращения: 01.12.2016).

Качество жизни российского пенсионера

Статья посвящена изучению особенностей качества жизни российских пенсионеров по возрасту и основана на данных социологических исследований. Рассмотрение производится через призму социального оптимизма, что позволяет выявить отличия в оценках различных сторон жизни людей с разными жизненными смыслами и взглядами на реальность. Сравнение с данными всероссийских опросов, репрезентирующих население Российской Федерации, дает представление об особенностях оценки качества жизни данной социальной группы и о специфике ее восприятия окружающего мира.

Ключевые слова: качество жизни, жизненные смыслы, оптимист, пессимист, анемист, ценностные установки.

Качество жизни как социологическая категория

Качество жизни – категория, выходящая за пределы материальной обеспеченности человека в отличие от уровня жизни. Оно предполагает оценку совокупности условий и характеристик жизни человека, состоящую не только из объективных факторов, таких как занятость, профессиональная востребованность, благосостояние, экологическая ситуация, места рекреации, наличие и доступность культурных учреждений, но и глубоко субъективных, таких как удовлетворенность жизнью, работой, непосредственным окружением, возможностями самореализации.

Качество жизни напрямую зависит от результатов трудовой деятельности, социального статуса, состояния здоровья, коммуникаций в социальной группе и в обществе, свободы деятельности и выбора, форм досуга, уровня образования, доступа к культурным ценностям, социальному, психологическому и профессиональному самоутверждению и пр.

© Цапко М.С., 2017

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 14-18-02016.

Качество жизни изучается исследователями разных научных отраслей как в нашей стране, так и за рубежом. В докладе международной Комиссии по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса, подготовленном под руководством Нобелевских лауреатов Дж. Стиглица и А. Сена, обосновано использование показателя качества жизни как основного критерия экономического развития общества¹. Эта категория разрабатывается не только в экономике, но и в медицине², социологии³. Специалисты разводят понятия «образ жизни», «способ жизни» и «стиль жизни»; «уровень» и «качество жизни», «социальное самочувствие» и «благополучие». Большинство исследователей едины в том, что характеристики качества жизни необходимо подразделять на объективные и субъективные. Их в свою очередь делят на три основные группы факторов: *социально-экономические, социально-экологические и социально-психологические*. Такое предельно общее деление качества жизни проявляется в житейских, приближенных к повседневности практиках. Это и оценка своих финансовых возможностей, и удовлетворенность качеством питания, состояние здоровья, ощущение счастья и депрессии, уровень социальной поддержки, личная компетентность, уверенность в завтрашнем дне, общая удовлетворенность жизнью и т. д. Каждая из этих практик и установок наделена смыслами, без учета которых изучение восприятия жизни и ее качества разными социальными сообществами будет неполным.

Смысловой подход к изучению качества жизни

Вся совокупность этих практик неразрывно связана с центральным мировоззренческим конструктом – смыслом жизни. Его сложность и латентность зависит от субъективной трактовки и отдельных его проявлений, что затрудняет выявление сущностных основ жизни общества. Именно смыслы раскрывают актуальность содержания убеждений, мотивов, действий людей⁴. В отличие от норм и ценностей, передающихся из поколения в поколение, смыслы связаны с текущим временем, проявляющимся в особенностях экономической, политической, социальной и культурной сфер общества. С ними согласуются взаимоотношения людей как с внешним миром, так и с собственным смыслом существования⁵.

Выяснение смыслов осуществляется посредством постановки целей-принципов, определяющих сущность сознания, деятельности и сопоставленных с реальным опытом⁶, которые проявляют

себя в виде *стремления к социальной справедливости, уверенности в завтрашнем дне и определению вектора развития российского общества.*

Такой подход свойствен социологии жизни, концентрирующей внимание на жизненном мире человека, отраженном в общественном сознании через стереотипы, установки, нормы и ценностные ориентации, находящиеся в неразрывной связи с социальными практиками. В изучении жизненного мира во всем его многообразии важную роль играют представления различных групп населения о качестве жизни, проявляющиеся через *материальное благополучие и трудовую занятость* как формы *социально-экономических факторов*, а также через *состояние здоровья, удовлетворенность состоянием окружающей среды* как *социально-экологические факторы*. Социально-психологические факторы выражаются в *удовлетворенности социальным и межличностным общением, а также в оценке собственных социальных перспектив*⁷. Разница в восприятии одних и тех же процессов и явлений у представителей различных социально-демографических групп демонстрирует особенности их жизненного мира.

Одной из самых крупных и важных групп являются пенсионеры по возрасту, составляющие в нашей стране около четверти всего населения⁸. Люди, наделенные опытом и социальным капиталом, передающие нормы и ценности новым поколениям, имеющие право на прекращение трудовой деятельности, а значит, обладающие возможностью перераспределения своего времени, представляют собой очень быстро увеличивающуюся часть российского населения, нуждающегося в постоянном обеспечении приемлемого качества жизни.

Оптимисты, пессимисты и анемисты как основные подгруппы для анализа качества жизни пенсионеров

Анализ данных всероссийского исследования «Жизнь на пенсии» (далее ЖНП-2015)⁹ подтвердило совпадение целей-принципов этой большой социальной группы с целями-принципами всех россиян. Однако существуют и особенности, выявленные в ходе работы с результатами опроса пенсионеров Центральной России, Поволжья, республик Северного Кавказа, Юга России, Урала, Сибири, Дальнего Востока и столичного региона. Соизмерение со смысловой составляющей дало возможность выделить три основные подгруппы пенсионеров с разной формой реализации целей-

принципов: оптимисты, пессимисты и анемисты. Такое деление связано с тем, что далеко не все представители этой группы со вступлением в пенсионный возраст прекратили трудовую деятельность. Анализ их ответов демонстрирует большую позитивность и устойчивость к социально-экономическим вызовам, что сказывается и на их уверенности в завтрашнем дне. Пессимизм свойственен преимущественно представителям старших возрастных подгрупп и одиноким пенсионерам. Анемисты не имеют выраженных социальных и ценностных демографических особенностей и выделяются лишь по более индифферентному отношению к большинству явлений и процессов жизненного мира. У этой группы нет особых запросов, интересов и стремлений; их вполне устраивает та жизнь, которую они ведут, мало интересуясь возможностями ее изменения и преобразования.

Особенности установок этих групп проявились в разнице самоощущений относительно того, как изменилась их жизнь с выходом на пенсию. Ответы на соответствующий вопрос демонстрируют единодушные в оценке изменений всеми перечисленными группами. Каждый третий (29%) считает, что его жизнь существенно не изменилась с выходом на пенсию, вероятно потому, что попросту не изменились привычные жизненные практики.

В группе оптимистов, заявляющих об улучшении своей жизни, проявляются региональные особенности. На Дальнем Востоке таких пенсионеров выявлено 7%, что близко к показателю республик Северного Кавказа (8%). Среди жителей Центральной России убежденных в улучшении своей жизни заметно больше – 25%. В среднем по стране оптимистических взглядов придерживаются 17% пенсионеров. Оптимистично настроенные пенсионеры видят плюсы в появлении возможностей заниматься больше собой, своим здоровьем (40%) и отдавать свое время близким (37%). Многие удовлетворены тем, что избавились от ответственности, возложенной на них на работе (37%) и могут посвящать больше времени своему любимому делу.

Половина (49%) граждан пенсионного возраста считает, что с выходом на пенсию жизнь стала хуже. Главной причиной негативной оценки изменений является ухудшение материального положения. Так считает 85% пенсионеров, несмотря на то что более 50% оценивают свой доход как *«средний»* или *«выше среднего»*. Другая важная причина негатива – ухудшение состояния здоровья (41%).

Основные жизненные проблемы и ценностные установки российских пенсионеров

Для пенсионеров главной осознанной проблемой является не бедность (12%), а именно болезни, опасение быть в тягость близким (36%), а также неопределенность, отсутствие уверенности в завтрашнем дне (22%). Последнее мало отличает пенсионеров от россиян трудоспособного возраста, и в эти опасения подмешиваются тревоги, связанные с материальным положением близких и их возможной физической беспомощностью. Отсутствие политической стабильности в мире как внешняя причина также играет важную роль в жизни этих людей, тем более что их становление произошло в советское время, когда гражданские качества ценили особенно высоко.

Общее состояние межличностных и социальных связей отражает традиционно сильные социальные связи россиян, ценности семьи, благополучия близких¹⁰. Одиночество как проблема выделяется лишь у 5% пенсионеров.

Ценностный мир пенсионеров изучался посредством выявления представлений о факторах, обеспечивающих благополучие и успех в жизни: 45% пенсионеров считают наиболее важным из них здоровье. Для 26% пенсионеров значимым оказалось финансовое положение, 31% отмечали трудолюбие, добросовестное отношение к делу. По-прежнему высок престиж образования (26,4%). Значимой оказалась ценность социальных и межличностных связей, которые в том или ином виде были упомянуты каждым третьим пенсионером («помощь близких, их общественное положение, родственные связи», «надежные друзья», «связи с нужными людьми»).

Если сравнивать ценностные установки выделенных подгрупп, то наиболее примечательной особенностью можно считать то, что пессимисты в большей степени ценят деньги, ставя их в иерархии инструментальных ценностей выше образования. Оптимисты и анемисты предельно похожи в этом отношении и в первую тройку инструментальных ценностей ставят здоровье, образование и трудолюбие, добросовестное отношение к делу (табл. 1).

Именно стремление не быть обузой близким и даже материально помогать им заставляет пенсионеров продолжать трудиться. Большая часть таких пенсионеров и составляет подгруппу «оптимистов» (67%). Для них сохранение занятости – возможность заниматься любимым делом, приносить пользу обществу, самореализоваться, быть в коллективе.

Таблица 1

Ранжирование ответов на вопрос:
«Что, на Ваш взгляд, важно для достижения благополучия
и успеха в жизни?»

	Оптимисты	Пессимисты	Анемисты
Здоровье	1	1	1
Образование	2	4	3
Трудолюбие, добросовестное отношение к делу	3	3	2
Деньги	4	2	4
Способности, талант	5	6	6
Помощь близких, их общественное положение, родственные связи	6	5	5
Удача, везение, случай	7	8	7
Надежные друзья	8	7	8
Инициативность, находчивость, предприимчивость	9	9	9
Гарантированная личная безопасность	10	13	13
Личное обаяние, красивая внешность	11	17	17
Умение приспособиться	12	11	12
Связи с нужными людьми	13	10	10
Умение защитить себя, если нужно, то силой	14	12	11

Трудовая занятость и материальное положение как социально-экономические факторы качества жизни пенсионеров

Работа для большинства россиян пенсионного возраста остается важной осознанной ценностью: 24% неработающих пенсионеров согласились бы выйти на работу, если бы им поступило такое предложение. При этом 48% «пессимистов» связывают отсутствие работы с множеством непреодолимых трудностей: нет работы для пенсионеров, отсутствие внимания к этой проблеме государства,

состояние здоровья, дефицит информации о вакансиях и пр. Для анемистов перспектива вернуться к трудовой деятельности не вызвала отклика. В этом вопросе довольно ярко проявилась разница в целях и смыслах рассматриваемых подгрупп.

Структура доходов пенсионеров преимущественно складывается за счет пенсии (98%). Российские пенсионеры почти не имеют банковских вкладов или собственного бизнеса, за счет которых они могли бы чувствовать себя материально защищенными. Почти четверти (23%) помогают близкие, у 12% есть заработная плата, 8% имеют приработок, 13% обеспечивают себя за счет подсобного хозяйства. Необходимо отметить, что подобного рода практики свойственны не только пенсионерам. Согласно данным исследования «Жизненный мир россиян» (далее ЖМ-2014)¹¹, до 30% россиян занимаются продовольственным самообеспечением: ведут подсобное хозяйство, выращивают овощи, делают заготовки на зиму, собирают грибы и пр. Около 20% сообщают о систематической подработке – осуществлении дополнительных трудовых практик, обычно неофициального характера. «Создается очевидная для жизненного мира россиян, но скрытая от официальной статистики реальность»¹². Это явление неоднозначно, неофициальный дополнительный заработок является серьезным экономическим подспорьем для россиян, причем без официальных налоговых вычетов.

Исследования ЖМ-2014 и ЖНП-2015 показали, что одним из наиболее важных проявлений смыслов можно считать стремление к социальной справедливости. Оно ярко проявляется в оценке социально-экономических показателей качества жизни. Оптимисты, даже не обладая заметными материальными благами, оценивают свое экономическое положение выше, чем пессимисты и анемисты, и вполне им удовлетворены, вероятно, полагая, что средний уровень дохода – своеобразное проявление социальной справедливости. Ощущение большей социально-экономической защищенности, которое формирует трудовая занятость пенсионеров-оптимистов, позволяет им идентифицировать себя как лиц с доходом «выше среднего» и быть полностью удовлетворенными таким положением дел. Пессимисты, называя свой достаток «средним», не удовлетворены им. Их представления о социальной справедливости далеки от позитива. Анемисты, также причисляя себя к группе со средним уровнем дохода, преимущественно уходят от содержательного ответа об удовлетворенности как своим материальным положением, так и своей жизнью в целом. Эта подгруппа социально индифферентна.

Здоровье как главный показатель качества жизни пенсионеров

Наиболее существенным в числе социально-экологических параметров жизни является *оценка состояния здоровья* и представление о том, от чего оно зависит. Выявление представлений пенсионеров об ответственных за состояние здоровья человека свидетельствует о том, что российским пенсионерам свойственно осознавать собственную ответственность за свою жизнь и здоровье (74%). Преимущественно это свойственно подгруппе «оптимистов». Пессимисты делегируют ответственность за здоровье социальным институтам, ссылаясь на «низкий уровень здравоохранения и невнимательность медицинских работников» (34%), а также «государству» (19%). Фатализм в этом вопросе проявляет подгруппа анемистов, дающая ответы в духе «на все воля Божья». Они составляют лишь 5% от всех российских пенсионеров.

Анализ факторов, влияющих на состояние здоровья, показал отсутствие выраженных особенностей разных подгрупп. Поэтому их стоит рассматривать в целом. Более трети пенсионеров считают главными факторами, влияющими на состояние здоровья, возраст и старение. 29% пенсионеров считают причиной ухудшения физического состояния экологическую обстановку, 25% указывают на качество продуктов питания, 16% – на недостаток качественных лекарственных средств. И хотя большая часть пенсионеров осознает собственную ответственность за свое здоровье, лишь 8% называет в качестве причины его ухудшения недостаток физической нагрузки, занятий спортом. При этом такая самокритика проявляется именно в подгруппе оптимистов.

В вопросе о лечении в случае болезни пенсионеры разделились на две большие группы: тех, кто обращается в государственные бесплатные лечебные учреждения (48%), и тех, кто лечится самостоятельно (44%). При этом прямой связи со степенью оптимизма в этой сфере не проявилось совсем. Негосударственные платные клиники посещают лишь 6% пенсионеров. С одной стороны – это отражает степень доверия государственным учреждениям, с другой – их доступность. Де-факто медицинская помощь практически везде перестала быть полностью бесплатной. Однако потенциальная возможность получить помощь без финансовых затрат за консультацию врача или даже за лечение в стационаре делает государственные лечебные и профилактические заведения наиболее востребованными среди российских пенсионеров. И это несмотря на недостаток лекарственных средств, устаревшее оборудование, низкую квалификацию специалистов большого числа больниц и поликлиник.

Если в целом в исследованиях по стране доля лиц, имеющих инвалидность, составляет порядка 5%, то среди пенсионеров этот процент существенно выше – 26%; 51% имеют хронические заболевания (доля во всем взрослом населении 26%). В республиках Северного Кавказа доля пенсионеров, имеющих инвалидность, выше, чем в среднем по стране (32%). На Дальнем Востоке таковых 21%. Одной из причин такого положения дел стала существенная разница в продолжительности жизни. В республиках Северного Кавказа ожидаемая продолжительность жизни составляет 74 года, тогда как на Дальнем Востоке всего 67 лет¹³. Вполне логично, что долгожители чаще сталкиваются с серьезными недугами.

Социальный оптимизм никак не зависит от состояния здоровья человека. Подгруппа оптимистов полна пенсионерами с хроническими заболеваниями и даже с инвалидностью, а среди анемистов и пессимистов есть люди, считающие себя вполне здоровыми. Это свидетельствует об умозрительности связи между ментальным и физическим мирами большого жизненного мира. Социальный мир в большей степени зависит от смыслов, которыми человек наделяет свою жизнь, нежели от объективной реальности.

Несмотря на возраст и проблемы со здоровьем, две трети пенсионеров признаются, что пользуются медицинской помощью крайне редко. Более 60% опрошенных обращались в 2015 г. к врачу не чаще 2–3 раз или вовсе не обращались. Такое поведение мало отличает пенсионеров от представителей других социальных групп россиян (82% взрослых россиян обращаются к врачу не чаще 2–3 раз в году). Это говорит об ограничениях в доступности квалифицированной медицинской помощи, особенно на отдаленных и сельских территориях. С другой – так проявляется исторически сложившийся принцип минимальной достаточности, в наибольшей мере проявляющийся именно в сфере здоровья. Распространенность среди россиян фатализма в вопросах своего физического состояния и здоровьесберегающего поведения обусловлена ленью и нежеланием предпринимать усилия для поддержания своей физической формы¹⁴.

Важным параметром социально-экологической характеристики качества жизни является *удовлетворенность качеством питания*. Данная характеристика связана как с материальными возможностями пенсионеров, так и с социально-экологическими особенностями местности проживания. Непритязательность и привычка к минимальной достаточности российских пенсионеров сказалась и в этом вопросе: 82% пенсионеров вполне удовлетворены своим питанием. Самый низкий уровень удовлетворенности зафиксиро-

ван в Сибири и составляет 72%, отражая трудности в обеспечении сбалансированного питания в зоне рискованного земледелия, а также на территориях, зависимых от Северного завоза.

Социально-психологические аспекты качества жизни и основные жизненные смыслы пенсионеров

Весьма специфической характеристикой качества жизни пенсионеров является их *социально-психологическое состояние*. Если осознание старения, ухудшения своего состояния здоровья и сокращение возможностей и перспектив не добавляет оптимизма, то удовлетворенность своими социальными связями способна восполнить недостатки возраста.

Более 70% пенсионеров живут с родственниками, при этом каждый пятый живет с детьми. 91% пенсионеров вполне удовлетворены общением с родными и близкими. Большой разницы как между выделенными подгруппами, так и регионами страны в этом вопросе не выявлено.

Для пенсионеров социальные связи, общение с родными и друзьями являются предельно ценными сторонами жизни, которые проявляются буквально во всем: в поддержке в сложной жизненной ситуации, в свободном времяпрепровождении, в обсуждении политических проблем и «судеб Родины». По данным ЖМ-2014, более 95% россиян обсуждают политические новости с родными, друзьями или знакомыми, 94% россиян чаще всего обращаются за помощью к родным или друзьям. Для пенсионеров такое поведение еще более типично. 98% пенсионеров в затруднительном положении обратятся именно к родственникам (84%) и друзьям (14%). И почти никто из них не готов обращаться в официальные структуры (на предприятия, в профсоюз, в органы власти).

Уверенность в завтрашнем дне и удовлетворенность собственной жизнью в целом – устойчивые показатели социального оптимизма. Состоятельность выделенных подгрупп в этом вопросе можно проиллюстрировать цифрами (рис.).

Данные распределения демонстрируют хотя и весьма субъективный, но достаточно показательный параметр оценки качества жизни. Ибо общая удовлетворенность жизнью несет в себе кумулятивный эффект множества факторов разных групп.

Сопоставление результатов изучения качества жизни пенсионеров с данными, касающимися всех россиян, демонстрирует разницу лишь в вопросах, выявляющих физические особенности этой

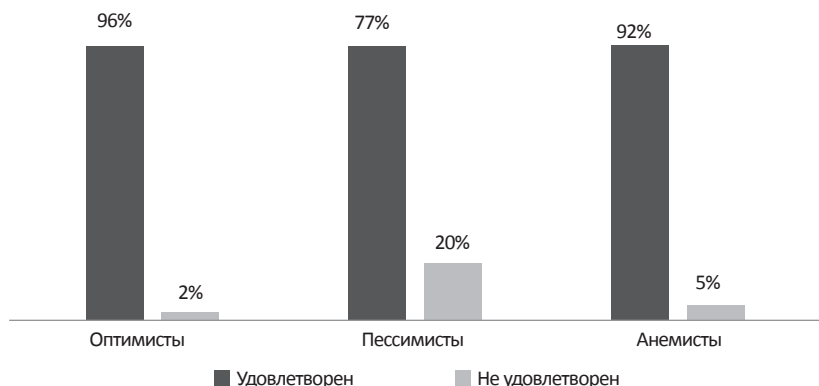

Рис. Удовлетворенность собственной жизнью

группы и предельное единство в проявлении сущностных элементов общественного сознания: социальных установок, норм, ценностей. Однако более подробное изучение многообразия проявления жизненного мира пенсионеров через смыслы действий, оценок, суждений требует новых исследований, способных подкрепить количественные характеристики качественной информацией.

Примечания

- ¹ Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress [Электронный ресурс] // Template Lab. URL: <https://ria.ru/society/20101025/289139303.html#ixzz3rAUrJgRJ> (дата обращения: 01.12.2016).
- ² Новик А.А., Ионова Т.И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине / Под ред. акад. Ю.Л. Шевченко. М.: РАЕН, 2008.
- ³ Возьмитель А.А. Качество жизни в доперестроечной и пореформенной России // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 25–32.
- ⁴ Тощенко Ж.Т. От философии жизни к социологии жизни // Философские науки. 2015. № 5. С. 104–118.
- ⁵ Межуев В.М. Ценности и смыслы в контексте культуры // Международные Лихачевские научные чтения: Глобализация и диалог культур: Избр. доклады (1995–2015). СПб., 2015. С. 131–133.
- ⁶ Тощенко Ж.Т. Смысл жизни: опыт анализа с позиций социологии жизни // Социологические исследования. 2016. №11. С. 3–14.
- ⁷ Анисимов Р.И., Белова Н.И., Буланова М.Б., Романовский Н.В., Тощенко Ж.Т., Цапко М.С. Качество жизни россиян. Отчет по результатам социологического исследования // Организация и самоорганизация интеллигенции в современном российском обществе. М., 2013. С. 421–481.

- ⁸ Численность пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации, на 1 января 2015 г. составляла 41 456 тыс. чел. [Электронный ресурс] // Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_p2.htm (дата обращения: 01.12.2016).
- ⁹ Всероссийский социологический опрос «Жизненный мир на пенсии» (ЖНП-2015) в рамках проекта «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2010-е годы)» (рук. Ж.Т. Тощенко). Проведен в сентябре 2015 г. Всего опрошено 900 человек в 18 регионах страны.
- ¹⁰ Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное. М., 2015.
- ¹¹ Всероссийский социологический опрос «Жизненный мир россиян» (ЖМ-2014) в рамках проекта «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2010-е годы)» (рук. Ж.Т. Тощенко). Проведен 25–30 октября 2014 г. Опрошено 1750 человек в 18 регионах страны.
- ¹² Анисимов Р.И. Социально-экономические реалии жизненного мира россиян в условиях либеральных реформ (опыт сравнительного анализа данных 1990 и 2012 гг.) // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 45–49.
- ¹³ Продолжительность жизни при рождении по регионам России (ожидаемая) за 2014 год (Обн. 2016). 13.06.2016. Источник: ЦСБД Росстата [Электронный ресурс] // Statdata.ru – Сайт о странах, городах, статистике населения и пр. URL: http://www.statdata.ru/spg_reg_rf (дата обращения: 01.12.2016).
- ¹⁴ Цанко М.С. Качество жизни в структуре жизненного мира // Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. ЦСП и М., 2016. С. 138.

Пенсионер в ближнем кругу общения: смыслы, взаимодействия, трансферты

После выхода на пенсию люди особенно нуждаются в поддержке и внимании со стороны родственников и близких друзей. Смыслом существования пенсионеров становится обретение внутреннего эмоционально-психологического благополучия через взаимодействия с ближним кругом общения, который в свою очередь формирует сознание сопричастности с повседневными семейными буднями.

Ключевые слова: российские пенсионеры, ближний круг общения, материальное благополучие, межпоколенные трансферты.

Переход России к рыночной экономике кардинально изменил общество, его экономическое положение, образ и стиль жизни всех социально-демографических групп, особенно пенсионеров. Актуальность изучения социального взаимодействия группы людей, достигших определенной возрастной границы, которая определяется как пенсионный возраст, обусловлена, во-первых, тем, что пенсионеры становятся одной из самых многочисленных групп в социальной структуре российского общества. Большинство стран мира превращаются в «государства стариков». В России пожилых людей год от года становится все больше, и на сегодняшний день они составляют около 30% населения. Число пенсионеров в России в течение 2014–2016 гг. выросло и будет продолжать расти, ежегодно увеличиваясь в среднем на 400 тысяч человек¹. Во-вторых, после выхода на пенсию пожилые люди теряют привычный круг ежедневного общения. Их основное внимание развернуто в сторону семьи, общения с окружением, которое близко к пожилому человеку и может составить для него коммуникационный ресурс, который теперь будет эксплуатироваться гораздо интенсивнее.

В-третьих, из-за низкой материальной обеспеченности пенсионеров взаимодействие с ближним кругом также предполагает

© Ирсетская Е.А., 2017

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 14-18-02016.

определенные трансферты между пенсионером и его ближним кругом. Важно рассмотреть, куда эти трансферты направлены, кто в них является донором и влияет ли успешность этих практик на удовлетворенность жизнью пенсионера.

В-четвертых, авторитет пожилых людей в семейном взаимодействии может быть связан с содержанием и уровнем влияния старшего поколения на молодежь, на процессы включения молодого поколения в социальную жизнь, его социализацию.

На фоне демографического старения населения и увеличения пожилых людей в возрастной структуре общества их активность по включению в процессы формирования человеческого капитала страны повышается. Изучение основных направлений и эмоциональной окраски, формирующихся в обществе связей пенсионеров с ближним социальным кругом, может стать важной характеристикой общественного благополучия.

Взаимоотношения пенсионеров с родными и близкими

С выходом на пенсию социальный мир человека сужается, круг общения ограничивается в основном ближайшими родственниками, соседями, немногими друзьями. Утрачиваются многие связи. Наиболее важной, зачастую практически единственной становится связь с семьей. По данным социологического исследования «Жизнь на пенсии»² (далее в тексте «ЖНП-2015»), сегодня большинство пенсионеров говорят о том, что они полностью, либо скорее удовлетворены отношениями с близкими и родными (91%) (табл. 1).

Таблица 1

Удовлетворенность пенсионеров общением
с ближним кругом, 1991 и 2015 гг. (в % от опрошенных)

Насколько Вы удовлетворены общением со своими близкими и родными?	Пенсионеры 2015*	Нахожусь на пенсии по возрасту, инвалидности и работаю 1991**	Нахожусь на пенсии по возрасту, инвалидности и не работаю 1991**
1	2	3	4
Полностью удовлетворен	74	52	60
Скорее удовлетворен	17	25	23

Окончание табл. 1

1	2	3	4
Скорее не удовлетворен	5	8	4
Совершенно неудовлетворен	3	4	2
Затрудняюсь ответить	1	11	11

Источник: *«Жизнь на пенсии. 2015». **Омнибус ВЦИОМ 1991-6 (Качество жизни). Сроки проведения полевых работ: 05.05.1991 – 22.05.1991. Опрошено 3 061 чел.

Взаимоотношения с семьей и родственниками носят преимущественно позитивный характер. Обращаясь к данным более раннего периода (1991 г.), можно отметить, что никаких значимых изменений не выявлено, большинство пенсионеров довольны отношениями со своими родными и близкими.

Семейные ценности доминируют в сознании пожилых людей. Наличие семьи, детей, внуков, семейное положение в целом в значительной мере влияют на уровень социальной удовлетворенности пожилых людей. Результаты ряда социологических исследований показывают, что доля счастливых среди состоящих в браке и проживающих совместно с супругом (-ой) пенсионеров выше; в то время как одинокие, разведенные и вдовцы (вдовы) гораздо реже называют себя счастливыми (почти 90% респондентов из этой категории затрудняются назвать себя счастливыми). Прослеживается положительная зависимость между восприятием счастья и регулярностью встреч с детьми и внуками. Более часто и тесно контактирующие со своими близкими пенсионеры ощущают себя более счастливыми³.

Среди людей пенсионного возраста уровень позитивного оценивания взаимоотношений с близкими с возрастом немного понижается. В возрастной группе 55–59 лет 79% респондентов удовлетворены общением с родными и близкими, в группе 70 лет и старше – 74% (ЖНП-2015).

Еще одной особенностью, определяющей удовлетворенность пенсионеров общением со своими родными, является наличие у них мужа/жены. Среди пенсионеров, живущих с партнером, уровень удовлетворенности общением с родственниками и близкими выше, чем у одиноких людей на пенсии. Только 6% пенсионеров, имеющих партнера, скорее или совершенно не удовлетворены, а среди одиноких людей пенсионного возраста таких 10%. В то же

время полностью или скорее удовлетворены общением со своими близкими 94% пенсионеров, проживающих с партнером, и только 88% одиноких (ЖНП-2015).

Проблема одиночества не является масштабной: 25% опрошенных пенсионеров живут одни, 42% – вдвоем, 30% – втроем и более. Доля одиноких пенсионеров немного выше в городе по сравнению с селом: 26% против 22%⁴. Все же основное место проживания пожилого человека – это семья, в которой реализуются различные потребности: материальные, эмоциональные и др.

Рассмотрим материальное положение пожилых людей и его влияние на удовлетворенность жизнью и отношениями в семьях. Бедность оказывает существенное влияние на эмоциональное восприятие людьми жизненного мира. Российские пенсионеры находятся в группе риска: «около 50% пенсионеров получают минимальную пенсию и находятся за чертой бедности. Всего лишь 2–4% неработающих пенсионеров по старости получают максимальную пенсию, превышающую минимальный потребительский бюджет, рассчитанный на полное удовлетворение разумных потребностей человека, и бюджет прожиточного минимума, обеспечивающий элементарные условия жизни»⁵.

Материальная обеспеченность может формировать более позитивное восприятие своего окружения, однако существенных различий либо наличия линейной связи между величиной дохода и удовлетворенностью отношениями с родственниками у пожилых людей не наблюдается.

Межпоколенная коммуникация сегодня сохраняет свою важность. Степень сходства нормативно ценностных систем разных поколенных групп становится гарантом стабильности и благоприятствует позитивному общению между молодым и старшим поколением семьи. Зачастую негативную окраску межпоколенному общению придают расхожие клише, которые становятся стереотипами в процессе размышления на тему старости. Сегодня в российском общественном мнении нередко отмечается негативное отношение к пожилым людям. Отношение к пожилым людям стало частью проблемы обострения взаимоотношений между людьми вообще. По мнению исследователей⁶, улучшения в межпоколенческих отношениях невозможны, если не преодолен комплекс анонимических последствий транзитивного периода. При этом «хорошее отношение» к пожилым людям оказывается нереализованным, потому что декларируемое «уважительное отношение» не переходит в действия. Пожилые люди не всегда воспринимаются молодежью как потенциальные объекты уважения, таким образом не включаются соответствующие модели уважительного поведения.

Результаты нашего исследования показали, что подавляющее большинство пожилых людей независимо от их социально-демографических характеристик удовлетворены отношениями со своими родными и близкими.

Социальный климат в семье пенсионеров

Культура семейного общения определяет социальный климат не только в семье, но и в обществе. Культура общения, которую представители семей транслируют в окружающую их социальную среду, детерминирует развитие гуманистического потенциала человека, психологически комфортное общественное взаимодействие, развитие духовности. Поэтому создание благоприятного социального климата в семьях пожилых людей может стать рецептом решения многих социальных проблем.

В семье человек ищет одобрение и психологическую поддержку. В такой поддержке нуждаются люди после выхода на пенсию, когда они лишаются привычного круга общения на работе и часто испытывают разочарования, физические и духовные страдания. Пожилому человеку более других важно быть уверенным в том, что у близких людей в трудную минуту он найдет поддержку и опору, одобрение его взглядов, суждений, поступков, ведь теперь семья – это повседневный, часто единственный круг его общения. По данным исследования «Жизнь на пенсии, 2015», в трудных ситуациях пенсионеры обращаются за помощью в первую очередь к членам семьи, родным (73%), некоторые к друзьям (12%), к священнику (2%).

Ограниченная сфера общения может привести к излишней замкнутости на семью, сужению круга интересов, что может вызвать повышение конфликтности в семье. Сами того не осознавая, пожилые люди могут постепенно менять отношение к другим членам семьи в негативном направлении. Частота возникновения конфликтов является отражением эмоционального состояния семьи. Результаты исследований свидетельствуют, что чаще всего в семьях возникают конфликты между родителями и детьми (38,6%), реже между детьми и родителями старшего поколения (33,3%), значительно реже между внуками и бабушками (15,3%). Конфликты, по оценке пожилых людей, носят характер эпизодический, кратковременный и чаще протекают в форме упреков и замечаний (43,7%)⁷. Причиной конфликтов является разница характеров, становящаяся препятствием на пути взаимопонимания, развивающаяся у молодых членов семьи чувство неповторимости и индивидуальности. Средства массовой коммуникации

воспитывают у молодежи стремление к проявлению индивидуальности, но вместе с тем растет эгоизм, стремление противопоставить свою исключительность другим членам семьи, стремление игнорировать особенности других. Несмотря на это, 76% пенсионеров демонстрируют положительное или скорее положительное отношение к современной молодежи (ЖНП-2015).

Существует стереотип, согласно которому старики нуждаются в обществе своих детей и внуков гораздо больше, чем дети и внуки – в обществе своих пожилых родственников. Есть и противоположное мнение, что молодым членам семьи придется туго без помощи и участия пожилых людей. Плотность взаимодействия пожилых и молодых членов семьи, их потребность друг в друге можно измерить через желание совместного либо раздельного проживания. Выбирая между положительными или отрицательными сторонами в ситуации, когда пожилые люди живут вместе со своими детьми и внуками, россияне разделились во мнениях почти поровну. Среди пожилых людей 40% видят больше плохого для них в совместной жизни с детьми и внуками, а 36% – больше хорошего. Мнение молодых членов семьи находится в согласии с мнением пенсионеров. Старики и молодые демонстрируют схожие представления относительно благоприятности и неблагоприятности совместного проживания⁸. Каждая из сторон в ситуации совместного проживания считает, что основные выгоды получает другой и что он лично отдает больше, чем получает. Это формирует почву для конфликтов. Как молодые, так и пожилые члены семьи отрицают то, что испытывают сложности при построении межпоколенческого взаимодействия внутри семьи. Проблема скорее в нежелании сложностей, неизбежно возникающих, когда в одной небольшой квартире и в одной семье сходятся люди разных привычек, установок и стилей жизни. Респонденты, у которых есть внуки, утверждают (75%), что им легко находить общий язык с молодежью в семье, и менее одной пятой говорят, что это делать сложно⁹. Подтверждением этому служит то, что основное занятие пенсионеров в свободное время (после чтения и просмотра телевизора) – прогулки и общение, занятие с внуками (так отвечают 18% по данным ЖНП-2015).

Внутрисемейная культура отношений, которая складывается в семьях пенсионеров, характеризуется благоприятным социальным климатом, отсутствием взаимной отчужденности поколений. В то же время нельзя говорить о взаимодействии столь же плотном, как в расширенной семье.

Межпоколенные семейные трансферты

Семейные взаимодействия часто выражаются в межпоколенной поддержке на уровне семьи. В России достаточно широко распространена традиция внутрисемейных и межсемейных трансфертов, построенных на принципе реципрокности¹⁰. Это подразумевает нерыночные обмены как внутри семей, проживающих совместно, так и между домохозяйствами. В реципрокных отношениях основной целью является не максимизация полезности в ситуации обмена, а выживание сообщества. В результате обмена доноры не ожидают получения обратной помощи. Помощь в случае необходимости может быть получена через неопределенный период времени или не получена вообще: например, родители, помогая детям, делают это не потому, что сами хотят получить от них поддержку в старости или в трудной ситуации, хотя надеются на это.

Для российской традиции характерно преобладание нисходящих потоков материальных трансфертов, от старших к младшим. Причем респонденты получают помощь в основном от родителей, а передают, главным образом, детям. Наиболее часто реципиентами трансфертных обменов становятся одинокие женщины пенсионного возраста, за ними следуют домохозяйства, состоящие только из пенсионеров, и одинокие мужчины пенсионного возраста. Особенно значимой такая помощь оказывается для неработающих пенсионеров. Донорами чаще всего становятся дети, живущие отдельно, или другие родственники¹¹.

Рассматривая материальные межпоколенные трансферты, надо заметить, что в 2008 г. 25,7% пенсионеров отмечали в числе значимых источников в структуре их дохода помощь детей, родственников, знакомых. В 2015 г. только 12% пенсионеров в качестве источников, из которых складываются их доходы, называют помощь детей и 2% – помощь родственников и друзей (ЖНП-2015). Несмотря на кризисную экономическую ситуацию и недостаточный размер пенсий, они являются для пенсионера реальным источником дохода, на который возможно существование без привлечения дополнительной помощи. В качестве основного источника дохода пенсию называют 62% пенсионеров (ЖНП-2015).

Взаимодействие пожилых людей со своими взрослыми детьми далеко не всегда связано с получением материальной помощи: 73% пенсионеров говорят об оказании различного рода помощи своим детям. Нематериальным трансфертом является помощь пенсионеров в присмотре за внуками и их воспитании. Уход за внуками – это наиболее популярный вид взаимодействия внутри семьи (49%) после помощи деньгами (47%)¹².

Межпоколенные внутрисемейные трансферты выступают в качестве дополнительного материального ресурса как в нисходящем, так и в восходящем направлении и одновременно являются средством достижения семейной солидарности, укрепления семейного благополучия.

Успешное взаимодействие с ближним окружением дает пожилому человеку позитивную эмоциональную подпитку и повышает удовлетворенность жизнью. Родственники и члены семьи являются для пенсионеров очень важной социальной группой. По данным исследования «ЖНП-2015», 33% респондентов пенсионного возраста отмечают, что часто испытывают чувство надежной поддержки близких; 86% пенсионеров в затруднительном положении обратятся за помощью именно к членам семьи, родным. Таким образом, пенсионеры нуждаются в поддержке и во внимании со стороны родственников и близких друзей.

Пожилой человек нуждается в семье в связи с потребностью в общении, взаимопомощи. Пенсионерам, живущим в семьях, намного легче с точки зрения не только материального достатка, но и возможности выполнять социальную функцию – передавать опыт молодому поколению, помогать в воспитании детей.

Смыслом существования человека на пенсии становится обретение внутреннего эмоционально-психологического благополучия через взаимодействия с ближним кругом общения, дающим ему заботу, уважение, сознание сопричастности к повседневным семейным будням.

Примечания

- ¹ Пенсионеров в России в ближайшие три года будет все больше [Электронный ресурс] // РИА-НОВОСТИ. 05.07.2013. URL: <http://ria.ru/society/20130705/947941313.html#ixzz3steB3YAB> (дата обращения: 01.12.2016).
- ² Всероссийский опрос «Жизнь на пенсии» в рамках проекта «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2010-е годы)». Сентябрь 2015 г. Опрошено 900 человек в 18 регионах страны с учетом репрезентации людей пенсионного возраста по полу, возрасту, образованию, семейному положению, месту жительства.
- ³ Не в деньгах счастье [Электронный ресурс] // Центр изучения пенсионной реформы: информационно-аналитический портал. 30.09.2015. URL: <http://rospens.ru/research/analytics/ne-v-dengakh-schaste.htm> (дата обращения: 01.12.2016)
- ⁴ Потехина И.П., Чижов Д.В. Потенциал старшего поколения как составляющая национального человеческого капитала (по материалам исследования в регионах ЦФО) // Мониторинг общественного мнения. 2016. № 2. С. 3–23.

- ⁵ Социально-экономические проблемы пенсионеров в Российской Федерации в переходный период // Социальная работа: информационно-аналитический портал. 06.06.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://soc-work.ru/article/707> (дата обращения: 01.12.2016).
- ⁶ Смолькин А.А. Парадоксы отношения к пожилым людям в современной России // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 106–121.
- ⁷ Добрунова А.И. Межпоколенные трансферты как инструмент стабильности семьи в условиях трансформации российского общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2010. № 4 (20). С. 40–46.
- ⁸ Вовк Е. Старики в семье: особенности межпоколенческого взаимодействия // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 171–184.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Барсукова С.Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. Препринт WP4/2004/02. Серия WP4. Социология рынков. М., 2004.
- ¹¹ Гладникова Е.В. Ключевые стратегии участия и типология российских домохозяйств в межсемейных обменах: Препринт WP4/2009/05. М., 2009.
- ¹² Анализ социологического опроса «Социальное самочувствие граждан пожилого возраста», 2012 [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Министерства социального развития Правительства Саратовской области. URL: http://www.social.saratov.gov.ru/upload/iblock/a44/balakovо_uszn_socopros_11102012.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

Гендерные особенности жизни на пенсии

Статья посвящена выявлению гендерных особенностей пенсионной жизни. Рассматриваются основные теоретические подходы к изучению гендера и старости. В ходе анализа автор раскрывает гендерные сходства и различия, которые характеризуют жизнь на пенсии.

Ключевые слова: гендер, гендерные исследования, гендерное неравенство, пенсия, возрастное выравнивание, социальные роли.

Гендерные различия, различия между мужчинами и женщинами, формируются под влиянием общества и зависят от таких условий, как разделение труда, распределение социальных функций, нормы поведения, стереотипы и т. д. На сегодняшний день в зарубежной и отечественной науке сложилось несколько теоретических подходов к изучению гендера и старости. Наиболее популярной является *теория жизненного цикла*, которая подчеркивает связь между гендерными различиями и жизненными стадиями¹. Согласно данной теории, женщина в старости оказывается в невыигрышном положении по сравнению с мужчиной, так как с выходом на пенсию ее обязанности по уходу за другими членами семьи, домашняя работа никуда не исчезают. Другая концепция, так называемая гипотеза «двойного риска», согласно которой две позиции – «быть женщиной» и «быть старой» – суммируются, и возникает негативный эффект, ставящий пожилых женщин в невыгодное положение². Наконец, третья концепция утверждает «возрастное выравнивание»³. Данный подход сводится к тому, что в старости гендерное неравенство стирается под воздействием возрастных процессов, которым подвержены все независимо от пола.

Количество пенсионеров в России на начало 2015 г. составляло 10 млн мужчин и 25 млн женщин⁴. Такой большой количественный разрыв объясняется тем, что возраст выхода на пенсию у мужчин

и женщин различается: у мужчин – 60 лет, у женщин – 55. Кроме того, средняя продолжительность жизни женщин – 76,5 лет, что на 10 лет дольше, чем у мужчин.

В рамках исследования «Жизнь на пенсии – 2015» было опрошено 900 человек. Из них 603 женщины (67%) и 297 мужчин (33%). Средний возраст женщин попадает в интервал 65–69 лет. Среди мужчин преобладает возраст от 70 и старше. Чуть меньше половины пенсионеров находятся в браке (46% женщин, 49% мужчин). Среди пенсионеров практически равный процент вдовцов/вдов (37–38%). Среди женщин-пенсионеров выше процент тех, кто проживает с детьми: 20,9% по сравнению с 14,7% мужчин. Основное место проживания пенсионеров – крупный город (71% мужчин и 58% женщин). Стоит отметить, что процент женщин, проживающих в селе (деревне, хуторе), намного превышает процент мужчин (22% и 12% соответственно).

Гендерная специфика материального положения пенсионеров

Согласно данным исследования «Жизнь на пенсии – 2015», средний доход мужчин-пенсионеров, который преимущественно складывается из пенсионных средств, выше, чем у женщин: 13 074 рублей – доход мужчин, 10 689 – доход женщин.

Величина пенсионных накоплений во многом зависит от трудового стажа. Стаж работы мужчин выше, чем женщин. Большинство мужчин (55%) имеют стаж работы свыше 40 лет, в то время как большинство женщин (46%) обладают трудовым стажем от 31 до 40 лет. Кроме объективных причин, связанных с возрастом выхода на пенсию, такое различие также возникает вследствие продиктованных гендерным неравенством распределения социальных ролей: некоторые женщины после замужества, а также после рождения ребенка не возобновляют трудовую деятельность или делают перерывы в работе. Уменьшение трудового стажа ведет к уменьшению пенсионных накоплений.

Помимо трудового стажа размер пенсии также зависит от величины заработной платы. Данные федеральной статистики подтверждают существующее на сегодняшний день гендерное неравенство в оплате труда, которое также отражается и на размере пенсионных накоплений. Средняя заработная плата мужчины – специалиста высшего уровня квалификации, в возрастной категории 60–64 года на 2013 г. составляла 33 789 рублей.

Женщина – специалист высшего уровня квалификации в той же возрастной категории получала заработную плату в размере 29 425 рублей⁵.

Полученные данные говорят о том, что основным проявлением гендерного неравенства остается материальное положение мужчин и женщин. Размер пенсионных накоплений лишь подтверждает данный факт.

Женщины менее оптимистичны в оценке своих доходов: 52% мужчин и 47% женщин оценивают свой доход как средний. Выше процент женщин-пенсионеров, которые определяют свой доход как «низкий» (29%) и «ниже среднего» (21%).

Работа на пенсии

Среди пенсионеров – большинство неработающих (80%). Среди неработающих пенсионеров – мужчин – 85%, женщин – 76%. Данные свидетельствуют о том, что по сравнению с мужчинами процент работающих на постоянной основе женщин-пенсионеров выше и составляет 20%, что в два раза превышает процент работающих мужчин (10%).

Пенсионеры видят смысл в продолжении трудовой деятельности преимущественно из-за недостаточного материального обеспечения. Данный факт отметили 50% опрошенных. На втором месте «интерес к работе, желание работать» – 17%. На третьем месте «стремление помогать материально детям, внукам» – 15%. На четвертом месте ответ: «привычка работать» – 10%. И наконец, последний по популярности ответ: «желание избежать одиночества, быть на людях, в коллективе» – 7% (табл. 1).

При сравнении мужчин и женщин возникают следующие различия. Вторым по важности мотивом продолжать трудовую деятельность для женщин является «стремление помогать материально детям, внукам», в свою очередь у мужчин-пенсионеров этот фактор стоит на предпоследнем месте. Полученные данные подтверждают первый подход к изучению гендера и старости – теорию жизненных циклов: женщины, даже находясь на пенсии, вынуждены продолжать трудовую деятельность в целях заботы о семье и детях. На втором месте у мужчин находится «интерес к работе», у женщин заинтересованность в трудовой деятельности находится на третьем месте. «Привычка работать» для мужчин также имеет большее значение, чем для женщин. Сходство в ответах возникает только при оценке последнего фактора («желание избежать одиночества, быть на людях, в коллективе»).

Таблица 1

Мотивы продолжения трудовой деятельности
(в % от числа ответивших)

Женщины		Мужчины	
Недостаточный размер пенсии	52	Недостаточный размер пенсии	47
Стремление помогать материально детям, внукам	17	Интерес к работе	21
Интерес к работе	16	Привычка работать	18
Привычка работать	8	Стремление помогать материально детям, внукам	7
Желание избежать одиночества, быть на людях, в коллективе	7	Желание избежать одиночества, быть на людях, в коллективе	7

Источник: Данные исследования «Жизненный мир – 2014»

Абсолютное большинство пенсионеров, как мужчин (64%), так и женщин (56%), в случае предложения работы ответят отказом. Это говорит о том, что среди пенсионеров нет стремления к продолжению трудовой деятельности.

У женщин-пенсионеров второй по значимости источник доходов – помощь детей, у мужчин-пенсионеров – заработная плата. Это объясняется тем, что среди женщин процент проживающих с детьми выше, чем у мужчин (20,9% и 14,7%). Заработная плата у женщин стоит на третьем месте, в свою очередь у мужчин на третьем по важности месте находится помощь детей. На четвертом месте у обеих групп находятся «дополнительные продукты питания» (дача, огород, подсобное хозяйство). Далее следует «подработка, совместительство», «помощь родственникам, друзей» и «проценты от банковских вкладов, акций». Исходя из полученных данных, можно говорить о том, что женщины-пенсионеры в большей степени рассчитывают на помощь детей, чем мужчины, но в то же время более активны, ищут другие источники дохода.

Здоровье пенсионеров-мужчин и пенсионеров-женщин

Пенсионеры – часть населения, которая вынуждена в большей степени заботиться о своем здоровье по сравнению с другими возрастными группами. Те респонденты, которые отметили улучшение качества жизни после выхода на пенсию, связывают этот факт именно с возможностью уделять больше внимания своему здоровью. Данные исследования позволяют говорить о том, что большинство пенсионеров уверены в том, что ответственность за здоровье лежит на самом человеке. На втором месте по популярности, как у мужчин, так и у женщин, ответ «низкий уровень здравоохранения и невнимательность медицинских работников»; это объясняется тем, что пенсионеры чаще обращаются за помощью в медицинские учреждения и могут оценить качество предлагаемых услуг. Мужчины в большей степени склонны перекладывать ответственность за здоровье человека на «государство». Женщины по сравнению с мужчинами чаще отмечают, что на здоровье сказывается плохая экологическая обстановка и нехватка финансовых средств.

При оценке факторов, влияющих на здоровье, мужчины чаще (27%), чем женщины (22%), выбирают фактор старения и возраста (табл. 2). Женщины-пенсионеры в равной степени оценивают такие факторы, как экологическая обстановка и возраст. Интересен тот факт, что мужчины не уделяют должного внимания влиянию экологической обстановки на здоровье человека. Также пенсионеры отмечают значение продуктов питания.

Основным способом заботы о своем здоровье для пенсионеров является отказ от вредных привычек, правильное питание и занятия физкультурой.

Данные исследования говорят о том, что процент женщин, имеющих хронические заболевания (57%), намного выше процента мужчин (37%). Кроме того, процент мужчин, имеющих группу инвалидности, практически в два раза выше, чем женщин (38% и 20% соответственно). Мужчины практически не заботятся о состоянии своего здоровья, крайне неохотно обращаются за медицинской помощью, как правило только в случае резкого ухудшения здоровья, поэтому уровень инвалидности и смертности среди них выше.

Мужчины в большей степени удовлетворены своим питанием по сравнению с женщинами (56% и 49% соответственно). Можно предположить, что мужчины не привыкли заботиться о качестве питания, так как в течение жизни за процесс приготовления пищи ответственны женщины.

Таблица 2

Факторы, влияющие на здоровье
(в % от числа ответивших)

Что, по Вашему мнению, прежде всего влияет на состояние Вашего здоровья?	Женщины	Мужчины
Качество продуктов питания	17	18
Экологическая обстановка	22	15
Возраст, старение	22	27
Вредные привычки	5	7
Доступность квалифицированной медицинской помощи/профилактики заболеваний	9	10
Климатические условия в месте проживания	4	3
Недоступность качественных лекарств	11	11
Недостаток физической нагрузки, спортивных занятий	6	4
Затрудняюсь ответить	4	5

Источник: Данные исследования «Жизнь на пенсии – 2015»

Гендерный анализ жизни пенсионеров позволил выделить несколько особенностей жизни на пенсии мужчин и женщин. Основные гендерные различия возникают в оценке материального обеспечения, доходах и мотивах продолжения трудовой деятельности. Неравная оплата труда, разные сроки окончания трудового стажа ведут к неравным размерам пенсионных накоплений. В таких условиях более социально-ориентированным женщинам приходится вести более активный образ жизни, работать и искать дополнительные источники дохода, чтобы, будучи на пенсии, не утратить свой статус «заботливой жены, любящей мамы и бабушки».

Безусловно, пенсионеры – это та категория населения, которая в большей степени озабочена своим здоровьем и уделяет ему много внимания. Ухудшение здоровья пожилые люди определяют как один из факторов ухудшения жизни на пенсии. Кроме того, ухудшение материального положения также сказывается на доступе пенсионеров к некоторым видам медицинских услуг, ведет к недоступности платных клиник и процедур.

-
- ¹ *Hatch L.R.* «Beyond Gender Differences: Adaptation to Aging in Life Course Perspective». Amityville, N. Y., 2000.
 - ² *Chappell N., Havens B.* «Old and female: Testing the double jeopardy hypothesis» // *The Sociological Quarterly*. 1980. Vol. 21. P. 157–171.
 - ³ *Markides K., Black S.* «Race, ethnicity and aging: The impact of inequality» // *Handbook of Aging and the Social Sciences* / Ed. by R. Binstock, L. George. N. Y., 1995.
 - ⁴ Старшее поколение [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/ (дата обращения: 22.04.2016).
 - ⁵ Там же.

И.В. Воробьева

Политическое участие жителей российского села

С учетом данных всероссийских исследований ЖМ-2014 и СЖ-2015, в статье проводится анализ политического участия жителей российского села на основании таких показателей, как интерес к политике, политическая компетентность и политическая включенность непосредственно в виды политических практик. Делается попытка выявления качества и смысла общественно-политических практик жителей села в сравнении с группами, проживающими в других типах поселения, общих и особенных черт политического сознания и поведения сельчан.

Ключевые слова: политическое участие, сельские жители, жизненный мир, политические практики.

В современной научной и справочной литературе политическое участие населения анализируется с точки зрения разных подходов. Например, политическое участие можно рассмотреть как непосредственное влияние граждан на функционирование политической системы, формирование политических институтов и процесс выработки политических решений. Данная трактовка предполагает, что политическое участие включает в себя действия по делегированию полномочий (участие в выборах); активистская деятельность, направленная на поддержку кандидатов и партий в избирательных кампаниях; участие в деятельности партий и групп интересов¹.

Существует и более узкий подход к понятию «политическое участие», в рамках которого включенность граждан рассматривается через их участие в политических процессах, ведущих к выбору политических лидеров и определяющих государственную политику или влияющих на нее². Основным критерием участия в этом случае остается голосование на выборах, значение которого постоянно оказывается значительно выше по сравнению с другими показателями политического участия.

© Воробьева И.В., 2017

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) (проект №14-18-02016).

Часто в качестве критериев политического участия и неучастия индивидов используются уровни их политического интереса и апатии, включая членство в той или иной партии, выраженный интерес к политике. В данной работе политическое участие жителей села будет рассматриваться с учетом перечисленных выше показателей, а именно: интереса к политике, политической компетентности и политической включенности в непосредственные виды практик.

По данным всероссийского исследования ЖМ-2014, самый низкий интерес к происходящим политическим событиям демонстрируют жители сельской местности и поселков городского типа. Об абсолютном отсутствии интереса к политике заявляют 44% жителей сел и деревень и 50,5% населения поселков городского типа. Среди горожан в такой позиции придерживаются менее трети (28,9%). Анализ эмпирических данных показывает, что в настоящий момент политика не входит в структуру важнейших приоритетов жизненного мира сельского населения, значительно уступая таким ценностям, как «семья», «здоровье», «работа», «друзья», «религия», «культурный досуг» и «общественное признание»³.

Сравнение данных 2015 г. с результатами опроса 1996 г. позволяет говорить, что даже разговоры жителей села о политике стали более редким явлением. Например, в 1996 г. о своем участии в разговорах о политике заявили 52,4 % населения, еще 20,4% сказали, что такие разговоры ведутся, но они в них участия не принимают, а в 2015 г. разговоры о политике как источник получения новостей отметили менее трети респондентов⁴. В сознании жителей села присутствует мнение о том, что основные политические события происходят в столице и крупных городах, а сельских жителей это затрагивает в меньшей степени. Отчасти так и есть, и политические процессы, происходящие в сельской местности, являются производными от происходящих на городских и региональных уровнях.

Политические взгляды значительной части сельского населения неопределенны, около половины населения (47,9%) говорят, что не придерживаются каких-либо политических воззрений, или затрудняются с ответом на вопрос. Среди тех, кто в состоянии идентифицировать свою политическую позицию, ответы разделились по традиционному вектору: на «правые» и «левые», причем сторонников последних в сельской местности больше.

Поддержка коммунистических и социалистических идей остается достаточно типичной для жителей сельской местности на протяжении многих лет и свидетельствует о привлекательности данной идеологии для сельского населения. Кроме того, сейчас можно наблюдать существенное нарастание «левых тенденций», что всегда происходит во время ухудшения экономической ситуации.

Во многом это объясняется тем, что представления людей о социалистическом строе основаны на существовавшей заботе государства о человеке, тем более что в российском обществе всегда были достаточно сильны патерналистские идеи, при которых государство должно выступать основным субъектом, регулирующим социальную и экономическую жизнь граждан.

Политическое участие сельских жителей носит преимущественно пассивные формы (чтение газет, просмотр политических новостей по телевизору и т. п.). Немногие доступные на селе формы политического участия, например в выборах, носят инерционный, ритуальный характер, а иногда реализуются под угрозой санкций. Несмотря на то что голосование на выборах является самой распространенной формой политического участия, практически половина сельских жителей говорит о своем неучастии в этой процедуре⁵.

Ситуация в сельской местности вполне сопоставима с ситуацией в целом по стране. Половина населения не считает участие в выборах своим гражданским долгом и отчуждается от процесса избрания власти. Это может быть связано как с неверием в честность выборных технологий, так и с отсутствием политических фигур, привлекательных для населения⁶. Недовольство политическим режимом проявляется не в различных формах протеста, а в отчуждении и игнорировании политики государства и его действий.

Однако даже среди принимающих участие в выборах данный тип электорального поведения не всегда является показателем политической активности и зрелости, а скорее реализуется как инерционный навык. Для значительной части сельского населения сам процесс участия в выборах и непосредственно голосование становятся определенным ритуалом. Процесс выбора власти не становится актом гражданского самосознания, а носит имитационный, подражательный, инерционный характер, а в ряде случаев обусловлен страхом наказания.

Относительно низкий интерес жителей села к избирательной кампании во многом объясняется сложившейся и постепенно укрепившейся аморфной формой электорального поведения. В основе выражения сельчанами политической воли лежит, как правило, либо принцип «выбирать из двух зол», либо специфическая форма «протестного голосования», имеющая довольно стихийный и чаще всего непредсказуемый характер и выражающаяся в том, что многие голосуют не в пользу какого-либо кандидата, а наоборот, «против». Чаще всего выборы конкретного кандидата носят персонализированный характер, а политические предпочтения жителей села

в выборе кандидата тесно связаны с его возможностями экономической поддержки граждан и развития территории⁷. Кроме того, некоторые эксперты объясняют это тем, что в современной России политическое сознание индивида формируется посредством противопоставления себя власти как институту, тотально определяющему жизнь общества⁸.

Как показали результаты исследования, политическое участие зависит от политической самоидентификации личности. Другими словами, буквально «социальные практики институционализируются, лишь обретя коллективный смысл, т. е. акторы воспроизводят эти практики, только если они воспринимают цели этих практик»⁹. Самый большой процент респондентов, не участвующих ни в каких видах политической деятельности, среди тех, кто не придерживается никаких политических взглядов (72,4% против 44,6% по среднему значению).

Те, кто выбрал в качестве политических взглядов «левые» и «правые» воззрения, показывают примерно одинаковые результаты: 29,8% и 30,8% соответственно не участвующих ни в каких формах политической жизни. Обращает на себя внимание тот факт, что самыми активными оказались сторонники религиозных взглядов: из них об участии в выборах сообщили 77,4%, а о полной политической пассивности только 22,6%¹⁰. Можно предположить, что сторонники религиозных взглядов имеют наиболее устоявшиеся представления о долге и необходимости участия в процессе выбора власти, как минимум, в части обязанностей законопослушного и богобоязненного гражданина.

Сельские жители, оценивающие ситуацию в России как катастрофическую, показывают наименьшую активность участия в политической жизни страны. Здесь о своем участии в выборах говорят 49% сельчан, а о полном игнорировании каких-либо политических действий – 50%. Это лишний раз подчеркивает, что в политическом сознании и поведении сельского жителя недовольство политическим режимом проявляется не в политической активности и протесте, а в отчуждении и игнорировании политических действий, процессов и мероприятий (табл. 1).

По мнению экспертов, репертуар гражданских действий определяется, с одной стороны, политико-институциональным и социокультурным контекстом, структурой политических возможностей и культурой гражданского участия, а с другой – зависит от поставленных целей и доступных для тех или иных акторов (индивидов, социальных групп) ресурсов, возможностей мобилизации¹². При этом низкая политическая и гражданская компетентность населения, отсутствие опыта отстаивания своих прав и интересов, страх

наказания за несогласие с действиями властей порождают среди жителей села пассивность и полный отказ от каких-либо политических или гражданских действий. Властные государственные институты воспринимаются не как проводники и представители интересов крестьян, а как аппарат управления, предоставляющий населению некоторую социально-экономическую поддержку и блага. В представлениях сельского населения сегодняшняя власть является инструментом реализации интересов определенных групп, получивших доступ к властным ресурсам. В свою очередь, согласно данным исследования ЖМ-2014, с тем, что государство представляет интересы всех граждан России, согласны менее 20% жителей села.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос
«В каких формах общественной жизни Вы участвовали
в последние 3 года?» (возможно несколько вариантов ответа)
(в % по строке от числа ответивших¹¹)

Как Вы оцениваете политическую ситуацию в России в настоящее время?	В каких формах общественной жизни Вы участвовали в последние 3 года?						
	Выборы	Петиции, обращения	Демонстрации, митинги	Забастовки	Пикеты	Другое	Не участвовал
Благоприятная	58,4	1,3	3,9	,0	,0	1,3	40,3
Обычная	57,4	3,5	3,8	,0	,3	,6	41,0
Кризисная	53,0	2,6	1,8	,5	,3	,0	46,2
Катастрофическая	49,0	2,0	2,0	,0	,0	,0	50,0
Затрудняюсь ответить	53,0	3,8	,0	,0	,0	,0	47,0

Еще одним фактором, влияющим на политическое и гражданское поведение сельских жителей, является сформированное в массовом сознании ощущение своей неспособности или невозможности влиять на решения власти. В целом, такая

ситуация характерна не только для сельчан, но и для всего населения в целом: почти 94 % граждан страны говорят о том, что не могут влиять на принятие важных решений в государстве. Однако о возможности влиять на решения, принимаемые в органах местной власти или в организации, где работают, высказывается уже около половины участников, проживающих в мегаполисе. В этом вопросе ситуация в сельской местности значительно хуже: о возможности собственного влияния на принятие решений по месту жительства (ЖКХ, благоустройство и т. д.) говорит меньше трети населения (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос
«Принятие решений по месту жительства
(ЖКХ, благоустройство и т. д.)»
(в % по строке от числа ответивших¹³)

Принятие решений по месту жительства (ЖКХ, благоустройство и т. д.)	Могут влиять в полной мере	Могут влиять в небольшой мере	Не могут влиять	Затруднились ответить
Мегаполисы	6,4	37,4	55,1	1,1
Областные, краевые, республиканские центры	7,2	35,4	57,4	–
Районные центры	5,4	28,6	65,3	0,7
ПГТ	2,0	24,2	73,7	–
Сельское поселение (село, деревня, хутор)	6,7	17,9	74,8	0,7

Данная тенденция подтверждается и другими исследователями, которые указывают на низкую вовлеченность жителей села в социальное участие, в процесс принятия решений по вопросам развития социально-территориального сообщества. Значительная часть жителей не ощущают себя полноправными участниками самоуправления (56,2%). На вопрос «Как бы Вы оценили свое личное участие в деятельности местного самоуправления?» 18,6% ответили «активно участвую», 41,4% – «иногда участвую», 22,2% – «практически не участвую», 13,3% – «не вижу в этом необходимости». Большинство граждан (58,9%) полагают, что местная власть носит государственный характер, и лишь десятая часть считает,

что это форма самоорганизации граждан¹⁴. Таким образом, эксперты фиксируют нарастание тенденции снижения возможности самоорганизации людей. Например, П.П. Великий говорит о произошедших разрушениях проявления коллективной солидарности и сплоченности – главных составляющих устойчивости и аграрной типичности образа жизни подавляющей части сельских сообществ¹⁵.

Несмотря на то что значительная часть сельчан считает, что государство не является носителем и проводником его интересов, сельское население показывает наибольший уровень лояльности. Среди жителей села самое большое число тех, кто не стремится к переменам в стране и считает, что при всех недостатках нынешнюю власть стоит поддерживать (64,4% против 47% выбравших такой же ответ в мегаполисах). Поддержка существующей власти во многом объясняется тем, что социальное взаимодействие государства с селом строится на государственной помощи и социально-экономических дотациях (пусть и недостаточных для создания качественного уровня жизни). Такое зависимое взаимодействие самым прямым образом сказывается на социально-политической активности как самих сельчан, так и местных органов власти. Сельская администрация, не имея крепкой финансовой базы для местного самоуправления, вынуждена отказываться от принятия важных решений и полномочий в пользу муниципальных районов, которые фактически выполняют государственные функции.

* * *

Анализ эмпирических данных показывает, что политическое сознание жителей российского села характеризуется низкой политической компетентностью, неопределенностью политических взглядов и воззрений, дистанцированностью и равнодушием, отсутствием интереса к политической жизни страны.

В настоящий момент политика не входит в число жизненных приоритетов сельчан, а интерес к политике у данной группы ниже, чем у проживающих в мегаполисах и других типах поселений. При ухудшении экономического и социального развития сельских территорий данная тенденция будет сохраняться. Сельские жители, особенно его самая бедная часть (а таких в селе большинство), концентрируются не на политических проблемах, а на проблемах близкой дистанции: семье, собственном хозяйстве и иных заботах. Просмотр политических теленовостей остается ведущим информационным источником, однако происходящие политические события воспринимаются отстраненно, как что-то напрямую не касающееся их жизни.

Ввиду недостаточного доступа к разнообразным источникам информации и преимущественного использования контента основных федеральных каналов сознание сельских жителей продолжает оставаться наиболее удобной нишей для масштабных внушений и манипуляций.

В сознании жителей села доминируют патерналистские установки. При сохранении нынешних экономических и социальных проблем села в сознании жителей будут укрепляться тяга к советскому прошлому, поддержка социалистических идей. Предпочтение данной позиции во многом основано на желании ощутить централизованную поддержку от государства, поскольку рыночная экономика и либеральные реформы, по мнению большинства жителей села, негативно сказались на их положении. Кроме того, образ социалистического колхоза/совхоза и былого устройства общественной жизни вызывает ностальгию в плане не только экономической защиты населения, но и гарантированной убежденности в благоприятном будущем, а также по утраченным в значительной мере культурным, солидарным, межличностным практикам взаимодействия.

Интерес к политическим событиям и, в частности, выборам власти тоже сместился в сторону местных забот. При этом большинству жителей села непонятен содержательный смысл той или иной политической идеологии, поэтому поддержка партий и кандидатов основана преимущественно не на политической компетенции их представителей и личных политических предпочтениях, а на возможности партии или кандидата улучшить социально-экономическую жизнь жителей конкретной территории. Этим во многом объясняется и поддержка так называемой «партий власти», поскольку именно с ней у населения связаны представления о доступе к ресурсам и возможности решать насущные проблемы. Поддержка отдельных кандидатов тоже носит и будет носить персонализированный характер.

В течение ближайших лет осознанное политическое участие и включенность жителей сельской местности будет довольно низкой, значительно уступая жителям городов. В сельской местности практически отсутствует возможность воспроизводства активных политических практик, а участие в политической жизни сводится к ритуалу голосования на выборах. Сами выборы тоже воспринимаются жителями села не как акт гражданского самосознания и осознанного выбора, а как нечто ритуальное, необходимое. Для многих поход на участок для голосования скорее массовое мероприятие, своеобразный «выход в свет» для общения и встречи с другими жителями.

Сложное социально-экономическое положение на селе, отсутствие должного внимания государства к проблемам сельских жителей определяют и их ценностные смыслы гражданственности и патриотизма. В сознании сельских жителей наблюдается отчуждение от деятельности государства, в том числе на уровне представлений о гражданском долге, а недовольство курсом, проводимым государством, проявляется не в политической активности и протесте, а в отчуждении и игнорировании официальных политических действий, процессов и мероприятий. Закрытость технологий включения в политическую среду, зависимость от местных органов власти, устоявшееся представление о собственной неспособности и невозможности влиять на происходящие события в стране формируют у жителей села низкий уровень гражданского самосознания.

Примечания

- ¹ Политология: Словарь-справочник / Сост. М.А. Василик, М.С. Вершинина. М.: Гардарики, 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://political_science.academic.ru/931/%D0%A3%D0%A7%D0%90%D0%A1%D0%A2%D0%98%D0%95 (дата обращения: 05.01.2017).
- ² Социологический словарь / Сост. Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер; пер. с англ. И.Г. Ясавеева; под ред. С.А. Ерофеева. М.: Экономика, 2004 [Электронный ресурс]. URL: http://sociological_dictionary.academic.ru/492/%D0%9F%D0%9E%D0%9B%D0%98%D0%A2%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%95_%D0%A3%D0%A7%D0%90%D0%A1%D0%A2%D0%98%D0%95 (дата обращения: 05.01.2017).
- ³ Воробьева И.В. Политическое сознание и политические практики жителей российского села // Социология жизни: теоретические основания и социальные практики / Под общей ред. Ж.Т. Тощенко; редактор-составитель Д.Г. Цыбикова. М., 2016. С. 256.
- ⁴ ВЦИОМ. Сельский 1996-37. Сроки проведения полевых работ: 22.04.1996 – 12.05.1996. Число опрошенных: 1923. Всероссийская сельская многоступенчатая стратифицированная случайная выборка; опрашивалось взрослое сельское население от 18 лет и старше [Электронный ресурс] // Единый архив экономических и социологических данных. URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/S=1895/Q=62/> (дата обращения: 18.03.2015).
- ⁵ Всероссийское исследование «Сельская жизнь». Опрос, проведенный в августе 2015 г. во всех 9 федеральных округах в 22 областях, краях и республиках и в 71 селе, охвативший по всероссийской выборке 1000 человек.
- ⁶ Воробьева И.В. Политические установки россиян: противоречия и парадоксы // Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.): Научное издание / Под ред. Ж.Т. Тощенко. ЦСП и М., 2016. С. 83.

- ⁷ *Базаржапова Л.Б.* Политическая активность сельского населения в современной России: состояние, тенденции: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. С. 10.
- ⁸ *Мирясова О.А.* Работники горно-металлургического комплекса: настроения и активность накануне нового политического цикла // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 2. № 12. С. 261–262.
- ⁹ *Доббин Ф.* Формирование промышленной политики (фрагменты книги) // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 627.
- ¹⁰ Всероссийское исследование «Сельская жизнь». Опрос, проведенный в августе 2015 г. во всех 9 федеральных округах в 22 областях, краях и республиках и в 71 селе, охвативший по всероссийской выборке 1000 человек.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Патрушев С.В.* Типы гражданской активности // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / Ред. С.В. Патрушев, С.Г. Айвазова, П.В. Панов. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 37.
- ¹³ Всероссийское исследование «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2000 годы). Опрос, проведенный в октябре 2014 г. во всех экономических районах страны, представляющих Центральную Россию, Поволжье, Юг страны, Урал, Сибирь и Дальний Восток, а также два мегаполиса: Москву и С.-Петербург. Опрошено 1750 человек в 18 регионах страны с учетом репрезентативной выборки по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, форм собственности и трудовому стажу.
- ¹⁴ *Зинченко Г.П.* Сельская власть 20 лет спустя // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 105–106.
- ¹⁵ *Великий П.П.* Стойкость российского села: настоящее и будущее // Социология жизни: теоретические основания и социальные практики / Под общей ред. Ж.Т. Тощенко; ред.-сост. Д.Г. Цыбикова. М., 2016. С. 127–134.

«Этикет» в древнерусском искусстве как изобразительная система

В статье рассматриваются общие принципы построения структуры и содержания изображения в древнерусском искусстве, обусловленные средневековым мировосприятием. Выработанный комплекс специальных приемов формирует законченную картину визуального образа, которая становится основой для разнообразных художественных решений.

Ключевые слова: этикет, порядок, древнерусское искусство, принципы, приемы, размер, формы, обозначения, мировосприятие, статус.

Понятие «этикет» как порядок построения изображения в культуре средневековой Руси ввел в научный оборот Д.С. Лихачев. При этом исследователь указал на подчиненность древнерусского художника «своеобразному этикету в выборе тем, сюжетов, средств изображения, в построении образов и в характеристиках». Как заметил автор, слово и изображение в средневековой Руси были гораздо теснее связаны «внутренней структурой», чем в Новое время¹. Этот постулат ученый апробировал в третьем издании своей «Поэтики древнерусской литературы» (1979). В монографию был включен новый раздел об отражении «Повествовательного времени» в «повествовательном пространстве» в изобразительном искусстве². Говоря о следовании этикету древнерусского художественного творчества в целом, Д.С. Лихачев не поднимал вопроса о его соответствии существовавшим в период Средневековья общим порядкам и о специфических особенностях применения в разных видах искусства. В дальнейшем эта проблематика нашла продолжение в целом ряде публикаций других авторов³. Первым, кто разделил «этикет», бытовавший в жизни и изобразительном искусстве, был В.В. Морозов. Изучая дипломатический церемониал в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в., автор отметил существенные несоответствия изображенных

сцен реальной дипломатической практике и пришел к заключению, что изображения чаще всего представляют особый «изобразительный этикет»⁴.

Трудно себе представить, чтобы художник не подчинялся порядкам и нормам того общества, к которому принадлежал. Он, даже не задумываясь, следовал существующим стереотипам. В то же время изобразительные средства каждого из видов искусства обладали ограниченными возможностями и были направлены на решение прежде всего творческих задач. В древнерусской литературе явно ощущался «недостаток наглядности»⁵, а древнерусская живопись, по образному выражению Д.С. Лихачева, «тяготилась своей молчаливостью»⁶. Принципиальная разница между литературой и живописью Древней Руси кроется в подходах к фиксации информации. Литература ограничивается информацией о том, что произошло, а живопись должна была показать, как это было. В то же время произведения изобразительного искусства в силу своей стереотипности используемых образов не отражают напрямую окружающий мир. Изображения не становятся его «зеркалом», к чему на пороге Нового времени призывал художников Симон Ушаков⁷. Ограниченные выразительные возможности древнего христианского искусства компенсировались его посреднической функцией. Иоанн Дамаскин видел назначение изображений в том, что они должны «возводить зрителя через телесное созерцание к созерцанию духовному»⁸. Таким образом, пройдя через контакт с «чувственным», земным искусством, человек через «мысленное» восприятие должен был «восходить» к «Небесному совершенству».

Христианское мировосприятие оказывало прямое воздействие на общую структуру произведений, их границы и формат. Пространство каждого изображения в целом не только воспроизводит, но и как бы вмещает картину мира с ее иерархией. По горизонтали его оно соотносится с «дольним» миром, а по вертикали – с «горним». Именно вертикаль, обозначающая связь с вечностью, и представляет приоритетное направление в изобразительной структуре⁹. Первичность Неба перед землей была обусловлена самой последовательностью Акта Творения. Согласно Библии, «в начале сотворил Бог небо...» (Быт. 1.1). По этой причине вертикальную направленность обозначают храмы, форматы книг, икон, большинство отдельных изображений. Также с учетом такого понимания организуется все изобразительное пространство. Конечность земного бытия, от сотворения мира до его конца, обозначает короткая горизонтальная сторона изображения. Нередко вертикаль рамки подразумевает некое продолжение, когда обозначается сегмент небесной

сферы. Здесь подразумевается его невидимое продолжение за границей земного «хронотопа». Сходным образом можно истолковать нимбы святых, которые также преодолевают средник иконы и выходят на ее поле. Семантика изобразительного пространства в христианском искусстве зависела от иерархии и оппозиций его составных частей – центра и периферии, правой и левой сторон, верха и низа. Своеобразной шкалой оценки семантики организованного пространства следует признать крест, четко фиксирующий центр и четыре основных направления пространства – по горизонтали и вертикали. И.Е. Данилова остроумно назвала его «геометрической формулой» основных пространственно-временных оппозиций, на которых строилась средневековая модель мира¹⁰.

Общеизвестно, что сам крест обозначал центр и по этой причине всегда занимал самое «высокое» место как в прямом, так и в переносном смысле: венчал храмы, а в виде Распятия – иконостасы. Ему отводилось самое видное место в любой композиции. От центра шел отсчет всех пространственных построений и в древнерусском искусстве. Это место всегда предназначалось Богу. В отдельных случаях центральную часть изображения занимала Богоматерь, а еще реже – другие святые. В сюжетах светского характера, как правило, в центр внимания попадали различного рода правители. Размещение остальных персонажей, как показал Б.А. Успенский, осуществлялось с учетом внутренней ориентации композиции: «правая (от Христа) сторона связывается с верой, а левая – с неверием. Одновременно правая сторона связывается с *верхом*, а левая – с *низом*»¹¹. Наиболее почетной считалась правая сторона. Такой порядок расстановки персонажей в изобразительном искусстве был продиктован Священным Писанием. В Новом Завете не раз говорится, что Иисус Христос занимает на «небесном троне» место справа («одесную») от Бога-Отца (Мк. 14.62, 16.19; Лк. 22.69 и др.). В богословской литературе правая сторона получает соответствующую семантическую окраску. В апокрифическом сочинении пророка Варуха, широко известном на Руси, говорится: «Посмотри на правую сторону и увидишь славу Божью, и увидишь лица праведных, славу и радость, и веселие. Посмотри на левую сторону и увидишь лица грешных и плач нечестивых...»¹² Заметим соответствующее расположение праведников и грешников в сценах «Страшного Суда», где по правую руку от Христа-Судии стоят праведники, а по левую – грешники. Данный принцип используется в построении и других сюжетов. Например, в сложном иконографическом изводе «Распятия», в котором изображена казнь на кресте Иисуса Христа и двух разбойников, художник обозначает отношение к последним их расстановкой: «благоразумный разбой-

ник», попавший в рай, показан справа от Христа, а другой разбойник, не принявший Его, – с левой¹³.

Статус центрального персонажа передается укрупненными размерами и фронтальным ракурсом. Такое положение главного лица было обусловлено необходимостью контакта «между почитаемым изображением и молящимся зрителем»¹⁴. Тем более что «прямоличные» образы являются самыми «неподвижными». Они, по словам П.А. Флоренского, «приличествуют только одному Богу» и выражают «божественную неподвижность» и «божественную абсолютность»¹⁵. Таким образом, центральная часть композиции в древнерусской живописи становится знаком вечности.

Особенно убедительно значение центральных «прямоличных» изображений представлено в классическом пятирядном иконостае. Это целая вертикаль, выстроенная над Царскими вратами. Несомненно, основной здесь была икона Спаса деисусного ряда, с фигурами предстоящих с двух сторон чинов. Еще выше, в пророческом ряду, центральное место отводилось иконе «Богоматерь Знамение». В верхнем, праотеческом ряду аналогичное место было предназначено иконам «Отечество» или «Троица». Венчало иконостас установленное по центру «Распятие» или икона с таким же сюжетом. В некоторых памятниках значение центральных образов подчеркивалось более ярким и насыщенным цветом по сравнению с другими иконами, как это имело место в деисусном ряду кремлевской церкви Ризоположения¹⁶. Цель такого использования цвета заключается в стремлении к усилению репрезентативности главных персонажей. Задача выделить статус конкретного лица связана не только с персонажами священной истории, она актуальна и для светской тематики, в частности, для миниатюр русских лицевых летописей. В них с завидной последовательностью князья во всех ситуациях в одном и том же официальном костюме. Так они изображаются даже в неподходящей обстановке. Например, во время ночного пожара князь и княгиня в миниатюре Лицевого свода XVI в. изображены на супружеском ложе в верхней княжеской одежде и шапках. Речь здесь идет об иллюстрации, посвященной пожару 1298 г. в Твери (Остермановский I том, л. 315 об., Б-ка РАН). Кроме костюма статусным признаком была и величина бороды. Этот фактор учитывался в тех случаях, когда изображаемый персонаж отсутствовал в иконописных образцах. Показательна в этом плане икона «Молящиеся новгородцы» 1467 г., представляющая членов семьи знатного новгородца Антипа Кузьмина. Ряды Кузьминых, выстроившихся по образцу деисусного чина, возглавляют два старца с самыми большими бородами. Именно борода, ее размеры и форма в древнерусской живописи указывала

на знатность героя и в известном смысле «заменяла» ему лицо¹⁷. Статус и чин персонажей обозначают и разнообразные аксессуары. Помимо широко известных атрибутов святых интерес представляют более редкие, которые связаны со светскими персонажами, не канонизированными. В частности, на материале миниатюр лицевых летописей А.В. Арциховский выявил и описал характерные жезлы посадников, князей, царей и прочих правителей, которые с завидным постоянством закреплялись за ними¹⁸. Важным «строительным материалом» средневековых изображений были элементы природного и архитектурного стаффажа. Они выполняли разные функции: составляли фон, обозначали место действия и использовались как пространственно-временные разграничители. Последняя из перечисленных функций была явно заимствована из реальной практики. В Древней Руси за единицу измерения пространства принималось расстояние от города до города или видимый участок от холма до холма. По наблюдениям Д.С. Лихачева, пространственный охват «от города до города» присутствует в отечественном летописании, где «изложение переходит от одних событий к другим, а вместе с тем и из одного географического пункта в другой»¹⁹. Вариант визуального восприятия пространства, «от холма до холма», также можно встретить в письменных источниках. Подобный пример можно найти в «Слове о полку Игореву». Его автор, говоря о скрывшейся за холмом Родине, использует такое образное выражение: «О, Русская земля! Уже за шеломянем еси»²⁰. В изображениях условно обозначенные «горки» или «городки» в виде крепостных башен обрамляют отдельные сцены, придавая им известную самостоятельность.

В тех случаях, когда архитектурные формы служат для обозначения места действия или когда речь идет о самом сооружении, например о возведении храма, архитектура становится центральным событием эпизода. Это дает повод значительно увеличить размеры данного объекта и дополнить его деталями. Однако искать в них прямое отражение облика конкретной постройки не приходится. Вместо этого используется универсальный знак, в лучшем случае передающий ее типологию. Только с конца XV в. можно встретить узнаваемые элементы реально существовавших зданий²¹. По мере развития в древнерусском искусстве повествовательности и с появлением многослойных композиций в них более отчетливо проявляется временной фактор. В границы изображения включается все больше сцен и действующих лиц. Ход времени в таких многосоставных изображениях тем не менее подчиняется старым правилам: как в «высоком» иконостасе и житийной иконе, он отсчитывается сверху вниз. Так, в иконостасе почти в хронологической

последовательности даны чины праотцов, пророков, праздники, деисус и «местный» ряд с включенными в него «местночтимыми» иконами. Расположение рядов представляло различные этапы одной для христианина эпохи: от Сотворения мира в лице первых праведных людей на земле до Страшного Суда, показанного в виде молитвенного предстояния перед Судией. Все это проецируется на местные реалии и местонахождение верующего. С особого рода реакцией на усилившуюся повествовательность в древнерусском искусстве можно связать появление икон горизонтального формата, таких как «Благословенно воинство Небесного Царя» («Церковь воинствующая»), которые должны были вместить множество действующих лиц и детально расписанное действо. Многословие изобразительного языка, пришедшее на смену знаковой многозначительности, способствовало тому, что изображения стали брать на себя значительную часть функций литературного текста, в поддержке которого они все меньше нуждались. Это хорошо видно на примере книжных иллюстраций XVI в., которые уже явно доминируют едва ли не в каждой рукописи за счет текстового сопровождения.

Таким образом, изобразительный этикет представлял собой информационную систему, обусловленную христианским мировосприятием, с одной стороны, и оперировавший комплексом специальных приемов – с другой. К важнейшим задачам построения изображения можно отнести его «читаемость», передачу заложенного в нем смысла. В силу стереотипности знаков, посредством которых формировалась «картинка», сделать ее узнаваемой без поддержки текста было практически невозможно.

Подписывались все древнерусские изображения – не только книжные миниатюры, но и фрески и иконы. Достаточно отметить, что «изображение не считалось иконой, пока на нем не были сделаны надписи»²². В свою очередь художник обозначал границы визуального пространства, его структуру, в соответствии с существовавшими представлениями о иерархии расставлял персонажей и «направлял» их действия. Особое значение придавалось вопросу репрезентации действующих лиц, на что был направлен ряд приемов, подчеркивавших статус персонажей. Изобразительный «этикет» напрямую не участвовал в создании художественного образа, а выполнял вспомогательную роль. В то же время он не оставался неизменным на протяжении Средневековья, а видоизменялся вместе с языком искусства.

- ¹ *Лихачев Д.С.* Сравнительное изучение литературы и искусства // ТОДРЛ. 1966. Т. 22. С. 3–10.
- ² *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3. М.: Наука, 1979. С. 22–55.
- ³ *Белоброва О.А.* Этикетный мотив в древнерусской миниатюре XV в. // Исследования по древней и новой литературе. Л.: Наука, 1987. С. 25–31; *Амосов А.А.* Иерархия цвета как отражение этикетных воззрений художников XVI в. (по материалам Лицевого летописного свода) // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 281–298; *Черный В.Д.* Этикет и действительность в древнерусской книжной миниатюре // Русская художественная культура XV–XVI веков. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции (14–16 мая 1990 года). М., 1990. С. 18–21 и др.
- ⁴ *Морозов В.В.* Этикет реальный и этикетность искусства: русский дипломатический церемониал // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. С. 265–280.
- ⁵ *Лихачев Д.С.* Сравнительное изучение литературы и искусства. С. 3.
- ⁶ *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3. С. 25.
- ⁷ *Ушаков С.* Слово к люботщательному иконного писания // Мастера искусств об искусстве / Под ред. А.А. Федорова-Давыдова. М.: Искусство, 1969. Т. 6. С. 51.
- ⁸ *Бычков В.В.* Смысл искусства в византийской культуре. М.: Наука, 1991. С. 46.
- ⁹ *Шапиро М.* Некоторые проблемы семиотики визуального искусства. Пространство изображения и средства создания знака образа // Семиотика и искусствометрия. М.: Мир, 1972. С. 136–163.
- ¹⁰ Данилова И. От средних веков к Возрождению: сложение художественной системы картины кватроченто. М., 1975. С. 66.
- ¹¹ Успенский Б.А. «Правое» и «левое» в иконописном изображении // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту: Тартуский государственный университет, 1973. С. 129.
- ¹² Откровение Варуха // Златоустрий: Древняя Русь. X–XIII вв. / Сост., комментарии. А.Г. Кузьмина, А.Ю. Карпова. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 282.
- ¹³ Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. М.: Советский художник, 1977. Т. 3. С. 92–93.
- ¹⁴ Успенский Б.А. Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 276.
- ¹⁵ Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-образительных произведениях. М.: Прогресс, 1993. С. 144.
- ¹⁶ Брюсова В.Г. Назарий Истомин (материалы к биографии) // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. М.: Советский художник, 1976. С. 188.
- ¹⁷ Буслаев Ф. Древнерусская борода // Отечественные записки. 1859. Т. 126 (октябрь). С. 357–378.
- ¹⁸ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: МГУ, 1944. С. 38, 118–125.
- ¹⁹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы... С. 347.

- ²⁰ «Слово о полку Игореве» / Вступительная статья и подготовка древнерусского текста Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1983. С. 32.
- ²¹ *Черный В.Д.* Архитектура в древнерусском изобразительном искусстве // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2016. № 3 (30). С. 49–53.
- ²² *Бусева-Давыдова И.Л.* О принципах копирования в «пограничном» искусстве (русская иконопись XVII века и живопись Крутца) // Проблемы копирования в европейском искусстве: Материалы научной конференции. 8–10 декабря 1997 года. М.: Российская академия художеств, 1998. С. 78.

Стилистические и технологические новации
в художественном оформлении иконных окладов
как отражение международных связей
русской культуры XVI в.

Статья посвящена вопросам влияния элементов европейского ювелирного искусства на произведения кремлевских златокузнецов XVI в. В статье рассматриваются ювелирные техники: эмаль по золотой и серебряной скани и фигуративная чернь, применяемые в украшении многих иконных окладов второй половины XVI в., исполненных по царскому заказу. Сравнение стилистических и технологических особенностей иконных окладов и произведений европейского прикладного искусства позволяет сделать вывод о работе ювелиров из Италии и Священной Римской империи германской нации в кремлевских мастерских.

Ключевые слова: московский двор, ювелирное искусство, XVI век, кремлевские мастерские, иконные оклады, западноевропейские мастера, эмаль по скани, чернь.

1540–1550-е годы стали переломным моментом в истории русской культуры, во многом предопределившим пути дальнейшего ее развития, в том числе и для ювелирного искусства. Великий князь Иван IV венчался на царство в 1547 г., теория «Москвы – Третьего Рима» с середины XVI в. становится частью официальной московской идеологии. Чин венчания следовал традиции поставлений византийских императоров, богоизбранность власти московского государя, исконность прав московского царя подчеркивалась ссылками на исторические аналогии в истории Византии, Киевской и Владимиро-Суздальской Руси, а русский царь уподоблялся первому христианскому императору – Константину Великому¹. Укрепление позиций Москвы как центра православия после падения Византии послужило стимулом к расширению деятельности московских дворцовых мастерских. Усложняется дворцовый церемониал, возрастает потребность в драгоценных церковных царских вкладах и произведениях парадного дворцового быта².

Московский двор середины XVI века можно сопоставить с рядом европейских дворов Европы: пражским двором императора Рудольфа II, провозгласившего себя императором Священной Римской империи германской нации⁴, Дрезденским двором саксонских курфюрстов⁵, Мюнхенским двором герцогов Баварских, Ватиканским двором пап⁶, Венским двором Габсбургов⁷ и другими, для которых характерны следующие признаки: 1) роль просвещенного и образованного заказчика, его покровительство искусству, 2) интерес к новому и редкому, собирание сокровищницы³, 3) приглашение ведущих мастеров из Европы, 4) стилевое единство ювелирных произведений. Л.Н. Тананаева отметила, что придворный характер искусства определяется несколькими признаками, это: нерасторжимая связь искусства с королевским заказом, связь с комплексом идей, требовавших прямого или опосредованно-символического воплощения, таких как прославление царствующей династии, основных событий правления, связь с общеевропейским придворным этикетом, соответствие личным вкусам правителя⁸. Все эти признаки в большей или меньшей степени характерны и для складывающейся в середине XVI столетия придворной культуры московского двора.

Высокий статус царственных заказчиков способствовал возникновению определенной моды в ювелирном искусстве, проявлению интереса к новым техникам, формам и видам декора. При дворе бытовали западные произведения, многие из подобных предметов хранились в царской сокровищнице. Создание драгоценных окладов на самые почитаемые иконы с использованием ренессансной орнаментики, новых форм и технико-технологических приемов было связано с привлечением к работе мастеров разных специальностей из Западной Европы.

Документов о работе европейских специалистов в придворных московских мастерских во второй половине XVI века сохранилось немного⁹. Известны имена мастеров Клеуса Севостьянова и Бориса Томаса, которые стояли во главе серебряных дел в год смерти Ивана Грозного и продолжали работать и при Борисе Годунове. В 1585 г. в мастерских работало 20 мастеров серебряного и золотого дела, в том числе и иностранцы¹⁰. В конце XVI века в кремлевских мастерских работали немецкие ювелиры¹¹ и венецианские мастера¹².

Однако уже при дворе Ивана Грозного работали западноевропейские мастера. Как показал А.Л. Баталов¹³, с 1548 г. в Москву были приглашены мастера из земель, входивших в состав Священной Римской империи германской нации. Состав мастеров из Священной Римской империи германской нации мог быть

многонациональным, включая и итальянцев. Мастера имели разную специализацию, среди них были и ювелиры. Таким образом, мы можем сделать выводы, что поиск западноевропейских мастеров, в том числе и ювелиров, для работы при московском дворе велся постоянно с 1548 г. до 1570-х гг., и именно в этот период была создана основная группа исследуемых произведений – иконных окладов с ренессансным орнаментом и дробницами на полях.

Анализ технико-технологических особенностей ювелирных произведений свидетельствует о присутствии в кремлевских мастерских группы первоклассных европейских ювелиров с середины XVI в.

Вначале обратимся к технике эмали по золотой и серебряной скани, которой украшены некоторые иконные оклады второй половины XVI в. Основная группа произведений украшены в технике эмали по золотой скани, это: оклад иконы «Троица» – вклад царя Ивана Грозного в Троице-Сергиев монастырь (1548 г.)¹⁴, оклад мерной иконы «Св. Иоанн Лествичник» (1554 г.)¹⁵, оклад иконы «Богоматерь Иоасафовская» (1557–1560-е гг.)¹⁶, оклад иконы «Богоматерь Владимирская» середины XVI в.¹⁷ Создавались в придворных мастерских и произведения, исполненные в технике эмали по серебряной скани (оклад иконы «Богоматерь Владимирская» конца XVI в.¹⁸, оклад иконы «Деисус» конца XVI в.¹⁹, крест Юрия Нагого (1566, 1567 гг.)²⁰).

До середины XVI столетия данная техника не использовалась в декоре ювелирных произведений, поэтому возникает вопрос о ее появлении в кремлевских мастерских. Серебряная эмаль по скани появилась в Новгороде в 30-е гг. XVI века, ее возникновение исследователи связывают с влиянием западноевропейского искусства²¹. В придворных мастерских работали новгородские мастера эмальеры, которые могли привнести эту технику в ювелирное искусство Москвы. Вместе с тем близость некоторых иконных окладов, украшенных эмалью по скани, к европейским произведениям ювелирного искусства XVI в. свидетельствует о работе западноевропейских ювелиров при царском дворе. Технику эмали по серебряной и золотой скани использовали златокузнецы ряда европейских стран с XV в. на всем протяжении XVI столетия. Отметим довольно широкий регион распространения этой техники в Европе и значительное количество сохранившихся произведений в музейных мировых собраниях. При анализе произведений мы руководствуемся теми атрибутами, которые предложены в публикациях или в онлайн-каталогах различных музеев. В некоторых случаях дают-ся довольно общие атрибуты произведений, что связано с перемещением мастеров-ювелиров по Европе и взаимопроникновением

мотивов²². Анализ памятников из европейских и американских собраний показывает значительное распространение этой техники на функционально разнородных предметах. Сохранилось довольно много североитальянских эмалевых произведений. В основном это различные оправы для сосудов (как, например, золотая эмалевая оправа чаши в формы раковины, выполненная в Венеции (?), в начале XVII в.)²³, обрамления для небольших икон и медальонов²⁴, пластины, украшающие более крупные по размерам предметы, как, например, эмалевые накладки на бюсте императора Адриана (Венеция, вторая половина XVI века) из палаццо Питти, Флоренция²⁵. Для североитальянских произведений, исполненных в этой технике, характерно сочетание зеленых, светлых голубых, синих и белых цветов; сканый узор в основном состоит из тонких вьющихся стеблей с бутонами и трилистниками, цветочных орнаментов с использованием четырех- и пятилепестковых розеток. Подобные цвета эмали и принцип организации сканого орнамента (сочетание трилистников, длинных изогнутых листьев, примыкающих к стеблю, четырехлепестковых розеток, из которых выходят раздвоенные стебли, лилиеобразные цветы) встречаются в декоре кремлевских произведений. Сканый растительный орнамент с включением цветов, листьев, трилистников, вырезанных из тонкого листового золота и заполненных эмалью светлых оттенков – глухой белой, светлой голубой, бирюзовой и прозрачной зеленой и синей эмалью с вплавленными в нее капельками зерни – украшает оклад иконы «Троица», исполненный в 1548 г. по заказу царя Ивана IV, оклад Евангелия 1571 г.²⁶

В придворных мастерских Священной Римской империи германской нации и в мастерских немецких городов ювелиры также широко использовали эмаль по золотой и серебряной скани. В разных музейных собраниях сохранилось значительное количество произведений, разнообразных по функции, это: ювелирные произведения (различные кресты)²⁷, произведения, связанные с церемониалом и репрезентацией власти (держава, созданная в Аугсбурге во второй четверти XVI в.²⁸); эмалевыми пластинами могли декорироваться и предметы мебели²⁹. Узор из раздваивающихся листьев, из которых опускаются усы, переплетающиеся стебли с трилистниками, сочетание красных, зеленых, темно-синих цветов, белых цветов эмали, характерные для немецкого ювелирного искусства, встречаются в орнаментации московских иконных окладов середины XVI в. Подобные орнаменты и эмали более ярких оттенков с использованием красного цвета мы видим на окладе иконы «Богородица Иоасафовская»³⁰, на окладе мерной иконы «Св. Иоанн Лествичник»³¹. Характер орнаментации (сердцевидный орнамент

с включением драгоценных камней) и цвета эмали оклада иконы «Св. Иоанн Лествичник» находят ближайšie аналогии в произведениях, исполненных в Южной Германии во второй половине – последней четверти XVI в.³² В рудольфинских мастерских в Праге использовалась эмаль по серебряной скани³³. Для этих произведений характерно сочетание в орнаментах трилистников, покрытых голубой эмалью, разнообразных цветочных розеток, заполненные темно-изумрудной, коричневой и светло-зеленой эмалью с вкраплениями серебряной зерни.

Близость декора иконных окладов к итальянским и немецким произведениям, исполненным в технике эмали по золотой и серебряной скани, позволяет сделать вывод, что при царском дворе работали западноевропейские ювелиры из этих регионов.

Другие технологические особенности исполнения кремлевских иконных окладов и других произведений придворных ювелиров, имеющие ближайšie аналогии в европейских произведениях ювелирного искусства:

1. Включение золотой зерни в белую и голубую эмаль. Примеры в ювелирном искусстве Москвы: оклад иконы «Троица» 1548 г.³⁴, оклад иконы «Богоматерь Иоасафовская» 1557–1560-х гг.³⁵, сапфировый крест середины XVI в.³⁶ Включение золотой зерни в белую и голубую эмаль – характерный прием для украшений ювелирных изделий, исполненных в Германии в конце XVI в., как, например, ожерелье, датируемое, возможно, Трансильвания, возможно, Южная Германия, около 1600 г.³⁷ Золотые точки на эмали голубых оттенков – характерный прием для работы эмальеров рудольфинских мастерских³⁸ и ювелиров Северной Италии конца XVI в.³⁹

2. Включение в белую эмаль маленьких золотых звездочек (как на окладе иконы «Богоматерь Иоасафовская» 1557–1560-х гг.⁴⁰) характерно для ювелирных украшений, выполненных предположительно в Германии (золотое ожерелье, выполненное около 1600 г. с вкрапленными в белую эмаль золотыми звездочками)⁴¹.

3. Использование в эмалевом декоре маленьких пяти- и шестилепестковых цветов, украшенных голубой эмалью (корона оклада иконы «Троица» 1548 г., корона оклада иконы «Богоматерь Иоасафовская»), встречается и в итальянских произведениях ювелирного искусства. Например, оправа медальона, исполненного предположительно в Милане в конце XVI в.⁴², эмалевая оправа креста из коллекции музея Метрополитен украшены небольшими цветами с голубой эмалью⁴³. Подобные цветочные розетки с белой и красной эмалью, являющиеся кастом для драгоценных камней или жемчуга, – характерный элемент в декоре южногерманских ювелирных украшений⁴⁴.

4. Включение в декор окладов небольших накладных прочеканенных шестилепестковых цветов – звездочек. Черневой фон оклада иконы «Кирилл Белозерский»⁴⁵ последней четверти XVI в. из музеев Московского Кремля украшен золотыми накладными цветочками. Отметим, что подобные элементы декора не характерны для русского ювелирного искусства, они находят аналогии в немецком ювелирном деле и связаны с позднеготической традицией украшения драгоценных предметов⁴⁶. Например, подобные цветы включены в декор подножий немецких скульптурных групп⁴⁷, в украшении чалдара, исполненного в Праге в начале XVII века⁴⁸.

5. Использование в эмалевом орнаменте ромбов, покрытых белой эмалью, в центре которых – орнаментальные розетки (как в декоре нижнего поля оклада иконы «Богоматерь Владимирская» середины XVI в. из Новодевичьего монастыря⁴⁹), находит аналогии в итальянском ювелирном искусстве (комплект парадной конской сбруи, привезенный из Италии в 1602 году, из коллекции Дрезденского музея⁵⁰.)

6. Касты в форме многолепестковой цветочной чеканной розетки, покрытой эмалью разных оттенков. (Как, например, на цате иконы «Троица» 1548 г.⁵¹, на золотом окладе иконы «Богоматерь Иоасафовская»⁵²). Эти элементы декора также находят ближайшие аналогии в немецком ювелирном искусстве второй половины XVI в. Например, потир, исполненный в Кельне в 1560 г., из коллекции Дрезденского музея⁵³, украшен эмалью и драгоценными камнями, вставленными в касты в виде цветочной розетки с красной эмалью.

7. Способ закрепки камней и декоративных элементов в виде золотых шариков на спнях, с раздваивающимися лилиеобразными завершениями. Такой способ крепежа присутствует в декоре короны оклада «Троицы» 1548 г. и находит аналогии в немецком ювелирном искусстве второй половины XVI столетия. (Так, например, украшено завершение державы, исполненной в Аугсбурге во второй четверти XVI в.)⁵⁴, корона императора Рудольфа II, исполненная в Праге в 1602 г.⁵⁵, немецкие ювелирные изделия конца XVI в.⁵⁶

8. Форма высоких кастов с ребрами на торцах и «лапками», держащими камень в касте, появляется на кремлевских произведениях ювелирного искусства только с середины XVI в. В конце XV – первой половине XVI в. касты драгоценных камней имели более скругленную форму, были гладкие, не имели столь пластически проработанную и объемную трактовку. Высокие касты украшают многие произведения московского ювелирного искусства второй половины XVI в.: оклад мерной иконы «Св. Иоанн

Лествичник» 1554 г.⁵⁷, оклад иконы «Богоматерь Владимирская»⁵⁸, оклад Евангелия 1571 г.⁵⁹ Исследователи отметили, что подобный тип и орнаментация гнезд для камней возникли под влиянием западноевропейского ювелирного искусства⁶⁰. Такой способ крепления камней традиционен для немецкого ювелирного искусства XVI в. Аналогичные касты помещены на потире, исполненном в Зальцбурге в 1586 г.⁶¹, державе, исполненной в Аугсбурге во второй четверти XVI в.⁶², державе, выполненной в Южной Германии в конце XVI в., из музеев Московского Кремля⁶³.

Таким образом, на основе анализа произведений из кремлевских мастерских и сопоставления с западноевропейскими произведениями ювелирного искусства мы можем сделать выводы, что в придворных мастерских во второй половине XVI в. работала значительная группа первоклассных западноевропейских ювелиров, владеющих разными ювелирными техниками и привнесших новые технико-технологические элементы в ювелирное искусство Москвы. Рассмотренные элементы декора характерны для европейских ювелирных произведений XVI в. широкого региона; из-за происходившей миграции мастеров произведения бывает трудно отнести к определенному региону.

В основном нам удалось обнаружить аналогии в ювелирном искусстве городов Италии и Священной Римской империи германской нации⁶⁴. Поэтому мы можем сделать вывод, что западноевропейские мастера, работавшие при царском дворе, могли быть из этих регионов, что подтверждается и архивными данными.

Найденные нами аналогии в немецком ювелирном искусстве⁶⁵ приводят к выводу, что в придворных мастерских работали мастера из германских земель, широко использовавшие ренессансную орнаментуку, и история ренессансной орнаментики в русском ювелирном искусстве приобретает особую актуальность. Из богатейшего арсенала элементов декора придворные мастера используют ограниченное количество мотивов, которые нравились заказчику и соответствовали функции ювелирных произведений, связанных с христианским благочестием. В результате создаются своеобразные произведения, где узнаваемы отдельные элементы, характерные для европейской традиции, вместе с тем в этих памятниках отражается художественный вкус царственных заказчиков.

Еще одна ювелирная техника, появившаяся в 40-е гг. XVI в. в придворных кремлевских мастерских, – это фигуративные черневые изображения, украшающие поля многих иконных окладов второй половины XVI в. Появление на окладах гладких золотых или серебряных пластин (дробниц) с черневыми и гравированными

фигуративными изображениями прекрасного качества, в достаточно совершенном исполнении, можно также связать с западноевропейской традицией.

Следует обратить внимание на исключительно широкое распространение техники черни в итальянском искусстве XV–XVI вв., особенно в произведениях второй половины XV–XVI вв., предназначенных для церкви. В Италии распространение этого вида искусства, также как и в других странах было связано с развитием техники гравировки, распространением гравюры на металле. На один сюжет создавались и гравюры, и произведения ювелирного искусства (например, так называемые поцелуйные иконки)⁶⁶.

Сама по себе эта техника не играла ведущей роли в итальянском ювелирном искусстве, однако произведения, украшенные ею, были довольно многочисленны. Многие произведения опубликованы, целый ряд подобных вещей находится в экспозиции исторических, археологических и художественных музеев Италии, Англии, США⁶⁷. Образцы таких произведений с черневыми изображениями, достигавших необыкновенной тонкости и изящества рисунка, принадлежат временному интервалу с середины XV до второй половины XVI в., т. е. до периода, когда образцы изделий могли появиться на Руси, или в этой технике работали мастера, приезжавшие в Москву из Европы.

Преобладающее число предметов, украшенных этим способом, принадлежит к церковному убранству. Типология произведений очень разнообразна: небольшими серебряными пластинами с черневыми изображениями на евангельские сюжеты украшались иконки, потиры, реликварии⁶⁸, процессионные кресты⁶⁹, оклады книг⁷⁰. Встречаются как одиночные изображения святых, так и многофигурные композиции на евангельские сюжеты. В историографии возникновение и распространение фигуративной черни связывают с именем флорентийского мастера Мазо Финигуэрра; ему приписывается создание серебряных черневых произведений начиная с 1460-х годов⁷¹. Основная масса произведений с фигуративными черневыми изображениями создана после 60-х годов XV в. Влияние флорентийской черни распространилось по всей Тоскане и впоследствии охватило всю Италию, особенно северную часть. Можно констатировать довольно широкий регион создания этих произведений в XVI столетии, их распространенность и значительное разнообразие сюжетов. Отметим массовость производства произведений с черневыми фигуративными изображениями в период, когда произведения и мастера, их создавшие, могли оказаться в России.

Итальянские произведения с фигуративными черневыми изображениями и придворные московские оклады с черневыми пластинами на полях можно сопоставить по следующим параметрам:

1. Общие декоративные эффекты: использование сетчатой и параллельной штриховки в структурировании объема фигур, оформлении складок одежд, линии волос, используется светотеневая моделировка за счет применения разнообразного типа штриховки – от более темной до более светлой, благодаря чему создается иллюзия глубины пространства.

2. Форма пластин. Прямоугольные, круглые и овальные серебряные пластины с изображениями на евангельские сюжеты и избранными святыми, которые можно использовать при украшении типологически разнообразных предметов.

3. Общие конструктивные особенности. Близкий способ монтировки пластин с петельками для крепежа по сторонам. Возможность замены и перемещения пластин.

4. Размер этих пластин.

Подобное сходство на конструктивном уровне более значимо, нежели сходство сюжетов, иконографических мотивов и композиций, которые были почерпнуты из московской живописной традиции. Вероятно, уже первые фигуративные черневые изображения могли быть изготовлены итальянскими мастерами, приехавшими на Русь по приглашению царских заказчиков. Возникает вопрос, каким образом эта техника обработки металла, используемая преимущественно в небольших переносных церковных предметах и светских украшениях, была воспринята в придворных кремлевских мастерских и стала столь востребованной в декорации икон. Как уже упоминалось, западные произведения, особенно светские украшения, могли бытовать при царском дворе. Работавшие при царском дворе европейские мастера знали навыки работы с техникой черни, уже не столь широко использовавшейся к середине XVI в. в Европе. Мастера, приехавшие в Москву, владели этой техникой на высоком уровне, что демонстрируют уже ранние произведения, выполненные в технике черневой гравюры.

Отходя от привычных для них стилистических канонов, в техническом отношении они ориентировались на хорошо знакомые образцы итальянского искусства. В Италии такие образцы украшали значительное количество церковных предметов в городских храмах. Этот вид искусства, вероятно, был воспринят в придворных мастерских и послужил неким импульсом для создания по царскому заказу изысканных и рафинированных произведений церковного искусства, украшенных золотом и драгоценными камнями. Фигуративными черневыми изображениями украшаются оклады

самых почитаемых и прославленных икон Московского царства – программных произведений, прославляющих и утверждающих богоизбранность царя. Если в странах Европы в XVI в. развитие фигуративного черного искусства пошло на спад, то в кремлевских мастерских этот вид искусства получил новое звучание, в XVII столетии распространился в другие русские города: Новгород и Сольвычегодск.

Московское ювелирное искусство второй половины XVI в. теснейшим образом связано с европейскими традициями. Художественные течения, существовавшие в прикладном искусстве стран Западной Европы, были хорошо известны при московском дворе. Изучение этого феномена дает возможность сделать выводы, что отдельные элементы, встречающиеся в европейском ювелирном деле, были восприняты в придворных мастерских и трансформировались соответственно вкусу царских заказчиков, получили своеобразную трактовку. Вместе с тем иконные оклады, исполненные придворными мастерами, показывают общестилевое единство с европейским ювелирным искусством.

Примечания

- ¹ *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 92.
- ² *Селезнева И.А.* Золотая и серебряная палаты. Кремлевские дворцовые мастерские XVII века. М., 2001. С. 45.
- ³ Das Haus Habsburg und die Welt der fürstlichen Kunstkammern im 16 und 17 Jahrhundert / Hrsg. von S.Haag, F. Kirchweger, P.Rainer // Schriften des Kunsthistorischen Museums. 2015. Band 15.
- ⁴ *Тананаева Л.Н.* Рудольфинцы. Пражский художественный центр на рубеже XVI–XVII веков. М., 1995.
- ⁵ *Czok K.* Am Hof Augusts des Starken. Leipzig, 1989 (Der kurfürstliche Hof in Dresden). S. 11–14.
- ⁶ Hoch Renaissance im Vatikan: Kunst und Kultur im Rom der Päpste I 1503–1534 / Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik; Vatikanische Museen. Bibliotheca Apostolica Vaticana. Bonn, 1999. S. 1.
- ⁷ *Naag S.* Die Geschichte der Wiener Kunstkammer // Meisterwerke der Kunstkammer. Band 12. Wien, 2010. S. 13–14.
- ⁸ *Тананаева Л.Н.* Рудольфинцы. Пражский художественный центр на рубеже XVI–XVII веков. М., 1995.
- ⁹ *Сахаров И.* Борис Томас – серебряных дел мастер 1585 г. // Записки отделения русской и славянской археологии Имп. Археологического общества: В 13 т. Т. 1. СПб., 1851. С. 202; *Селезнева И.А.* Указ. соч. С. 47; Памятники дипломатических

- сношений Московского государства с Англией» // Сборник имп. Русского исторического общества: В 148 т. Т. 28. СПб., 1883. С. 426.
- ¹⁰ *Селезнева И.А.* Указ. соч. С. 47.
- ¹¹ При дворе Бориса Годунова «немецких мастеров и золотых и серебряных гораздых много», и поэтому привезенные из Англии в 1601 г. послом Григорием Микулиным мастера: Анц Тинки, Павел Вангарбен и Юрий Хикс – просят царя отпустить их в «Английскую землю», потому что «они золотых мудрых дел делать не умеют. См.: *Селезнева И.А.* Указ. соч. С. 47.
- ¹² В источниках конца XVI – начала XVII века упоминаются имена венецианского мастера Франческо Асцентини; Постникова-Лосева М.М. Золотые и серебряные изделия мастеров Оружейной палаты XVI–XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сборник научных трудов. М, 1954. С.146.
- ¹³ *Баталов А.Л.* Европейские архитекторы и военные специалисты на службе Ивана IV в свете письменных источников: Еще раз об истории Ганса Шлитте // Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. 2014. Вып. 22. С. 8–32.
- ¹⁴ Сергиево-Посадский музей. Инв. № 72–77, 83–107 ихо.; *Клюсс Б.М.* Избранные труды: Житие Сергия Радонежского: В 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 73–88.
- ¹⁵ Музеи Московского Кремля. Инв. № Ж-554/1–2.
- ¹⁶ Там же. Инв. № МР-1154.
- ¹⁷ Там же. Инв. № Ж-1749/1–2.
- ¹⁸ Там же. Инв. № Ж-1754/1–2.
- ¹⁹ Там же. Инв. № Ж-1748/1–2.
- ²⁰ Там же. Инв. № МР-1163.
- ²¹ *Стерлигова И.А.* Новгородское серебро в культуре России эпохи Позднего Средневековья // Декоративно-прикладное искусство Новгорода XVI–XVII вв. М., 2008. С. 15–30.
- ²² *Davies G.* Makers and Markets // *Davies G., Kennedy K.* Medieval and Renaissance Art. People and Possessions. L.: VA publishing, 2009. Ch. 3. P. 83–118.
- ²³ *Зиндрам Д.* Сокровища дрезденского музея «Грюнес Гевельбе». Лейпциг, 2008. С. 94
- ²⁴ Медальон Милан, конец XVI в. См.: Kunsthistorisches Museum Vienna. The Secular and Ecclesiastical Treasures. Illustrated Guide. Wien: Residenz Verlag, 1991. S. 275; наперсный крест, Италия, XVI в., музей Метрополитен. Инв. № 32.100.305.
- ²⁵ *Kugel A.* Joyaux Renaissance. Une splendeur retrouvée. P., 2000. № 2.
- ²⁶ Музеи Московского Кремля. Инв. № КН-29/1–2.
- ²⁷ Крест начала XVII в., Венгрия, из Музея Виктории и Альберта в Лондоне № 1652–1856, крест 1580 г. (Германия или Валахия). См.: *Kugel A.* Op. cit. № 71.
- ²⁸ *Bukovinska B., Konecny L.* Prag, Nürnberg, Augsburg? Überlegungen zum Reichsapfel und zum Szepter im Kronschatz des St. Veitsdoms in Prag // Studien zur europäischen Goldschmiedekunst des 14. bis 20. Jahrhunderts: Festschrift für Helmut Selig zum 80. Geburtstag am 12. Februar 2001 / Hrsg. Von R. Eikelmann, A. Schommers, L. Seelig. München, 2001. S. 15–38.
- ²⁹ Инв. № 47707.
- ³⁰ Музеи Московского Кремля. Инв. № МР-1148.
- ³¹ Там же. Инв. № Ж-554/1–2.

- ³² Кабинет, украшенный эмалевыми пластинами. См.: Государственные собрания искусств Дрездена. Инв. № 47707. Значительное количество южнонемецких ювелирных изделий, украшенных эмалю по скани, сохранилось в различных европейских собраниях. Например, золотая эмалевая подвеска, исполненная Валентином Малером в 1572 г. в Германии (коллекция Музея Виктории и Альберта). См.: Princely Magnificence. Court Jewels of the renaissance 1500–1600 exh cat. L.: Victoria & Albert Museum, 1980. P. 75.
- ³³ Дипломатические дары Кристиану II от императора Рудольфа – булава и комплект конюшенного убранства, выполненные мастером Йоханом Михаилом в Праге в 1610–12 гг.). Государственные собрания искусств Дрездена. Инв. № L-0001, Y 0353 C.
- ³⁴ Сергиево-Посадский музей. Инв. № Инв. № 72–77, 83–107 их.
- ³⁵ Музеи Московского Кремля. Инв. № МР-1148.
- ³⁶ Там же. Инв. № ДК-129.
- ³⁷ The Robert Lehman Collection at the Metropolitan Museum of Art. Vol. XV. European and Asian Decorative Arts. N. Y., 2012. P. 112–114.
- ³⁸ Оправа медальона, выполненная в Праге в 1602 г. См.: *Haag S.* Op. cit. S. 174–175.
- ³⁹ Медальон в эмалевой оправе, выполненный в Милане в конце XVI в. Художественный музей Вены, Schatzkammer № GSD32. См.: *Kunsthistorisches Museum Vienna...* S. 275.
- ⁴⁰ Музеи Московского Кремля. Инв. № МР-1148.
- ⁴¹ The Robert Lehman Collection ... P. 114–115.
- ⁴² *Kunsthistorisches Museum Vienna...* S. 275.
- ⁴³ Наперсный крест, Италия XVI в., музей Метрополитен. Инв. № 32.100.305.
- ⁴⁴ The Robert Lehman Collection... P. 112–114; Зиндрам Д. Сокровища дрезденского музея «Грюнес Гевельбе». Лейпциг, 2008. С. 33; щиток с гербом курфюрста Августа (Дрезден, 1586 г.), подвеска в виде креста (Южная Германия, конец XVI в., Художественный музей Вены. *Kunstammer*, № 9022); крест второй половины XVI в., (Германия, музей Метрополитен, Инв. № 32.100.306); оправка медальона, исполненная в Праге в 1602 г. См.: *Haag S.* Op. cit. S. 174–175.
- ⁴⁵ Музеи Московского Кремля, Инв. № Ж-528/1-2.
- ⁴⁶ Цепь начала XVI в. (Германия) Grassi Museum fur Angewandte Kunst Leipzig. Standige Ausstellung Antike bis Historismus. Leipzig, 2009. S. 356; медальон с изображением Мандилиума (Германия, около 1500 г. Grassi Музеум, Лейпциг).
- ⁴⁷ *Pechstein K.* Deutsche Goldschmiedekunst vom 15 bis zum 20 jahrhundert aus dem germanischen nationalmuseum. Berlin, 1987. Ab. 1.
- ⁴⁸ Staatliche Kunstsammlungen Dresden. Инв. № Y 0353 C.
- ⁴⁹ Музеи Московского Кремля. Инв. № Ж-1749/1–2.
- ⁵⁰ Staatliche Kunstsammlungen Dresden. Инв. № L 7.
- ⁵¹ Сергиево-Посадский музей. Инв. № 114–119 их.
- ⁵² Музеи Московского Кремля. Инв. № МР-1148.
- ⁵³ *Зиндрам Д.* Указ. соч. С. 30.
- ⁵⁴ *Bukovinska B., Konecny L.* Op. cit. S. 15–38.
- ⁵⁵ *Kunsthistorisches Museum Vienna...* S. 51.

- ⁵⁶ Подвеска в виде креста (Южная Германия, конец XVI в., Художественный музей Вены. *Kunstammer*, № 9022).
- ⁵⁷ Музеи Московского Кремля. Инв. № Ж-554/1–2.
- ⁵⁸ Там же. Инв. № Ж-2161/1–2.
- ⁵⁹ Там же. Инв. № КН-29/1–2.
- ⁶⁰ Царский храм: Святыни Благовещенского собора в Кремле. М., 2003. С. 107.
- ⁶¹ GRASSI Museum für Angewandte Kunst Leipzig. *Ständige Ausstellung Antike bis Historismus*. Leipzig, 2009. S. 46
- ⁶² *Bukovinska B., Konecny L.* Op. cit. S. 15–38.
- ⁶³ Музеи Московского Кремля. Инв. № Р-15.
- ⁶⁴ *Schatze des Glaubens. Meisterwerke aus dem Kunstgewerbemuseum*. Berlin, 2010; переносной алтарь XI в. (кат. № 9), крест XII в. (кат. 21), реликварий 1185–1189 (кат. 39); литургический прибор из музея Метрополитен. Собрание Клойстерс, Германия, 1230–1250 гг. См.: *Treasures of Heaven. Saints, Relics and Devotion in Medieval Europe* / Ed. by M. Vagnoli, H. Klein, G. Mann, J. Robinson. L., 2010. № 44.
- ⁶⁵ Ковчег с черневым изображением сцен мучения английского святого Томаса Бекета. Англия, 1173–1180 гг. См.: *Treasures of Heaven. Saints, Relics and Devotion in Medieval Europe...* № 97; Диптих со сценами Рождества и Поклонения волхвов, выполненный около 1500 г. во Франции. См.: *Boehm B.D., Little C.T., Evans H.* The Metropolitan Museum of Art Bulletin. New Series. 2000. Vol. 58 (2). P. 1–21; книга с черневыми изображениями Страстей Христовых (Художественный музей Вены, Кунсткамера. Инв. № 9023).
- ⁶⁶ *Rosenberg M.* Geschichte der Goldschmiedekunst auf technischer Grundlage. Niello seit dem Jahre 1000 nach Chr. Frankfurt am/M., 1925; Термин «рах» переведен в русском языке как «поцелуйная икона, см.: *Крыжановская М.Я.* Западноевропейская резная кость Средних веков. Каталог коллекции Государственного Эрмитажа. СПб., 2014.
- ⁶⁷ Значительная коллекция подобных предметов хранится в собраниях музея Борджелло, Флоренция (в основном не опубликовано), археологического музея Пизы, Сиены (не опубликовано). Большое разнообразие подобных образцов показывают английские (Британский музей, Музей Виктории и Альберта, Уоллес Коллекш) и американские (музей Метрополитен, Нью-Йорк, Уолтер Гэлери в Балтиморе) коллекции – изображения некоторых произведений доступны в онлайн коллекциях на сайтах музеев.
- ⁶⁸ Реликварий, 1482–1496 гг. Музей Виктории и Альберта. Инв. № 704–1884. См.: *Davies G., Kennedy K.* Op. cit. P. 206–207.
- ⁶⁹ Музей Метрополитен. Инв. № 17.190.499. См.: *Bunt C.* A Florentine Nielloed Cross // *The Burlington Magazine for Connoisseurs*. 1934. Vol. 65 (376). P. 26–30.
- ⁷⁰ Оклад молитвослова (Венеция, XVI в. – Британский музей. Инв. № WB.224). Оклад Евангелия кардинала Жана Балю хранится в коллекции Уейд в Музее искусств в Кливленде, см.: *Milliken W.* A Niello Book Cover of the Fifteenth Century // *The Bulletin of the Cleveland Museum of Art*. 1952. Vol. 39 (6). Part I. P.119–121.
- ⁷¹ *Rosenberg M.S.* Op. cit. S. 67.

Пластические серии Виктора Неплюева (Опыт приобщения к традиционному искусству)

В статье анализируется развитие малых пластических форм в русском искусстве на примере творчества Виктора Неплюева. Доказывается, что серийный принцип позволил художнику учредить особый ритмический строй, усиливший выразительность произведений. Творческая эволюция этого художника показывает потенциал стиля в малых пластических формах для разработки новых сюжетов.

Ключевые слова: Виктор Неплюев, гжель, сюжет в искусстве, стиль, серия в искусстве.

Сегодня трудно представить, каким бы мог быть творческий путь Виктора Вячеславовича Неплюева, если бы судьба не свела его с гжельским материалом. Яркая креативная энергия, без сомнения, и вне гжели нашла бы выход, а искусство мастера было бы узнаваемым. И все же эта встреча с богатой уникальной традицией дала молодому художнику творческое направление и определила целостный характер его искусства. Неплюев появился на промысле в 1980 году на гребне его растущей популярности и стал одним из тех, кто послужил расцвету новой гжели.

В конце семидесятых – начале восьмидесятых всеобщий интерес к самобытному искусству Гжели потянул сюда творчески активную молодежь. Происходило «омоложение» коллектива: складывался крепкий творческий блок, который не уступал в достижениях старшим мастерам: Л.П. Азаровой и Н.Б. Квитницкой. Имевшие различные школы и происходившие из разных мест В. Розанов (Рубинштейн), Ю. Гаранин, Т. Федоровская и С. Олейников, М. Подгорная и А. Царегородцев, В. и Т. Хазовы, Н. Туркин и М. Коваленко, Ю. Петлина, И. Григоренко и еще многие другие находили в гжельской традиции каждый свое: жанр, тему, стилистику письма, вели одновременную разработку многих направлений, а главное – сумели разглядеть специфику локальной культуры, ее содержательную основу и эмоциональные черты. Перенимая

опыт старших, творческая молодежь привносила актуальный элемент текущего момента в традиционный материал.

Профессионально подготовленным новичкам с ориентацией на свободное творчество даже в строго обозначенном поле традиции гжели было комфортно на объединении, так как каждый имел достаточно независимого индивидуального пространства. Это ощущение личной свободы, которое в традиционном искусстве дает варьирование, было самым ценным для творца, воспитанного на приоритетах индивидуальной работы, крепко привязывало его к промыслу. Успехи в методике организации творческого труда, достигнутые на том этапе, дали видимые результаты. Постоянные мероприятия по сохранению традиционных основ гжельского искусства: регулярные творческие семинары и художественные советы, обилие методических пособий, подготовленных специалистами НИИ художественной промышленности, обширная библиотека специальной литературы, консультации и общения со специалистами – способствовали погружению в материал открытых к исследовательской работе художников.

Этот интеллектуальный фактор определил характер гжельской творческой практики семидесятых-восемидесятых годов. Теперь отношения художников с традицией строились не только на соответствии с ремесленной составляющей, которая все больше видоизменялась, например в приемах письма, но больше претворялись в выявлении сути традиционного искусства. В современных гжельских произведениях, особенно в мелкой пластике, появились интонации тонкой связи с духовным строем наследия, идущей не от внешней фольклорности разработок, а от постижения мировоззренческой природы локальной культуры. Это было самым ценным достижением проделанной в гжели с момента ее восстановления работы. Образованные, внимательные к деталям и чуткие к психологии творчества художники за стилистикой старого гжельского искусства сумели увидеть то, что было им необходимо для понимания содержательной и эмоциональной сути местного явления, найти точки соприкосновения старого и нового. Это определило строй искусства и весь характер творческого процесса на обновленном промысле.

Искусство Виктора Неплюева сложилось из двух начал: феномена сильной одаренной творческой личности и феномена традиции. Из богатейшего гжельского наследия Неплюев выбрал пластику. Без сомнения, интерес к пластической традиции гжели был обусловлен особенностями дарования художника, но исторический материал позволил резче обозначить присущую ему склонность к ремеслу скульптора, надолго привязал к себе мастера. При

этом своеобразный склад характера и направленность творческой мысли художника не допускали компромиссов. Он искал в традиции гжели поддержки собственным идеям, а не безвольно следовал ей. Виктору удалось выделить из традиции основополагающие принципы: доминирующее пластическое начало, содержательную глубину сюжетов, их тонкую связь с декоративным строем произведения, занимательность образов и живость их трактовки. И еще: гжельские мастера создавали оригинальное искусство, понятное и занятное для членов своего сообщества. Темы и образы брались из жизненных ситуаций, мастера питались впечатлениями собственной среды. Все это, как оказалось, было чрезвычайно важным для Неплюева. Он был чуток к окружающему миру, тоже хотел говорить о том, что занимает его и что понятно его современникам. По этой причине традиция гжели органично вошла в его творческие интересы.

Первые годы, как пишет сам художник, он занимался исключительно мелкой пластикой. Впечатления от самобытной среды, ярких типажей были настолько сильными, что ему сразу удалось найти емкую форму для своих произведений – серийное решение. Это позволяло, не перегружая отдельные эпизоды серии, полнее выражать идею, раскрывать содержание, сохранять лаконизм языка в каждой композиции.

Первой стала серия «Народные промыслы» (1980). Ее успех в ряду других следует объяснить вхождением автора в эту самобытную область отечественной культуры, эффектом ее воздействия на художника. В ней запечатлены подходы художника к реализации пластических идей. Не только наблюдательность подсказала размер фигурок. Думается, что выбор миниатюры был органичен авторскому чувству объема. Действительно, дальнейшее творчество показало, что избранный размер явился наиболее комфортным для Неплюева, стал даже неким модулем для сложносочиненных композиций. Что касается качества пластического решения серии «Народные промыслы» следует отметить в ней еще недостаточное обозначение в образах внутренних модуляций, к тому же и сами фигурки статичны по решению. Заметно, что автор еще находился в плену внешнего типажа образов.

Этот недостаток он преодолевает в следующих сериях: «Дворники» (1981), «Дровосеки» (1982), «Народные игры» (1983), «Строители» (1983), которые строит на принципе активного движения. Это придает динамичность композициям, но в них появляется нечто более значительное: художник овладевает передачей внутренней энергии персонажей средствами пластики. Его актив-

ные фигурки выглядят воплощением энергетического сгустка. Он добивается этого благодаря верно взятому объему массы, выразительной моделировке движения, пропорциональности отношений деталей и целого.

При этом нельзя не отметить мастерство владения материалом. Сохраняя обобщенную «глиняную» трактовку объемов, художник благодаря специфической жесткости фарфора достигает эффекта сбитой, а не рыхлой формы, более жестко акцентирует необходимые детали. Очарование его подвижных, деятельных фигурок заключается в выразительной линии силуэтов, в искрометности использованных приемов, в редких, но неожиданных и точных детализировках. Неплюев всегда добивается выразительной мимики лица, находя гармоничную переключку с осуществляемым действием.

На этом же принципе komponуется декор: он возникает только там, где без него никак нельзя обойтись, при этом в композиции выдерживается баланс контраста кобальта и белого фарфора. В лучших традициях старой гжели художник акцентирует необходимое декоративными прописками. Все вместе создает увлекательное зрелище. Серийность решения дала автору возможность развить действие, а зрителю – насладиться многообразием ситуаций. У каждой группы был свой ритмический строй, характер воплощения темы, которые являлись выражением авторской идеи, точно расставленных акцентов. Все эти наброски вошли в копилку собственных средств художника.

В «Дворниках» серийную композицию Неплюев выстраивает на принципиально разных приемах: сочетает стоящие и действующие персонажи. Два дворника со снегоуборочной лопатой и метлой напряженно трудятся, тратят массу усилий, а трое других статичны. Такой прием дает более сложную разработку композиции, благодаря контрасту. Но стоящие фигурки также чрезвычайно активны: они эмоционально беседуют, жестикулируют. Автор их группирует: две вместе и одну обособленно, что позволяет вариативно располагать композицию. Одиночная фигура при этом не выглядит забытой. Она обращается к кому-то с указующим жестом и поэтому может составить группу с любым из дворников или стать третьей к двум другим. Прием группового разнообразия, позволяющий создать акценты масс в композициях, Неплюев будет использовать многократно.

Сочетание одиночных фигур и сдвоенной группы художник использует уже в следующей серии, «Дровосеки». Ее ритмическим модулем стал шаг фигурок. Его очертание повторяется в распилочных «козлах». При выразительности энергичных движений

работающих он аккумулирует энергию движения, служит связующим приемом для всей композиции. «Дровосеки» стали новой ступенью в освоении молодым художником пластических модуляций. Он оттачивал их в ярких и неожиданных темах. Одной из таких стала серия «Народные игры». Сложившийся у Неплюева тип крепко «сбитой» фигурки был виртуозно доведен здесь до совершенства. Герои этой серии выглядели неваляшками: они были упругими, как сгустки энергии.

Следует отметить активное вхождение Неплюева в работу. Он не только много и плодотворно работал, но, что чрезвычайно важно, промысел помог ему обнаружить тематическое многообразие подсказанного традицией материала, который оказался органичным его творческой натуре.

Профессиональная среда, в которую окунулся вчерашний выпускник Строгановки, предстала в серии «Фарфористы» (1983). Она строится на переключке слаженной работы разных специалистов гжельского промысла. «Посмотришь и действительно удивишься тому, сколько же людей занято в «рождении» гжельского сувенира. Здесь и модельщик, и гипсолитейщик, и живописка, и литейщица, и глазуровщица, и разносчица товара, и обжигальщик», – вспоминал позже свои первые впечатления художник.

В этой серии, помимо узнаваемой к тому времени авторской пластической манеры, запечатлелось любованье типажам, созданными на основе знакомых ему людей, его коллег. Тема была интересна самому автору, но и не менее занята для близкого круга зрителей. Что касается обычных зрителей – их увлекало рассматривание ряда автономных фигурок, неуловимым образом сцепленных между собой. В известной степени это достигалось одним размером фигурок, их единым типом конституции, общей бодрящей динамикой движения. На этом принципе ритмическая выстроенность подчиняла и глаз зрителя, взгляд которого переходил с фигурки на фигурку, любуясь целостностью композиции.

Уже в этих ранних сериях сложились авторские приемы, отличавшие стилистический почерк Неплюева. Художника занимала не только передача типического, что присуще народной традиции. Он стремился при этом своим героям придать точные индивидуальные характеристики. Следуя старым гжельским мастерам, он не только освоил приемы условных решений и обобщенных трактовок пластики, но и обучился использованию выразительных акцентов, помогающих смысловому раскрытию содержания серий. Достаточно обратить внимание на головные уборы героев и их моделировку, всегда соотносящуюся с конкретными трактовками, а также на точные живописные акценты. Эта школа дорогого стоила, так

как приучала молодого художника избегать внешнего многословия и добиваться глубинных разработок сюжета.

Серии, которые стали формой пластического решения сюжета, свидетельствовали о сложившемся типе творческого мышления мастера. Появлявшиеся одна за другой, они быстро принесли известность автору и были связаны с процессом серьезного изучения местной традиции. Как сегодня видно, самыми плодотворными работами были те, что возникали на родном материал: «Строители», «Домашние хлопоты» (1983–1990), «Сенокос» (1981–1988), «Рыбаки» (2000), «Зимние забавы» (2000). Традиционная преемственность в работах Неплюева не назойлива, не «бьет в глаза». Она – в культуре раскрытия образа, в мере вкуса, во всем том, что можно назвать школой. Работая с традиционным материалом, художник избегает нарочитых связей, подчеркнутости внешне узнаваемых признаков гжели. Художник выступает от своего лица и говорит своим стилистическим языком, поэтому его настоящие на традиции пластические типы современны. С 1989 года он работает в соавторстве со Светланой Жуковой, которая в декорировании скульптур тонко развивает пластические идеи автора.

С новыми веяниями в искусстве в перестроечное и постперестроечное время несколько изменилась стилистика художника, своеобразными стали темы, но произведения, созданные в период тесной работы с традиционным материалом, свидетельствуют о достойном опыте, который уже невозможно утратить, и он навсегда остается критерием художественности в новых авторских поисках. Уроки народного искусства для современной художественной практики важны не только как этнографический материал, а ценны как базовые основы, способствующие сохранению культурной традиции в подходах к реализации творческих проектов.

Прокатные судьбы отечественных фильмов

Статья посвящена рассмотрению одной из важнейших проблем теории киноискусства. Автор исходит из того, что кинематограф с первых дней своего существования являлся в том числе и частью массовой культуры. Даже в советский период на кино возлагались задачи заполнения сферы досуга. В условиях неразвитости этой сферы кино восполняло эту потребность общества. Отсюда – повышенный зрительский спрос на фильмы. Но здесь истоки и тех проблем, которые возникли с отечественными кинокартинами в условиях рыночной экономики, что исторически совпало с общей коммерциализацией мирового кинематографа, что в рамках глобализации не могло не затронуть российский кинематограф.

Ключевые слова: массовая культура, аудитория, искусство, глобализация, прокат, киноиндустрия, экранная культура.

С момента рождения кинематографа традиционная для искусствоведения терминология потребовала уточнений. Эти уточнения в определенные исторические периоды по мере становления и развития экранных искусств обретали новое содержание, так как вслед за кинематографом появляется телевидение (в различных его ипостасях), а затем и интернет.

Рассмотрим аспекты этого вопроса, которые, казалось бы, далеки от классического искусства.

Кинематограф, как одно из следствий научно-технического прогресса, практически одновременно появился в ряде стран, но датой его рождения признано 28 декабря 1895 года, когда братья Луи и Огюст Люмьеры организовали первый общественный киносеанс. И хотя в те годы применительно к экрану понятие «аудитория» еще не употреблялось, фактически проблема «кино и зритель» уже тогда была заявлена в качестве одной из центральных проблем киноведения, как составляющей искусствоведения.

«Если “ожившая фотография”, поразив обывателя, явилась первым стимулом, который вызвал к жизни феномен массовости

кино, – отмечает М. Жабский, – то массовость в свою очередь была тем первым социальным свойством кинематографа, которое озадачило социальные институты...»¹

Массовость не являлась завоеванием исключительно кинематографа, хотя это понятие с появлением кино обрело иной смысл. Промышленная революция, переход от ручного труда к машинному коснулись и сферы искусства. Появилась возможность тиражирования произведений литературы и изобразительного искусства. Но контакт между потребителем и тиражированным произведением, с одной стороны, носил индивидуальный характер, с другой – обозначил такую проблему, как «спрос – предложение». И далеко не всегда массовым спросом пользовались те художественные произведения, которые и современниками, и потомками признавались как эстетически, исторически и социально значимые для человечества. Отсюда наряду с термином «культура» появляется сегодня уже привычное словосочетание «массовая культура», которое все более широко начинается употребляться в XX веке.

И кинематограф появляется именно как порождение массовой культуры. Тиражированность являлась неотъемлемой составляющей любого фильма, а проблема «спрос – предложение» приобрела особую значимость в сравнении с другими искусствами. При этом с течением времени отдельные «продукты» кинорепертуара становятся признанными человечеством явлениями кинематографического искусства.

С этой точки зрения кино уже к 20-м годам прошлого столетия стало занимать особое место в ряду других искусств, что особенно ярко проявляется при сопоставлении театральной постановки и фильма.

Как и все другие искусства, созданные человечеством, театр вырос на фундаменте народного творчества. Но если изобразительные (живопись, графика, декоративно-прикладное искусство, скульптура) и неизобразительные (литература, музыка) искусства на протяжении тысячелетий развивались однонаправленно, то театр оказался единственным в ряду зрелищных искусств, где рядом с ним, едва ли не равных, соседствовали близкие по художественным формам и выразительным средствам опера, эстрада и цирк, а на стыке театра и музыки – хореография и балет. Легко заметить, что аудитория зрелищных искусств зависела от масштабов зрительного зала, и, будь то арена, стадион или площадное действие, представление одновременно было доступно в большей или меньшей степени ограниченной по численности аудитории.

С появлением кинематографа тиражированность сделала возможным единовременный охват аудитории, несопоставимой в количественной измерении с другими видами искусств.

Так, например, вслед за практикой мировых кинопремьер в нашей стране с начала 1980-х годов стали проводиться всесоюзные премьеры. Первым в этом ряду оказался фильм Е. Матвеева «Особо важное задание» (1979). Рекордный для своего времени тираж – 1347 копий – призван был охватить огромную аудиторию. Но число зрителей, посмотревших этот фильм – 43,3 млн, – оказалось не столь весомым, как это может показаться.

Напомним, что в те времена отечественная отрасль фиксировала сведения об итогах посещаемости за первый год проката. Так что названная цифра – это не количество зрителей, посмотревших «Особо важное задание» в день премьеры, а общий итог проката за год.

Для сопоставления: так выглядела первая десятка лидеров советского проката к началу 80-х годов прошлого столетия (и этот результат не изменился в последующие годы):

Пираты XX века (1980)	87,6
Москва слезам не верит (1980)	84,4
Бриллиантовая рука (1969)	76,7
Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика (1967)	76,5
Свадьба в Малиновке (1967)	74,8
Экипаж (1980)	71,1
Операция «Ы» и другие приключения Шурика (1965)	69,6
Щит и меч (1968)	68,3
Новые приключения неуловимых (1969)	66,2
А зори здесь тихие... (1973)	66,0

Хотя зарубежные фильмы выходили в советский прокат в ограниченном количестве (порядка 100 в год при отечественном производстве около 150) и в их ряду преобладали ленты стран социалистического содружества, тем не менее и здесь были свои лидеры, цифры посещаемости которых любопытно сравнить с приведенными выше:

Есения (1971)	Мексика	1975 ²	91,4
Великолепная семерка (1960)	США	1961	67,0

Бродяга (1951)	Индия	1954	63,7
Золото Маккенны (1969)	США	1974	63,0
Спартак (1960)	США	1967	63,0
Бобби (1973)	Индия	1975	62,6
Белое платье (1973)	Египет	1976	61,0
Танцор диско (1983)	Индия	1984	61,0
Мститель (1976)	Индия	1978	60,0
Четыре мушкетера Шарло	Франция	1974	56,6

В качестве комментариев к этим цифрам приведем несколько немаловажных обстоятельств.

В советский период истории у руководителей отрасли был мощный регулятор зрительской посещаемости. При крайней скудности сферы досуга и развлечения, кино было самым (точнее, единственным) широкодоступным зрелищем. Поэтому и по доходам, приносимым в бюджет, долгие годы кинематограф занимал прочное второе (после алкоголя) место. При этом фильмы, идеологически спорные, редко запрещались к выходу на экран. Цифра законченных производством кинокартин в условиях планового хозяйства должна была соответствовать цифре выпущенных на экран. В противном случае, как принято говорить сегодня, это означало бы нецелевое использование бюджетных средств. Поэтому достаточно было выпустить на экраны тот или иной фильм минимальным тиражом – 20 копий – в небольших городах и кинотеатрах, да еще в отпускной период, чтобы отчитаться: фильм «провалился» в прокате, не пользуется интересом со стороны зрителей, что свидетельствует о «зрелости» аудитории, не принимающей спорные фильмы.

Помимо цифр существовала и реальная картина. Авторские фильмы, как принято говорить сегодня, лучшие работы А. Тарковского, С. Параджанова и ряда других мастеров кино были долгожителями экрана, а любой читатель этих строк может найти подтверждение этому, пролистав подборки газет «Московская кинонеделя» или «На экранах Подмосковья» за 1970–1980-е годы. Даже в то время, когда А. Тарковский уже эмигрировал, а С. Параджанов находился в заключении, в одном-двух кинотеатрах столицы (как правило, отдаленных от центра) можно было найти в репертуаре фильмы «Андрей Рублев» или «Цвет граната». Так что яркие произведения советского кинематографа десятилетиями были доступны заинтересованной части аудитории.

Таким образом, административный регулятор иногда давал сбой. Но полностью он исчерпал себя к середине 1980-х годов, когда кинопроизводство стало с трудом оправдывать себя в прокате. Так, в 1984 году более половины отечественных фильмов с трудом преодолевали планку в 5 млн зрителей, к 1987 году количество таких кинолент значительно увеличилось, а привычная и всех успокаивающая цифра (20 посещений кинотеатра в год на человека) к 1987-му уменьшилась до 12–13. При этом общее количество кинозрителей за год на *все фильмы репертуара* составило 3,8 млн, что выразилось в еще одной цифре: кассовые сборы от проката фильмов едва приближались к одному миллиарду рублей (стоимость билета в кино в те годы – 30–50 копеек).

Напомним, до этого цифры посещаемости как отечественных, так и зарубежных фильмов были доступны только узкому кругу специалистов. Что касается кассовых сборов, то эта информация была закрытой. Считалось, что только на Западе придают значение *box office*.

Но время перестройки внесло серьезные коррективы в экономическую жизнь страны, что, естественно, не могло пройти мимо киноиндустрии. Впервые кинематографисты, прежде настаивавшие на независимости творческого процесса со стороны руководства отрасли, стали говорить о продвижении своих фильмов, о кассовых сборах, от чего прямо пропорционально зависела и их дальнейшая творческая работа. Но, увы, было уже поздно, ибо именно с середины 1980-х годов более широко, чем прежде, отечественный экран оказался заполнен зарубежными фильмами; активное распространение получает видеоиндустрия, мощный рыбок совершает телевидение. Таким образом, кино из единственного, «важнейшего», становится уже не главным составляющим индустрии развлечений.

Примечательно, что и за рубежом, где кинематограф всегда был «одной из» составляющих мощной индустрии развлечений, именно в эти годы начинаются необычные, но крайне важные для экранной культуры процессы, которые в должной степени мы можем оценить только с высоты сегодняшнего дня.

Напомним, что при всех различиях отечественного и западного общества уже со второй половины 1980-х годов начинаются процессы глобализации, связанные с общей эволюцией человечества, вступившего в постиндустриальный этап развития цивилизации, в рамках которого уже стали появляться черты будущего информационного общества. В 1990 году на экраны США выходит первый сезон знаменитого телесериала Дэвида Линча «Твин Пикс», обозначающего переломный момент в развитии экранной культуры. На наш взгляд, именно здесь обозначился переход кино на периферию

спецеффектов, 3D-технологий, Dolby Stereo и Surround и других технологий, фактически на новом этапе возрождавших идеи, еще в 1920-е годы заложенные Сергеем Эйзенштейном в классической теории «монтажа аттракционов». А с выходом культового телесериала «Клан Сопрано» (1999) становится очевидным, что центральные для культуры проблемы уходят в сериалы.

Отечественный кинематограф в тот период своей истории (как, впрочем, и сегодня) еще в полной мере не осознал значимость этих процессов. Масштабные перемены в идеологии, экономической и политической жизни СССР (а с 1991 года – России) ставили перед кино иные задачи: с одной стороны – художественное осмысление этих процессов, с другой – выработка правил жизнедеятельности в условиях рыночной экономики.

Успехи в решении этих задач носили «точечный», паллиативный характер. Выход на экраны так называемых «полочных картин», разработка запрещенных прежде тем («Маленькая Вера» В. Пичула, «Интердевочка» П. Тодоровского), отдельные успехи на международных кинофестивалях («Астенический синдром» К. Муратовой, «Урга» Н. Михалкова), яркие дебюты молодых («Доминус» А. Хвана, «Замри-умри-воскресни» Л. Каневского, «Кагафалк» и «Любовь» В. Тодоровского, «Такси-блюз» П. Лунгина), казалось бы, внушали определенные надежды на новый этап в развитии отечественного кино, но отсутствие заметных успехов в прокате не могло «притушить» общего ощущения продолжающегося кризиса. Его апогеем стал 1991 год, когда было выпущено 213 фильмов, которых зритель практически не увидел.

И хотя в 1992 году было создано 172 фильма, львиная доля которых снималась на деньги частных фирм, банков, акционерных обществ и прочих организаций, их отсутствие в прокате, а соответственно, и возвратного механизма затраченных средств неизбежно вело к утрате со стороны инвесторов интереса к кинематографу как прибыльной отрасли. В свою очередь менталитет самих кинематографистов и условия, в которых они оказались, требовали вмешательства государства как регулятора киноиндустрии. Да и руководство страны (как и в прежние годы, так и сегодня) понимало важность визуального искусства как инструмента идеологии, несмотря на многообразие экономических проблем, перед ним стоящих. К концу 1990-х годов кинопроизводство сокращается до 35–40 фильмов в год. Признание на международном уровне отдельных лент (самой крупной удачей был приз Каннского и других фестивалей, а также премия «Оскар», присужденные работе Н. Михалкова «Утомленные солнцем»), знаковые для того периода фильмы «Кавказский пленник» С. Бодрова (1996) и «Брат» А. Балабанова

(1997), сравнительно громкий зрительский успех «Особенностей национальной охоты» А. Рогожкина (1995) – все это по-прежнему носило «точечный» характер, позволило российскому кино выжить и существовать, но отнюдь не выдвинуло его в лидеры мировой киноиндустрии и мирового кинопроката.

Минувший – 2016-й – год был объявлен Годом российского кино, ибо в планах Фонда кино (читай: Министерства культуры РФ) находилось несколько проектов, призванных вернуть отечественному кино если не былые, то значимые высоты. Как-то забылся опыт истории – за один день и по мановению волшебной палочки победы не свершаются. Можно достигнуть каких-то знаковых точек, которые должно если не развивать, то хотя бы дать возможность анализировать. Особенно в условиях глобализации и основных параметров эволюции информационного общества.

Итак, попытаемся обозначить эти точки.

Самая простая, которую избрали руководители Министерства культуры РФ и Фонда кино, – кассовые сборы. Победно рапортуется о том, что «Викинг» достиг рекордных результатов. Оставим пока в стороне художественные достоинства этой работы, которые вызвали неоднозначную оценку и у зрителей, и у критики. Обратимся к «голым цифрам».

Неискушенного зрителя они могут и впечатлить. Но не грамотных специалистов, которые помнят опыт и цифры (подчас подтасованные) отечественного проката. История повторяется. Как напоминает авторитетный киновед Сергей Лавров, половину кассовых сборов забирают кинотеатры, 10–15% – дистрибьютеры. Таким образом, если посмотреть на то, что мы имеем, увидим такие цифры³:

Фильмы широкого проката:

Название фильма	Бюджет	Сборы
Голоса большой страны	\$ 2,4 млн.	\$ 0,3 млн.
Ночные стражи	\$ 3,5 млн.	\$ 0,49 млн.
Герой	\$ 7 млн.	\$ 1,5 млн.
Молот	\$ 5,8 млн.	\$ 1,42 млн.
Спарта	\$ 2 млн.	\$ 0,65 млн.
Млечный путь	\$ 2,4 млн.	\$ 0,84 млн.
Дуэлянт	\$ 11,5 млн.	\$ 5,94 млн.
Хардкорд	\$ 5 млн.	\$ 2,59 млн.
Ледокол	\$ 10,5 млн.	\$ 5,57млн.

Фильмы неширокого проката:

Название фильма	Бюджет	Сборы
Контрибуция	\$ 3,8 млн	\$ 80 тыс.
Чистое искусство	\$ 3,7 млн	\$ 110 тыс.
Коробка	\$ 1,5 млн	\$ 150 тыс.
Дама пик	\$ 3,5 млн	\$ 470 тыс.
Разборка в Маниле	\$ 3,5 млн	\$ 540 тыс.

Арт-хаус/Ограниченный прокат:

Название фильма	Бюджет	Сборы
Милый Ханс, дорогой Петр	\$ 4,2 млн	\$ 15 тыс.
Тайна Снежной Королевы	\$ 5 млн	\$ 18 тыс.
Кольца мира	\$ 1,5 млн	\$ 13 тыс.
Монах и бес	\$ 6 млн	\$ 70 тыс.

Не думаю, что анализ прокатной судьбы фильмов, вышедших в конце года («Викинг», «28 панфиловцев», «Елки 5», «Зоология», «Притяжение», «Рай» и некоторые другие) существенно изменит эту расстановку. А сопоставление проката зарубежного (прежде всего американского) и отечественного кино будет отнюдь не в пользу последнего, хотя «Викинг» оказался первым российским фильмом, вошедшим в топ-10 лидеров мирового проката.

Здесь следует напомнить, что в отечественном прокате «Викинг» оказался на третьем месте (после «Сталинграда» и «Экипажа»). При бюджете \$ 20 млн «Викинг» собрал чуть больше \$ 27 млн. Используя цифры С. Лаврова, мы можем увидеть, что заявление о том, что фильм полностью оправдал себя, представляется спорным. Тем более, что заявление ряда профессиональных изданий о том, что «Викинг» опередил «Экипаж», не соответствует реальным цифрам из-за скользящего курса доллара (стоимость производства и рекламной кампании фиксируется в рублях, а проката, по аналогии с зарубежной традицией – в долларах).

Еще раз напомним. У отечественного кино была выработана своя система ценностей, существовала своя проблематика, отличная от зарубежных. Стремление слепо следовать западной традиции, с одной стороны, не позволило подняться до уровня лучших образцов мирового кино, с другой – разрушило годами выработанную традицию. Найти «золотую середину» российскому кинема-

тографу так и не удалось. Не случайно на телеэкране преобладают не современные картины, а фильмы советского периода истории, потому что они более привлекательны для зрителя, даже для молодежи, рождение и взросление которой происходило после 1991 г. Требованиям аудитории отвечают и рекордсменами по кассовым сборам становятся только анимационные фильмы («Иван Царевич и Серый Волк», «Три богатыря: ход конем», «Три богатыря и Морской царь» и др.), так как они органично сочетают лучшие традиции прошлого отечественной мультипликации и проблемы и технологии дня сегодняшнего.

Итак, Год российского кино особых завоеваний не принес, но определенный фундамент был заложен, и есть надежда, что в ближайшие годы мы увидим фильмы, спрос на которые будет адекватен интересу к американскому кинематографу.

Примечания

¹ *Жабский М.И.* Социокультурная драма кинематографа. Аналитическая летопись (1969–2005 гг.). М., Канон+, 2009.

² Год выхода фильма на экраны СССР.

³ Опять ссылаемся на С. Лаврова, но приводим не полный список вышедших картин, а только «лидеров». И обратим внимание на то, что значительную часть названных ниже фильмов читатель этих строк вряд ли легко вспомнит.

И.Ю. Перфильева

Ювелирные украшения
в семиотическом поле
советского кинематографа
второй половины 1930-х гг.*

Судьба ювелирных украшений в первые послереволюционные десятилетия складывалась драматично: от принципиального игнорирования как знаков, маркирующих буржуазную культуру «старого мира», до использования в качестве маркеров в семиотическом поле новой советской культуры. Ярче всего эволюция их статусного значения проявилась в советском кинематографе 1930-х гг. Во второй половине десятилетия их роль в характеристике персонажей постепенно возрастала и обретала символическое значение в комплексе других функциональных знаков, расшифровывающих смысло содержание сюжетов различных жанров киноискусства этих лет.

Ключевые слова: социальный маркер, гендерный маркер, дидактическое значение, аксессуары, вспомогательные средства, сатира, ирония, бусы, броши.

Во второй половине 1930-х гг., когда в центре советского кинематографа прочно утверждается однозначно положительный герой, олицетворяющий собою торжество социалистического реализма как основной художественно-стилистической тенденции, «роль» диалога таких деталей, как ювелирные украшения, становится явной. Идеологическую основу обеспечил всероссийский конкурс на сценарии комедий, объявленный Комитетом по кинематографии в конце 1939 г., ставивший задачи «создания высокохудожественных комедийных фильмов на темы современной действительности»¹. На самом деле эти мероприятия лишь фиксировали нарастающие тенденции в реалистической комедии, где переплетаются две стороны жизни: утверждающие и отрицающие

© Перфильева И.Ю., 2017

* Статью И.Ю. Перфильевой «Ювелирные украшения в семиотическом поле советского кинематографа первой половины 1930-х гг.» см.: Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 2 (8).

интонации, юмор и сатира, смех и насмешка: жизнеутверждающий пафос торжества нового не мешал бичевать недостатки не только отрицательных персонажей, но неблагоприятные черты и слабости своих современников в быту.

Широчайшее распространение во второй половине 1930-х гг. комедийного жанра, апеллирующего одновременно и к зрению, и к слуху публики, привлекало в кинотеатры людей, целиком отдававшихся визуальному восприятию ситуаций, понятных и без вникания в диалоги и реплики персонажей.

По мере проведения идеологической программы по развитию советского кинематографа в сторону придания ему воспитательных функций неуклонно растет «говорящая» роль украшений в кинолентах. Постепенно формируется их значение как дидактического маркера, обличающего персонаж или показывающего его совершенствование, превращение в социально активную личность.

В комедийных лентах середины 1930-х гг., где по сюжету отсутствовала линия социального развития того или иного персонажа, роль украшений часто сводилась к значению социального маркера, как, например, в фильме «Три товарища» (1935 г. Реж. С. Тимошенко). Развитие образов заменяется развитием отношений между фронтовыми друзьями: директором бумажной фабрики Глинкой (А. Горюнов), начальником лесосплава Лацисом (Н. Баталов) и «блатером» Зайцевым (М. Жаров), судьба которых в мирное время сложилась по-разному. Роль социального балласта отведена жене Лациса Ирине (В. Полонская). Ее антипод – секретарь горкома Варя Глинка (Т. Гурецкая). Типические персонажи – типичные ситуации, типичные украшения и их роль как символического знака социальной принадлежности к определенной группе в обществе. В начале фильма, когда Ирина знакомится с Зайцевым в поезде, она представлена в облике достойной жены начальника. Из украшений на ней только маленькая брошь на берете. Впрочем, эта деталь, характерная для деловой женщины, уравновешена часами. Но, попадая под влияние «блатера» Зайцева, она обнаруживает склонность к «красивой жизни». В домашней обстановке ее мир выглядит совершенно иначе: шелковые халаты-кимоно, украшения и прочие мелочи, обусловленные капризами.

Особенно бурлескно «работают» украшения в музыкальных комедиях середины 1930-х гг. В пронизанной музыкой «голливудской» джаз-комедии положений «Веселые ребята» (1934 г. Реж. Г. Александров) украшения имеют свою немаловажную роль. Этот априори развлекательный фильм-ревю, фильм-концерт, представление обвиняли в отсутствии «социального хребта»². Но спустя годы историки кино признавали, что «в картине стихия комичес-

кого торжествовала в самых разнообразных формах, “низких” и “высоких”³».

В самом начале, когда Леночка (М. Стрелкова), «дитя Торгсина», проходит по пляжу в поисках заграничной знаменитости – дирижера из Парагвая Густава Фраскини (А. Арнольд), а находит местного пастуха Костю Потехина (Л. Утесов), нелепость ситуации многократно усиливается не только и не столько наличием драгоценных украшений, сколько их «звенящим» сочетанием в контрасте с пляжным костюмом и перекинутой через плечо горжеткой из песка. Между отчаянно блестящим на солнце золотом и пушистым мехом идет претенциозный спор за первенство, в то время как их присутствие на пляже под бумажным китайским зонтиком от солнца само по себе абсурдно. Драгоценности из Торгсина присутствуют буквально во всех кадрах, сатирически маркируя претенциозную «элиту» из новой буржуазии. Но нигде более они не выступают так ярко и убедительно, как в этой ключевой сцене, расставляющей все главные персонажи по своим местам.

Несмотря на очевидную зрелищность фильма «Веселые ребята» и кассовый успех, официальная критика упрекала Г. Александрова за его бессодержательность⁴. И приступив к следующей своей работе – над фильмом «Цирк» (1936), он сам написал сценарий, по содержанию абсолютно отвечающий государственной идеологической программе. В основе сюжета судьба, а главное – социальное прозрение героини Марион Диксон (Л. Орлова). Поэтому украшениям в этой киноленте Г. Александрова отведена воспитательно-дидактическая роль. Ключевыми в сюжете являются сцены объяснения Марион Диксон со своим хозяином – импресарио Францем фон Кнейшицем (П. Массальский), объяснение с любимым – Петровичем, колыбельная, которую поет чернокожему сыну героини вся Советская страна, и, наконец, финальный марш физкультурников по улицам Москвы. В первой сцене на героине надето длинное шелковое платье, как во второй половине 1930-х гг. было принято одеваться по вечерам. Его дополняют соответствующие статусу артистки цирка броские модные украшения, в которых широко использовалась пластмасса в самых неожиданных сочетаниях ярких цветов, желтый металл и имитации бриллиантов. Марион мечется по комнате, буквально извивается, увертываясь от напора хозяина. Надетые на ней украшения повторяют динамику ее тела, переход от испуга к ужасу и отворачиванию. Их «говорящая» роль в сложившейся ситуации значительно обостряет драматизм сцены.

В сцене объяснения с Петровичем (С. Столяров) на Марион также длинное шелковое платье, что подчеркивает важность и некоторую торжественность сцены, но нет никаких украшений:

режиссер концентрирует внимание зрителя на внутреннем духовном единстве героев.

Полифония сцены с колыбельной была бы неполной и не такой масштабной без украшений. В ней показаны не только все народы и народности Советского союза, но все социальные слои советского общества. Скользя по рядам, камера представляет его социальную лестницу: женщина с орденом «Мать-героиня», рабочие и колхозники – ударники, удостоенные наград за трудовые подвиги, военные и моряки с многочисленными наградами, выпускники вузов со значками о высшем образовании, ученые и артисты – лауреаты государственных премий, спортсмены. Финальную точку ставит марш физкультурников. Герои фильма со значками военно-спортивных достижений на груди, идущие в первых рядах, представляют символ единения масс. Без значков как своеобразных символов принадлежности к самой передовой части общества этот образ был бы не так ярок и убедителен.

На рубеже 1930–1940-х гг., когда музыкально-развлекательные комедийные ленты становятся все более гламурными, изменяется роль украшений в атрибуции персонажей. Они сохраняют значение социального маркера, но обретают откровенно полярные коннотации: от эталона для подражания до едкой сатиры.

Ярче и нагляднее других эту линию представил Г. Александров в фильме «Светлый путь» (1940). Фактически в этой картине украшений почти нет. В то же время начальная и финальная сцены киноленты четко дифференцируют начальную и триумфальную точки судьбы советской Золушки. Из предприимчивой и хитровой замарашки, усовершенствовавшей процесс чисти картошки, пока ее «роскошно» убранная хозяйка нежится в постели, Танька (Л. Орлова) в конце пути преобразается в советскую женщину. Она не только передовик производства – стахановка, по заслугам отмеченная высокой наградой – орденом, но «икона стиля» советских женщин предвоенных лет: в нарядном шелковом платье или строгом деловом костюме она путешествует в высях, сидя в правительственном ЗИСе. Орден за трудовые заслуги – единственная деталь, которая хоть сколько-нибудь напоминает зрителю о пройденном ею пути.

Классическим примером советского гламура на западный лад в предвоенные годы представляется картина режиссера В. Корш-Саблина «Моя любовь» (1940). В первой части картины девушкам-комсомолкам, прекрасным в своей молодости, противопоставлен образ из «старого мира»: бабушка в черных кружевах и с брошью, дама за столиком в привокзальном буфете. Только Шуручка (Л. Смирнова) выделяется из них: простенькая брошь украшает ее

футболку. Украшения вступают в свои роли только в кадрах второй части, когда комедия положений близится к развязке, зрителю уже все ясно и у него появляется возможность просто наблюдать за героями и рассматривать их. На балу, посвященном открытию Дворца культуры, нарядные платья девушек украшены то брошью, то бусами. Особенно нарядна Шурочка, исполняющая грустную лирическую песню: пояс шелкового платья украшает блестящая пряжка, на руке – браслет. В этом нет ничего удивительного – праздник же! Но буквально в следующих кадрах та же Шурочка, убежавшая с бала расстроенной, по непонятным причинам появляется в комнате ребенка снова в нарядном вечернем шелковом платье, но уже другом, более сексуальном. Глубокий разрез на спине декорирован блестящими пуговицами-брошами, привлекающими внимание. Да героиня и показывается в этот момент только со спины, как будто нарочно интригуя зрителя своей женственностью. Прямая отсылка к «иконам стиля» рубежа 1930–1940-х гг., образам голливудских кинозвезд, ставших эталонами для подражания не только для западноевропейских, но, как видим, и для советских женщин, очевидна. По крайней мере, в кино.

Пример искомого советского гламура в кино этого времени – комедии И. Пырьева. Самой интересной в контексте темы является фильм «Свинарка и пастух» (1941). С начала и почти до конца фильма героиня – знатная свинарка Глафира Андреевна Новикова (М. Ладынина) одета в полутрадиционный народный костюм: ситцевый сарафан, вышитая рубаша, бусы на груди, что не раз встречается во множестве других кинолент. Так же одеты и другие женские персонажи этой поэтической сказки. Но в финальной сцене свадьбы, она не только одета в городское шелковое платье, но и обряжена в украшения: бусы во множество нитей, висячие серьги-«голубцы», на поясе – пряжка. Вся сцена – свободное цитирование традиционного свадебного обряда с величальными песнями и плачем. И. Пырьев и раньше вводил в фильмы украшения. Правда, обычно это были бусы, которые имели значение гендерного маркера, служили деталью, смягчающей по-мальчишески озорные образы в исполнении М. Ладыниной, такие как Маринка Лукаш в «Богатой невесте» (1938) или Марьяна Бажан в «Трактористах» (1939), всегда в комбинезоне, в кепке. Но только в ленте «Свинарка и пастух», отталкиваясь от традиционной народной культуры, что было характерно для первого года Великой Отечественной войны, режиссер так широко использовал символическое значение украшений.

Не исчезли ювелирные изделия из кинолент военных и послевоенных лент. Однако их роль постепенно сводится к откровенной

сатире, впрочем, без особой остроты, а скорее с комической окраской как образец полной нелепости. Так, в картине «Музыкальная история» (1940 г. Реж. Г. Раппапорт, А. Ивановский) «осколки старого мира» при полном параде, во всевозможных украшениях: длинных нитях бус, брошах-камеях – стоят у керогазов и керосинок на общей кухне огромной, судя по количеству хозяек, коммунальной квартиры. При такой плотности выход на кухню приравнивается к выходу в общество, отсюда и обилие украшений на старых дамах и новых буржуа.

В этот момент социальная окраска в использовании украшений как символических знаков, пожалуй, даже смягчается. На первое место выдвигается уместность или неуместность их ношения в конкретной ситуации и условиях. Поэтому на Полярный бал в Доме культуры не только старые дамы надели свои фамильные украшения, но девушки из рабочей молодежи украсили свои платья бусами, брошами и пряжками.

С другой стороны, в эти годы складывается даже определенный типаж, или персонаж, вневременной формы – приспособленцы из «старого мира», не имеющие перспективы развития. Это маникюрша Тамара Спиридоновна (И. Мурзаева) из фильма «Сердца четырех» (1941 г. Реж. К. Юдин) и тунядка Алла Владимировна Брошкина (И. Мурзаева) из фильма «Близнецы» (1945 г. Реж. К. Юдин). По сути это один персонаж – типический образ. Она, как чертик из табакерки, выскакивает в самых неожиданных местах, когда ее присутствие не только не обязательно, но и прерывает развитие сюжетной линии. И всегда она буквально увешана всякими, и притом броскими, украшениями: крупные серьги, бусы, браслеты, пряжки, теряющиеся среди оборок и бантов на шляпе в виде «шутовского» колпака.

Если появление украшений в комедийно-музыкальных лентах, которые в середине десятилетия становятся едва ли не главным жанром советского кинематографа, вполне понятно, так как абсолютно укладывается в логику жанра, то очевидный рост значения украшений в «серьезных» лентах, посвященных «эстетическому освоению правды жизни <...> утверждению права трудящегося человека на счастье, на красоту, которая должна окружать его, на чуткое и внимательное к нему отношение»⁵, представляется несколько удивительным. Но было именно так.

Лента «Песнь о счастье» (1934 г. Реж. М. Донской, В. Легошин, худ. рук. С. Юткевич) посвящена теме становления творческой личности. Главный тезис – «Дорогу национальную музыку!». Отсюда очевидное увлечение материалом жизни: изображение действительности в ее неповторимой конкретности. Молодая твор-

ческая интеллигенция оттеняется от персонажей из «старого мира» своей открытостью и даже наивностью.

Герой фильма – черемис батрак Ковырля (В. Гардин), который в конце концов вырастает в знаменитого музыканта. Фильм снят в немом формате: масштабные аллегории: река как мерило нравственности, ярмарка – мир во всей его сложности и противоречиях. Но в этом историческом контексте переходного периода разворачивается личная драма героев – любовь Ковырли и Ануки (Я. Жеймо).

Герои представляют идеализированный «пасторальный» образ чистой, непорочной любви в глухой марийской деревне. Но, по мере того как судьба разводит их и, одновременно, возникает противоположное движение навстречу друг другу, через «детали» персонажи наделяются чертами, раскрывающими их становление в контексте нового для них общественного устройства жизни в городе. Для Ковырли это мир музыкальной интеллигенции – консерваторской профессуры, преимущественно принадлежащей старому, дореволюционному строю: дамы в длинных ниспадающих нитях бус, серьгах и брошах, в ряду с бронзовыми каминными часами и шандалами. Поначалу герой теряется перед этим чуждым ему, провинциалу, миром, но постепенно этот мир исчезает из кадра, как исчезает из жизни выпускника консерватории, представителя новой, советской интеллигенции. «Говорящей» деталью в этом случае являются очки, противоположные пенсне профессоров.

Как происходит эволюция Ануки, авторы фильма не показывают, но дают исходную и финальную точки этого процесса. Анука, персонаж второго плана, щедро наделена «говорящими» деталями. В начале картины девушка одета в традиционный марийский костюм и украшения: бусы, девичий платочек, покрывающий голову. Ближе к концу фильма она уже активистка республиканского масштаба: модно повязан платок, одета в пиджак, под которым все же скрывается народная вышитая рубаха, украшенная монистом. В облике легко считывается отражение государственной политики в области поддержки национальных кадров и национальной культуры народов СССР. А в финале Анука предстает уже вполне европеизированной деловой женщиной: мужского покроя костюм, короткая стрижка, а традиционный платок сменяется кокетливо надетым беретом. Украшений нет, традиционное монисто, закрывающее ее шею, исчезло. И в этой обнаженности видится не только, несомненно, возросший масштаб ее общественной деятельности, но и драматичный разрыв связи героини со своими родовыми корнями.

Как необходимый гендерный маркер С. Юткевич ввел украшения в фильмы на производственно-социальную тематику. В ленте

«Шахтеры» (1937), относящейся к жанру «с газетного листа», одной из главных задач, которые поставил перед собой режиссер, было снять некоторый налет грубоватости с героев фильма, живших и работавших в условиях «экспрессивной неустроенности». Только этим можно объяснить появление на шахтерке Галке (З. Федорова), одетой в рабочую робу, нитки довольно крупных бус, что придало образу не только женственность, но некоторую живость и глубину, удивительную в контексте общего тяготения к поляризации: «добро – зло». Невозможно удержаться от аналогии с картиной А. Самохвалова «Метростроевка у бетоньерики», созданной в том же 1937 г., что подтверждает факт очевидного изменения социального статуса украшений от пренебрежения и отрицания к вынужденному признанию⁶ как бытового факта, диссонансирующего с идеологическими установками. Кинематограф второй половины 1930-х в целом категоричен и пристрастен, как плакат – правда масс. Но в таких деталях, как простые украшения, здесь прорывается человеческая интонация, раскрывающая главный посыл – утверждение права человека на красоту вокруг, вне сферы его трудовой деятельности. Бусы как «натурные детали» пронзительно звучат в контрапункте с «партиями» отбойных молотов, летящих вагонеток, чередования света и темноты в шахте.

Необходимость использования броских, подчас неуместных в конкретных обстоятельствах деталей, «позволяющих свободно маневрировать внутри кадра, выхватывая в нем самое существенное»⁷, осознавали и сами авторы.

К концу десятилетия в эйфории победы над внутренним врагом – буржуазией города и деревни и над внешним врагом (победа на Халхин Голе) внимание кинематографа переключается на «нового человека» с именем, отчеством и фамилией, с датами, со всеми эпическими чертами»⁸, анализирует их психологию, их образ жизни.

В фильмах, посвященных становлению духовной зрелости героев, стремящихся туда, где труднее, где они могут быть особенно полезными стране, обретает тональность маркера социального роста. Это прямое отражение в киноискусстве тезиса И. Сталина, утверждавшего, что по мере упрочения позиций социализма, дальнейшего продвижения Советского государства вперед классовая борьба в стране будет все более обостряться⁹. Тема кинолента – развитие образа героя от никому не известного рабочего или колхозника к родоначальнику массового новаторского движения, рекордсмену боевой, физической и трудовой подготовки. На экране противоречивость таких образов на пути из прошлого в будущее предстала в «даре подробного видения» сценариста

К. Виноградской и режиссеров А. Зархи и И. Хейфица, обнаруживших выразительность причудливого сочетания фаты и значка «КИМ», украшающих невесту в сцене комсомольской свадьбы в деревне в ленте «Член правительства» (1939).

С. Герасимов в ленте «Учитель» (1939) не только дает пример духовной зрелости состоявшейся личности – Степана Лаутина (Б. Чирков), возвратившегося учительствовать в свое родное село, но и показывает процесс становления и совершенствования в образе Аграфены (Т. Макарова) характера, развития от «человека в себе» к «человеку историческому». И этот процесс С. Герасимов показывает в мельчайших подробностях, продвигаясь вглубь материала¹⁰. Сам режиссер отмечал, что картина «чересчур гладка»¹¹. Об этом же писала критика, указывая на то, что «быстрая метаморфоза слишком легка, чтобы в нее до конца поверить»¹². Но если внимательно взглядеться в «роль» украшений, то хорошо видно, как трансформируется образ от камерности частного лица к становлению общественного деятеля.

В первых кадрах режиссер, давая образ передовой советской колхозницы, живущей в среде, где еще не изжиты нравы и обычая старого уклада, через ювелирные изделия обозначает исходную и конечную точки развития судьбы героини. Сначала Аграфена выглядит так же нелепо, как и невеста в ленте «Член правительства»: она одета по деревенской моде, кокетливо причесаны волосы. На героине популярны в деревнях серьги-«калачи», на шее бусы, пояс украшает сканая пряжка, какие только что были запущены в массовое производство в Красносельской артели «Красный кустарь», – все это, в контексте сохранявшихся в деревнях традиционных древних поверий, служило оберегами от злых духов, проникавших в душу человека через «выходы» из тела. Этот ансамбль завершает орден Трудового Красного знамени, что дает не только полную характеристику героини, во всем противоречии ее гордости и осознания своего несовершенства, но и символически обозначает перспективы развития ее характера. Весь набор украшений, традиционных и новых советских, не просто сопровождает образ Аграфены на протяжении развития сюжета фильма, но «играет» в нем свою роль в отражении ее страданий и стремления встать вровень со Степаном. Это очень точный прием, позволивший автору ленты через второстепенные детали показать становление именно женского образа. В финальной сцене перед экзаменационной комиссией Аграфена предстает без всяких украшений, от которых она отказалась так же, как по окончании семилетки избавилась и от своей «отсталости».

Украшения не исчезнут из кино советского времени и в конце 1940-х, и в 1950-е гг. Останутся они в киноискусстве и позднее. Но уже никогда больше украшения не достигнут статуса символического знака в раскрытии и развитии характеров персонажей социальных драм и комедий. Лишь в годы «оттепели» появятся фильмы, в которых украшения ярко сыграют свои роли. К таким лентам относится фильм «Донская повесть» (1964 г. Реж. В. Фетин). В сцене объяснения казачки Дарьи (Л. Чурсина) со своим гражданским мужем Степаном (Е. Леонов), когда она пьяная возвращалась из степи от белых; у нее рассыпаются и теряются в траве бусы – единственное ее украшение. Этот эпизод предваряет (символизирует) дальнейшее развитие сюжета о предательстве, которое не только разрушит ее любовь, но лишит ее жизни. Подобный факт может свидетельствовать о том, что режиссеры 1960-х гг. изучали творческий опыт своих предшественников 1930-х гг., когда украшения были символическими знаками на семиотическом поле советского кинематографа.

В стороне от разговора остались особенности авторского почерка того или иного режиссера, которые безусловно имеют значение для определения роли украшений в его фильме. Однако этот аспект чрезвычайно широк и обусловлен множеством важных обстоятельств, которые совершенно невозможно будет обойти, что уведет разговор о значении украшений в кино в 1930-х гг. в целом слишком далеко от основной темы.

Это особенности авторского почерка появляются по мере того, как украшения занимают в кадре все больше и больше места как символический знак характера персонажа.

Таким образом, выстраивается следующая картина бытования украшений в советских кинофильмах 1930-х гг. Помимо проблем чисто технического характера, связанных со становлением звукового кино и инспирировавших трансформацию художественного языка, сформировавшегося в немом кинематографе, важную роль сыграло изменение социального статуса украшений в советском обществе в целом. На смену принципиальному отторжению, как «чуждому элементу, принадлежащему старой культуре», пришло вынужденное признание факта будничной жизни. При этом в условиях обострившейся в это десятилетие социальной стратификации общества внимание кинематографистов привлекли только «старые образцы», символизирующие культуру уходящего мира, и новые в социокультурном, но не художественном отношении изделия в виде значков и орденских знаков. Каждый вид таких художественных изделий в отдельности и в различных пропорциональных сочетаниях позволял либо маркировать социальную принадлежность персонажа и его

окружения, либо показать процесс его развития в соответствии со сценарием. Немногие произведения авторского ювелирного искусства тех лет носили исключительно интимный, частный характер и очевидно не укладывались в эту программу, а потому и не представляли интереса для советских кинематографистов 1930-х гг.

Примечания

¹ Искусство кино. 1939. № 3 (10). С. 4.

² Обсуждение сценария в газете «Кино» от 16 апреля 1933 г.

³ Юрнев Р. Советская кинокомедия. М.: Наука. 1964. С. 228.

⁴ Зак М. Русское кино. Художественное кино первой половины 30-х годов // История советского кино 1917–1967: В 4 т. Т. 2. 1931–1941. М.: Искусство, 1973. С. 77.

⁵ Ханютин Ю. Художественное кино второй половины 30-х годов // Там же. С. 187.

⁶ Тогда же, во второй половине 1930-х гг. на костромской ювелирной фабрике был начат массовый выпуск ювелирных украшений из драгоценных металлов, главным образом из серебра.

⁷ Блейман М., Большицков М., Эрмлер Ф. Работа над сценарием // Искусство кино. 1938. № 4–5. С. 30.

⁸ Довженко А. Цит. по: История советского кино. В 4 т. Т. 2. 1931–1941. М.: Искусство, 1967. С. 189.

⁹ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1972. С. 451–452.

¹⁰ Герасимов С.А. Цит. по: История советского кино. В 4 т. Т. 2. 1931–1941. М.: Искусство, 1967. С. 214.

¹¹ Там же.

¹² Ханютин Ю. Указ. соч. С. 219.

Abstracts

I. Belaya

On the development of the female sisterhood at Daoist school Quanzhen during the Jin and Yuan dynasties.
P. II. Wole Shoujian

This article studies the formation of female monastic tradition at the Daoist School of the Complete Perfection (Quanzhen) during the Jin (1115–1234) and Yuan (1271–1368) dynasties. The research is based on stele inscription with the epitaph to the Daoist nun, who brought a powerful contribution to the development of this religious movement. Important aspects of the female self-sacrifice are considered by the example of Wole Shoujian (1182–1251) hagiography. It also gives an information on the origin of the first female convent at the Daoist School Quanzhen in China in the XII–XIII centuries.

Keywords: China, Daoism, Complete Perfection School, Daoist nuns, Quanzhen jiao teachings, nǚ guan, Wole Shoujian.

M. Bulanova

Theoretical and methodological approaches to the study of intelligentsia educational capital

The process of modernization in contemporary education is accompanied with the occurring in the scientific community rethinking its own role and functions. The article focuses on the transformation of understanding of education as a factor of socialization and as a way of transferring the knowledge and of introduction to the cultural experience, to gaining insight into it as a resource/capital or investment in the future of individual social and professional status. The article analyzes main theoretical and methodological approaches to studying the phenomenon of educational capital in relation to the particular social group of intelligentsia.

Keywords: education, reform of the education, educational capital, the intelligentsia.

V. Chernyj

“Etiquette” in Old Russian Art as an artistic system

In the article considers general principles of constructing the structure and content of an image in Old Russian art conditioned by the medieval worldview. The developed set of special techniques forms a complete structure of the visual image, which becomes the basis for a variety of artistic solutions.

Key words: etiquette, order, ancient Russian art, principles, techniques, size, shapes, designation, world perception, status.

E. Irsetskaya

The pensioner in the near circle of contacts. Meanings, interactions, transfers

After a retirement people especially need support and attention from relatives and close friends. Finding of internal emotional and psychological wellbeing through interactions with a near circle of contacts which in turn creates awareness of participation with daily family everyday life becomes a life purpose for pensioners.

Keywords: Russian pensioners, near circle of contacts, material welfare, inter-generational transfers.

O. Kitaitseva

The social status of Russian pensioners as the life satisfaction factor

Pensioners in modern Russia face many challenges which don't allow characterizing their social position as favorable. However the analysis of satisfaction with their life doesn't allow revealing essential differences from Russians in general. The tight financial situation connected with crisis scenarios in economy does not affects strongly the life satisfaction with both pensioners, and those who still works. It is as if both that and others don't notice crisis, and are concentrated on other positive aspects of social reality.

Keywords: Russian pensioners, social position, satisfaction with life.

A. Lugovaya

Gender peculiarities of life in retirement

The article is devoted to revealing of gender peculiarities of retirement living. The main theoretical approaches to the study of gender and old age are considered. In the analysis, the author reveals gender similarities and differences that characterize life in retirement.

Keywords: gender, gender studies, gender inequality, retirement, age equalization, social roles.

R. Musina

Plastic series by Viktor Neplyuev (Experience of familiarizing with traditional art)

The article analyzes a development of small plastic forms in Russian art using the example of Victor Neplyuev. It is proved that the serial principle allowed the artist to establish a special rhythmic system, which enhanced the expressiveness of works. The creative evolution of this artist shows the style potential in small plastic forms for the development of new plots.

Keywords: Victor Neplyuev, gzhel, plot in art, style, series in art.

I. Perfilieva

Jewelry in the semiotic field of the Soviet cinema in the second half of the 1930s

The fate of jewelry in the first post-revolutionary decades was dramatic: from ignoring it in principle as a sign marking the bourgeois culture of the “old world” to its usage in the new Soviet culture as semiotic markers. The evolution of their status value most vividly was manifested in the Soviet cinema of the 1930s. In the second half of the decade, its role in the characterization of characters gradually increased and acquired symbolic significance in the complex with other functional signs that decipher the plots meaning of various genres in cinema art of those years.

Keywords: social marker, gender marker, didactic value, accessories, auxiliary tools, satire, irony, beads, brooches.

K. Ognev

Distribution fates of Russian movies

The article is devoted to the consideration of one of the most important issues of the theory of cinematography. The author proceeds from the fact that the cinema from the first days of its existence was, among other things, a part of the mass culture. Even in the Soviet period, the cinema was allotted a task of filling the leisure sphere. In the context of the underdevelopment of that sphere, the cinema filled the society need. Hence – the increased audience demand for films. But here are the origins for problems that arose with the Russian films in a market economy, which historically coincided with the general commercialization of world cinema, that within the framework of globalization necessary affected Russian one.

Keywords: mass culture, audience, art, globalization, distribution, film industry, screen culture.

M. Pereslavitsev

The place and the role of deism in the process of European secularization in Charles Taylor's interpretation

The article is dedicated to “A Secular Age”, the book written by Charles Taylor and recently released in Russian language, precisely to Taylor's opinion of the deism role (distinctive to the outlook of many Enlightenment thinkers) in transition from religious society. The article emphasizes not only a genesis of deism, but also on its influence on modern society formation and the role of religion in it.

Keywords: Enlightenment, secularization, deism, Taylor, Christianity.

N. Romanovskij

How are sociological theories construed today?

The article reviews recent publications by Russian sociologists, proponents of theoretical approaches important for our science. In addition to their refutations of recent statements about the absence of theoretical sociology in Russia, they might be seen – for a first approximation, and with some reservations – as practical steps to build sociologic theoretical constructs. The six steps in theorizing are:

1. Accumulating empirical data; 2. Penetration into the position of sociological classics on this problem; 3. The use in research of advances achieved by adjacent disciplines; 4. The use of new, updated methods and techniques; 5. Models-building to look ahead for the future; 6. Introduction into theorization in categories of the temporality, time, as well as of modern historical sociology.

Keywords: Russian sociology, theorization, sociological theories, sequence in theorization.

M. Tsapko

Quality of life of the Russian pensioners

The article, based on data of sociological researches, considers specifics in quality of life among the Russian pensioners. The consideration is made through a prism of social optimism that allows to reveal distinctions in various aspects of life for people with different vital meanings and views of reality. A comparison with data of the All-Russian polls representing the population of the Russian Federation gives an idea of quality of life specifics assessment of the social group and specifics of its perception of the world.

Keywords: quality of life, vital meanings, optimist, pessimist, animist, values paradigms.

G. Tsvetkova

Transformation of the life world of pensioners in Russia

Russian pensioners in the last quarter of the century were and remain one of the vulnerable and numerous social groups. In the market conditions their consciousness, values and orientation are being transformed. At the same time, life experience of pensioners retains its relevance and importance. Hence there is a need for a comprehensive understanding of the basic characteristics that reflect the realities of their post-Soviet life, what is covered in the article.

Keywords: pensioners, age group, awareness and behavior, human resources, employment, authorities.

I. Vorobyova

Political participation of the Russian villagers

Based on the data of All-Russian Research “Life World–2014” and “Country Life–2015” the article analyzes the political participation of Russian villagers using such indicators as interest in politics, political competence and political involvement in the immediate kinds of political practices. The article attempts to identify the quality and meaning of social and political practices of the villagers in comparison with groups living in other types of settlements, the general and special features of political consciousness and behavior of the villagers.

Keywords: political participation, villagers, life world, political practices.

S. Zyuzeva

Stylistic and technological innovations in the artistic design of iconic settings as a reflection of international contacts in Russian culture of the 16th century

The article is devoted to issues of the influence of elements of European jewelry art on the works of the Kremlin goldsmiths of the 16th century. The article deals with jewelry techniques – enamel on gold and silver scans and figurative niello, used in decorating many iconic settings in the second half of the 16th century, executed according to the royal order. Stylistic and technological comparison of the icon settings features and works of European applied art allows to draw conclusion that the jewelers from Italy and the Holy Roman Empire of the German nation worked in the Kremlin workshops.

Keywords: Moscow court, Jewelry Art, 16th century, Kremlin workshops, icon settings, Western European masters, Enamel for scans, niello.

Сведения об авторах

Белая Ирина Витальевна – кандидат философских наук, независимый исследователь (Курск), belaya-irina@rambler.ru

Буланова Марина Борисовна – доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, marina_bulanova@inbox.ru

Воробьева Ирина Владимировна – доцент кафедры Теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, Vorobyova.irena@list.ru

Зюзева Светлана Геннадиевна – научный сотрудник, хранитель коллекции русского художественного металла XII–XVII веков, Федеральное государственное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”», zuzeva@kremlin.museum.ru

Ирбетская Елена Александровна – кандидат социологических наук, специалист отдела фундаментальных исследований ВЦИОМ, e.irs@rggu.ru

Китайцева Ольга Вячеславовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, olga_kitaitseva@mail.ru

Луговая Анастасия Викторовна – магистрант социологического факультета РГГУ, lnastia@mail.ru

Мусина Раля Рифатовна – доктор искусствоведения, профессор Московской государственной художественно-промышленной академии имени С.Г. Строганова, vr.goda5@gmail.com

Огнев Константин Кириллович – доктор искусствоведения, ректор Академии медиаиндустрии, ognev@ipk.ru

Переславцев Максим Игоревич – аспирант факультета философии РГГУ, mpereslavcev@gmail.com

Перфильева Ирина Юрьевна – кандидат искусствоведения, доцент, ведущий научный сотрудник института теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, perfileva-irina@yandex.ru

Романовский Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, romanival@yandex.ru

Цапко Мирослава Сергеевна – доцент кафедры политической социологии социологического факультета РГГУ, usprresearch@gmail.com

Цветкова Галина Александровна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии организаций и социальных технологий социологического факультета РГГУ, qaltsvet@mail.ru

Черный Валентин Дмитриевич – доктор культурологии, профессор Московского государственного педагогического университета, tchernie@rambler.ru

General data about the authors

Belaya Irina V. – Ph.D. in Philosophy, independent researcher (Kursk),
belaya-irina@rambler.r

Bulanova Marina B. – Dr. in Sociology, professor, Department
of Theory and History of Sociology, Faculty of Sociology, Russian
State University for the Humanities, marina_bulanova@inbox.ru

Chernyj Valentin D. – Dr. in Cultural Studies, professor, Moscow State
Pedagogical University, tchernie@rambler.ru

Irsetskaya Elena A. – Ph.D. in Sociology, specialist, Department
of Fundamental Researches, VCIOM, e.irs@rggu.ru

Kitaitseva Olga V. – Ph.D. in Sociology, associated professor,
Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Russian
State University for the Humanities, olga_kitaitseva@mail.ru

Lugovaya Anastasia V. – master' student, Faculty of Sociology, Russian
State University for the Humanities, lnastia@mail.ru

Musina Ralia R. – Dr. in Arts History, professor, S.G. Stroganov
Moscow State Academy of Arts and Industry, vr.goda5@gmail.com

Ognev Konstantin K. – Dr. in Arts History, rector, Academy
of Mediaindustry, ognev@ipk.ru

Pereslavytsev Maxim I. – postgraduate student, Faculty of Philosophy,
Russian State University for the Humanities, mpereslavcev@gmail.
com

Perfileva Irina Yu. – Ph.D. in Art History, associate professor, leading
researcher, Institute of Theory and History of Fine Arts, Russian
Academy of Arts, perfileva-irina@yandex.ru

Romanovskij Nikolay V. – Dr. in History, professor, Department of the
Theory and History of Sociology, Faculty of Sociology, Russian
State University for the Humanities, romanival@yandex.ru

Tsapko Miroslava S. – associate professor, Department of Political Sociology, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, ucprresearch@gmail.com

Tsvetkova Galina A. – Dr. in Sociology, professor, Department of the Sociology of Organizations and Social Technologies, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, qaltsvet@mail.ru

Vorobyova Irina V. – associate professor, Department of the Theory and History of Sociology, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, vorobyova.irina@list.ru

Zyuzeva Svetlana G. – researcher, curator of the collection of Russian art metal of the 12th–17th centuries, The Federal State Cultural Institution “The State Historical and Cultural Museum-Reserve ‘The Moscow Kremlin’”, zuzeva@kremlin.museum.ru

Художник *В.В. Сурков*

Корректор *О.К. Юрьев*

Компьютерная верстка *М.Е. Заболотникова*

Подписано в печать 19.09.2017.

Формат 60 × 90¹/₁₆.

Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 10,2.

Тираж 1050 экз. Заказ № 133

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rggu.ru

www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»
выходит 4 раза в год.
Подписка принимается всеми отделениями связи
без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 71126
Не забудьте своевременно подписаться
на наш журнал!